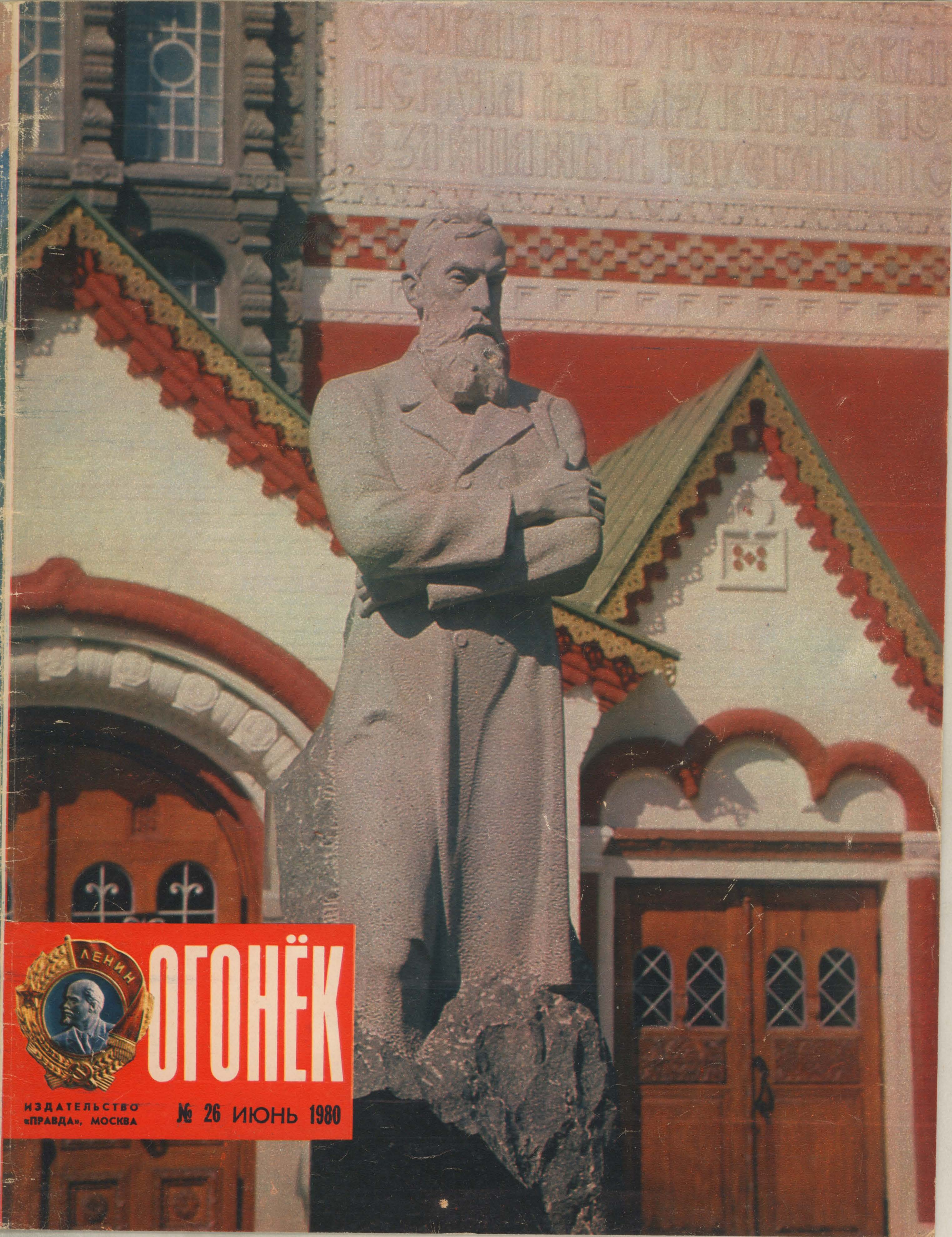

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1980

ИНФОРМАЦИОНН
о Пленуме Центр
Коммунистической пар

23 июня 1980 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева и решил вопрос о созыве очередного XXVI съезда КПСС.

Постановление Пленума по этому вопросу публикуется в печати сегодня.

Пленум ЦК КПСС заслушал доклад члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР тов. А. А. Громыко «О международном положении и внешней политике Советского Союза».

В прениях по докладам тт. Л. И. Брежнева и А. А. Громыко выступили тт. А. Ф. Ватченко — Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР, Э. А. Шевард-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО

О СОЗЫВЕ ОЧЕРЕДНО

1. Созвать очередной XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза 23 февраля 1981 года.

2. Утвердить следующий порядок дня съезда:

1) Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики—докладчик Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

2) Отчет Центральной ревизионной комиссии КПСС—докладчик председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС тов. Г. Ф. Сизов.

3) Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы — докладчик Председатель Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгин.

4) Выборы центральных органов партии.

3. Установить норму представительства на XXVI съезд КПСС: один делегат от 3.350 членов партии.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ВН

Рассмотрев по докладу члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР тов. А. А. Громыко вопрос «О международном положении и внешней политике Советского Союза», Пленум Центрального Комитета КПСС целиком и полностью одобряет деятельность Политбюро ЦК КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева по осуществлению ленинского внешнеполитического курса XXIV—XXV съездов партии.

Пленум ЦК отмечает, что в результате прежде всего многосторонней и активной деятельности Советского Союза, социалистического содружества, опирающейся на рост экономической и оборонной мощи стран социализма, в 70-х годах было достигнуто оздоровление международной обстановки. В процессе разрядки упрочилось и стало наполняться конкретным экономическим и политическим содержанием мирное сосуществование между государствами с различным социальным строем, обозначился явный спад «холодной войны», были созданы более благоприятные объективные предпосылки для разрешения спорных вопросов и международных конфликтов путем справедливого мирного урегулирования.

Однако в последнее время этим позитивным процессам агрессивные империалистические силы противопоставили политику, диктуемую нежеланием считаться с реальностями современного мира — с упрочением позиций социализма, успехами национально-освободительного движения, ростом свободолюбивых демократических сил в целом. Империализму хотелось бы затормозить объективный процесс обновления мира. Руководители военного блока НАТО, и прежде всего США, взяли курс на то, чтобы нарушить сложившееся в мире военное равновесие в свою пользу и в ущерб Советскому Союзу, социалистическим странам, в ущерб международной разрядке и безопасности народов.

Отсюда — линия империализма на усиление гонки вооружений, развязывание провокаций против социалистических и других независимых государств, милитаристская активность НАТО и расширение его функций в качестве орудия империалистического диктата. Пытаясь навязать свою волю другим государствам, правящие круги США стали на путь экономических «санкций» и свертывания научно-технических, культурных и спортивных связей, отказываются от взятых на себя обязательств, нарушают подписанные ими соглашения и договоренности. Антисоветизм и антикоммунизм превращены в инструмент подстегивания гонки вооружений, в орудие борьбы не только против СССР и других стран социалистического содружества, не только против коммунистов, но и против всех противников войны, миролюбивых сил, в средство подрыва разрядки.

На антисоветской враждебной делу мира основе происходит сближение агрессивных кругов Запада, в первую очередь Соединенных Штатов, с китайским руководством. Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народов.

В этой сложной международной обстановке Центральный Комитет КПСС, Советское государство проявляют подлинно ленинскую выдержку, твердость и принципиальность, отстаивая и проводя в жизнь курс на сохранение мира, обеспечение безопасности советского народа, международной безопасности в целом, не поддаваясь на провокации и в то же время давая отпор империалистическим притязаниям.

ЦК КПСС выражает убежденность в том, что существуют объективные возможности и общественно-политические силы, способные не допустить сползания к новой «холодной войне», обеспечить нормальное, мирное сосуществование государств с различным социальным строем, предотвратить угрозу мирового термоядерного конфликта. Путь к решению этой задачи — путь переговоров, основанных на строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. Это в полной мере относится и к советско-американским отношениям.

Подобная точка зрения завоевывает сторонников среди государственных деятелей как стран Запада, так и стран — участниц движения неприсоединения. Разрядка напряженности пустила глубокие корни в современной международной жизни, и имеются реальные предпосылки для того, чтобы сохранить ее как доминирующую тенденцию мировой политики.

ОЕ СООБЩЕНИЕ
ального Комитета
тии Советского Союза

надзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, В. Н. Макеев — второй секретарь Московского горкома КПСС, Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского горкома КПСС, А. Б. Чаковский — главный редактор «Литературной газеты», секретарь правления Союза писателей СССР, Г. Я. Горбань — сталевар ждановского металлургического завода «Азовсталь» им. С. Орджоникидзе, Донецкая область, К. Г. Вайно — первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, И. И. Бодюл — первый секретарь ЦК Компартии Молдавии.

Пленум ЦК КПСС принял по докладу тов. А. А. Громыко соответствующее постановление, которое также публикуется в печати.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

КОМИТЕТА КПСС ОТ 23 ИЮНЯ 1980 ГОДА

ГО XXVI СЪЕЗДА КПСС

4. Делегаты на XXVI съезд КПСС избираются согласно Уставу партии закрытым (тайным) голосованием на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик. Выборы делегатов на XXVI съезд КПСС от компартий Украины, Белоруссии, Узбекистана и Казахстана проводятся на областных партийных конференциях.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях Советской Армии, Военно-Морского Флота, внутренних и пограничных войск, избирают делегатов на XXVI съезд КПСС вместе с соответствующими территориальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах компартий союзных республик.

Коммунисты, состоящие в партийных организациях частей Советской Армии и Военно-Морского Флота, находящихся за границей, избирают делегатов на XXVI съезд КПСС на партийных конференциях соответствующих войсковых соединений.

КОМИТЕТА КПСС ОТ 23 ИЮНЯ 1980 ГОДА

ЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Разрядка есть закономерный результат сложившегося в последние десятилетия соотношения сил на мировой арене. Достигнутое военно-стратегическое равновесие между миром социализма и миром капитализма — это завоевание принципиального, исторического значения. Оно служит фактором, сдерживающим агрессивные устремления империализма, что отвечает коренным интересам всех народов. Расчеты поколебать это равновесие обречены на провал.

Пленум поручает Политбюро ЦК и в нынешней ситуации, когда авантюристические действия США и их пособников вызвали усиление военной опасности, неуклонно продолжать курс XXIV—XXV съездов КПСС на всемерное укрепление братского союза социалистических государств, поддержку справедливой борьбы народов за свободу и независимость, на мирное сосуществование, обуздание гонки вооружений, сохранение и развитие международной разрядки, взаимовыгодное сотрудничество в экономической, научной и культурной областях.

В то же время Пленум считает, что происки империализма и других врагов мира требуют постоянной бдительности и всемерного укрепления обороноспособности нашего государства, с тем чтобы сорвать планы империализма на достижение военного превосходства и осуществление мирового диктата.

Важнейшим событием явилось состоявшееся в мае с. г. в Варшаве совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, которое вновь продемонстрировало благотворную роль социализма в мировых делах, его последовательный интернационализм и непоколебимое миролюбие, еще раз со всей силой подчеркнуло значение братской солидарности и координации действий социалистических стран для сохранения всеобщего мира и обеспечения международной безопасности. В принятой на совещании Декларации и в Заявлении о созыве совещания государств на самом высоком уровне дан марксистско-ленинский анализ сложившейся обстановки, содержится конкретная и конструктивная программа мер, необходимых для ликвидации очагов напряженности и опасных для всех народов тенденций в международном развитии. Дальнейшее углубление сотрудничества стран социализма в политической, экономической, оборонной и других областях, конструктивная деятельность их совместных организаций — Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи надежно служат делу мира и прогресса.

Пленум ЦК полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых — задушить афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР. Пленум высказывается за политическое урегулирование положения, сложившегося вокруг Афганистана, который проводит политику неприсоединения. Для этого требуются, как заявило правительство ДРА, полное прекращение агрессии против этой страны и надежные гарантии против подрывных действий из-за рубежа.

Пленум подтверждает огромное значение в современных условиях сплоченности и активных действий международного коммунистического движения, сотрудничества братских партий на двусторонней и многосторонней, региональной и всемирной основе — в борьбе за мир и социальный прогресс, против империализма и его агрессивных антинародных планов. Пленум считает проведение Парижской встречи коммунистических и рабочих партий Европы значительным событием в жизни коммунистического движения, важным фактором активизации антивоенных сил, всех людей доброй воли в защиту мира и международной безопасности.

Пленум Центрального Комитета КПСС отмечает, что в современной международной обстановке налицо еще более тесное сплочение рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции всех наций и народностей Советского Союза вокруг Коммунистической партии и их горячая поддержка внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства.

Пленум ЦК выражает твердую уверенность в том, что партия, советский народ приложат все усилия к тому, чтобы успешным выполнением десятого пятилетнего плана еще более укрепить мощь нашей социалистической Родины, что является основой эффективного проведения в жизнь ленинского миролюбивого курса нашей партии и Советского государства.

ВРУЧ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 24 июня в Кремле награды Родины ответственным партийным и государственным деятелям.

Выступивший при вручении наград товарищ Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

Сегодня мне предстоит вручить награды Родины группе известных и заслуженных товарищей. Они награждены по разным поводам, в связи с разными собы-

24 июня в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась третья сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

На снимке: в зале заседаний Верховного Совета СССР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2763)

28 ИЮНЯ 1980

ЕНИЕ НАГРАД РОДИНЫ

тиями, но в общем-то их работу можно охарактеризовать одинаковыми словами — это верное служение делу партии, делу народа...

Я хотел бы от всей души поздравить товарищей с высокими наградами и пожелать им доброго здоровья, счастья, больших творческих успехов.

Теперь разрешите перейти к приятной процедуре — вручению наград:

Динмухамед Ахмедович Кунаев удостоен ордена Ленина.

Николай Александрович Тихонов награжден орденом Октябрьской Революции.

Борис Николаевич Пономарев награжден орденом Октябрьской Революции.

Шараф Рашидович Рашидов награжден орденом Ленина.

Константину Викторовичу Русакову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Клавдий Михайлович Боголюбов награждается орденом Ленина.

Еще раз от всей души поздравляю вас, дорогие товарищи.

* * *

Награжденные горячо и сердечно поблагодарили Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство, лично Леонида Ильича Брежнева за высокую оценку их труда.

Выступления были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

Члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, присутствовавшие при вручении, сердечно поздравили награжденных и пожелали им дальнейшей плодотворной деятельности во имя построения коммунистического общества в нашей стране, мира и прогресса на земле.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ПОДВИГ СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТОВ

Успешный полет летчиков-космонавтов СССР Ю. В. Малышева и В. В. Аксенова на корабле «Союз Т-2» с большим воодушевлением восприняли советские люди, все прогрессивное человечество.

18 июня в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил героям космоса высокие награды Родины. Выступая при вручении наград, он, в частности, сказал:

Товарищи! За успешный испытательный полет на космическом корабле «Союз Т-2», за мужество и героизм, проявленные при выполнении задания Родины, командиру корабля полковнику Малышеву Юрию Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Ему же Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание «Летчик-космонавт СССР».

Бортинженер корабля Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Аксенов Владимир Викторович награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда».

С ответным словом выступили Ю. В. Малышев и В. В. Аксенов.

Выступления были выслушаны с большим вниманием и встречены аплодисментами.

При вручении наград были кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, другие официальные лица.

На снимке: во время вручения наград.

Фото С. Гурария

ДРУЖЕСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Перед началом беседы.

Фото В. Егорова (ТАСС)

18 июня состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с председателем Прогрессивно-социалистической партии (ПСП) Ливана В. Джумблатом и сопровождающим его С. Франжье.

В ходе беседы, прошедшей в теплой, дружественной обстановке, ливанские гости были ознакомлены с основными направлениями деятельности КПСС в области внутренней и внешней политики.

Стороны подчеркнули, что справедливое урегулирование конфликта на Ближнем Востоке способствовало бы созданию благоприятных условий для нормализации положения в Ливане, прекращению актов агрессии против него со стороны Израиля и его марионеток.

В. Джумблат высоко оценил миролюбивую внешнюю политику КПСС и Советского правительства и выразил признательность за поддержку антиимпериалистической борьбы ливанского народа, его национальных чаяний.

Представители КПСС и ПСП подтвердили стремление обеих партий к дальнейшему развитию дружественных отношений между ними, высказались за укрепление советско-ливанской дружбы и сотрудничества.

ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ В ПУТИ

В десять часов тридцать минут утра 19 июня на земле древней Олимпии состоялась торжественная церемония зажжения олимпийского огня. Тысячи людей, жителей разных греческих городов, туристы, приурочившие свое пребывание в Греции к этому торжественному олимпийскому акту, собрались в Олимпии. У могилы, в которой похоронено сердце основателя современных Олимпийских игр француза Пьера де Кубертена, прозвучал олимпийский гимн, а за ним гимны Франции, СССР и Греции. Глава советской делегации, прибывшей на торжественную церемонию, заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» И. Козюля сказал: «Пусть олимпийский огонь станет связующей нитью между народами и странами, пусть он напоминает о благородных идеях олимпизма, пусть будет счастливым путь для всех факелоносцев»...

И вот под звуки свирели от храма богини Геры двинулась торжественная процессия. Известная актриса Мария Москолиу, взявшая на себя роль главной жрицы храма, сопровождаемая свитой весталок, направилась к алтарю Зевса, где было установлено вогнутое зеркало, концентрирующее солнечные лучи.

Преклонив перед алтарем колено, главная жрица поднесла к зеркалу факел, и над полуразрушенными храмами и дворцами вспыхнул олимпийский огонь, перенесенный тут же в ритуальную вазу.

Затем красочная процессия направилась к олимпийскому стадиону, и по пути к нему самая молодая жрица сорвала со священного оливкового дерева ветвь. Ритуальная ваза была установлена на месте древнего алтаря, и здесь-то и произошло зажжение первого «рабочего» факела эстафеты, которой предстоит долгий путь длиной в 5 тысяч километров — от Олимпии до Москвы.

Это была поистине незабываемая церемония, после которой факел вместе с оливковой ветвью получил первый из 1170 греческих бегунов, студент Атанасиас Козмопулос.

Так начал олимпийский огонь свой путь, сперва по дорогам Греции к мосту на реке Быстрица, где его утром 25 июня должны подхватить болгарские бегуны, затем после пяти дней 1 июля огненная эстафета должна прийти на румынскую землю, а 5 июля ее подхватят советские спортсмены, чтобы продолжить путь по Молдавии, Украине и России.

18 июля олимпийский огонь прибудет в Москву, с тем чтобы вспыхнуть в чаше над Центральным стадионом имени Ленина в час открытия XXII Олимпийских игр.

В. ВИКТОРОВ

С помощью лучей солнца и вогнутого зеркала известная греческая актриса Мария Москолиу зажгла огонь Олимпиады-80.

Телефото ТАСС

ТЕПЛЫЕ ПРОВОДЫ

Прошло полгода, как ограниченный контингент советских войск по просьбе афганского правительства в соответствии с советско-афганским договором был введен на территорию Демократической Республики Афганистан для оказания братскому афганскому народу интернациональной помощи в отражении внешней агрессии со стороны врагов апрельской революции. И вот теперь некоторые советские части выводятся из Афганистана. Эта важная советская инициатива подтверждает тот факт, что положение в Афганистане находится под контролем законных властей.

Радостны лица советских солдат и офицеров. Это и понятно: скорая встреча с любимой Родиной, горды бойцы от сознания выполненного долга. Трудна и почетна служба солдатская. И всегда готовы советские воины прийти на помощь другу. Если надо — защитить от посягательств врагов, построить школу, проложить дорогу. Поэтому и прощаются афганские жители с советскими солдатами как братья.

Вывод некоторых советских воинских частей с территории Афганистана.

Фото спец. корр. ТАСС Г. Надеждина

ВСТРЕЧА В ВЕНЕЦИИ

Сергей ЛОСЕВ

В канун открытия в Венеции экономического совещания глав семи крупнейших капиталистических государств — США, Франции, ФРГ, Англии, Японии, Канады и Италии — лондонская «Таймс» предвкушала, что «наилучшим результатом этой встречи было бы преодоление разногласий внутри самого западного союза».

Такого, однако, не случилось, да и вряд ли могло произойти, несмотря на назойливо демонстрируемый всему миру фасад «атлантической солидарности». «США и их союзники, хотя все они выражают желание крепить «единство», оказываются разъединенными, как никогда, со времени второй мировой войны»,— сетует «Нью-Йорк таймс».

В представлении нынешней американской администрации западное единство означает только одно: союзники США должны безропотно и беспрекословно плестись в фарватере авантюристической политики Картера — Бжезинского, несмотря на то, что соотношение экономической мощи внутри самого западного союза больше не дает Вашингтону никаких оснований для диктата.

Союзники США питают все большее недоверие к официальному курсу Вашингтона, если его вообще можно назвать курсом, учитывая шарахания из стороны в сторону, постоянные колебания, зигзаги и скоропалительные решения, продиктованные конъюнктурными соображениями. Доктрина «антиразрядки», выдвинутая Картером,— это ставка на долговременную, нарастающую гонку вооружений, на конфронтацию со странами социализма, это линия на откровенное военное вмешательство сил «быстрого реагирования» США во внутренние дела других государств и народов в целях установления господства американского империализма над многими районами мира, которые Вашингтон, игнорируя горькие уроки вьетнамской авантюры, самозванно провозглашает сферой «жизненных интересов» США.

Отрекаясь от оправдавшего себя принципа равенства и одинаковой безопасности, правящие круги США стремятся подорвать сложившееся в мире равновесие военно-стратегических сил. Именно для этого Пентагон оснастил ракетами дальнего радиуса действия свой 6-й флот в Средиземном море, наращивает в Индийском океане и Персидском заливе гигантскую военно-морскую армаду, форсирует планы размещения в Западной Европе около 600 новых ракет, способных поразить цели на территории СССР, создает стратегические ракеты «МХ» и глубоководные ядерные подлодки «Трайдент». К своим планам нарушения сложившегося равновесия сил милитаристские круги США все активнее подключают пекинских гегемонистов, обнаруживая «параллельные» с ними интересы и снабжая Пекин военной технологией.

Беспочвенность и иллюзорный характер этих расчетов признают многие видные политические деятели США. Сайрус Вэнс, уходя в отставку с поста государственного секретаря, предостерегал, что опасная тоска по ушедшим временам всесилия американской мощи может привести США «к серьезной ошибке, а то и к катастрофе».

Тем не менее временщики из Белого дома вопреки здравому смыслу идут напролом, настаивая на том, чтобы Западная Европа и Япония в угоду их узкокорыстным расчетам принесли в жертву не только свои национальные интересы, но и будущее разрядки.

Официальный Вашингтон ведет себя беспрецедентно грубо, если не сказать нагло, по отношению к своим ближайшим союзникам. Перед самой венецианской встречей президент Дж. Картер счел уместным направить канцлеру ФРГ Г. Шмидту письмо с требованием не развивать отношения с Советским Союзом. Если канцлер дипломатично назвал письмо «вызывающим удивление», то высокопоставленные сотрудники госдепартамента США, по словам «Вашингтон пост», расценили тон и содержание письма как «публичное оскорбление Шмидту».

Сам Картер предупредил, что Западная Европа не сможет оставаться «островом разрядки», а З. Бжезинский — он-то, говорят, и был подлинным автором вызывающего письма западногерманскому руководству — в беседе с одним западноевропейским политическим деятелем цинично заявил: «Пора кончать с этой разрядкой...»

В Венецию делегация Соединенных Штатов явилась с тяжелым грузом проблем жесточайшего спада в американской экономике, усугубляющего угрозу кризиса во всем капиталистическом мире: безработица в ведущих западных странах уже превысила 18 миллионов человек, темпы инфляции в этом году, несмотря на спад производства, превысят десятипроцентную отметку, а энергетический кризис сулит лишь новые сюрпризы из-за иранской ситуации и последствий кэмп-дэвидской сделки. Ни по одному из экономических вопросов, включенных в повестку дня венецианского совещания, США не смогли предложить ничего реального.

Именно поэтому Вашингтон предпринял отвлекающий маневр: постарался отодвинуть на второй план экономические проблемы и сделать «гвоздем программы» провокационную возню вокруг так называемого «афганского вопроса».

Перед отлетом в Венецию Картер поставил Афганистан на первое место в своей «персональной повестке дня» совещания «семерки». В римской речи он взывал к союзникам сообща «принять стратегический вызов жизненно важным интересам Запада», который якобы был брошен в результате помощи, оказанной Советским Союзом Демократической Республике Афганистан в отражении агрессии извне.

Западная Европа вправе, однако, отдать себе ясный отчет в том, что цепная реакция событий в Афганистане была вызвана возмутительными попытками американского империализма задушить афганскую революцию путем необъявленной войны, превратить ДРА из независимой, неприсоединившейся страны в проимпериалистический плацдарм агрессии на южных границах СССР, в базу подрывных операций против революционного Ирана.

Эти потуги обречены на провал. Они столь же бесперспективны, как и усилия США и НАТО сломать в свою пользу сложившееся военно-стратегическое равновесие. СССР совместно с другими странами социалистического содружества располагают всем необходимым, чтобы сорвать замыслы противника и надежно обеспечить свою безопасность и безопасность своих друзей.

Что касается перспектив решения вопросов энергетики, международной торговли и других глобальных экономических проблем, то страны — члены СЭВ уже ясно дали знать, что они готовы расширять отношения сотрудничества с другими странами на справедливой, равноправной и взаимовыгодной основе.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

АЛМА-АТА

ЭКЗАМЕНУЕТ ОЛИМПИАДА

1

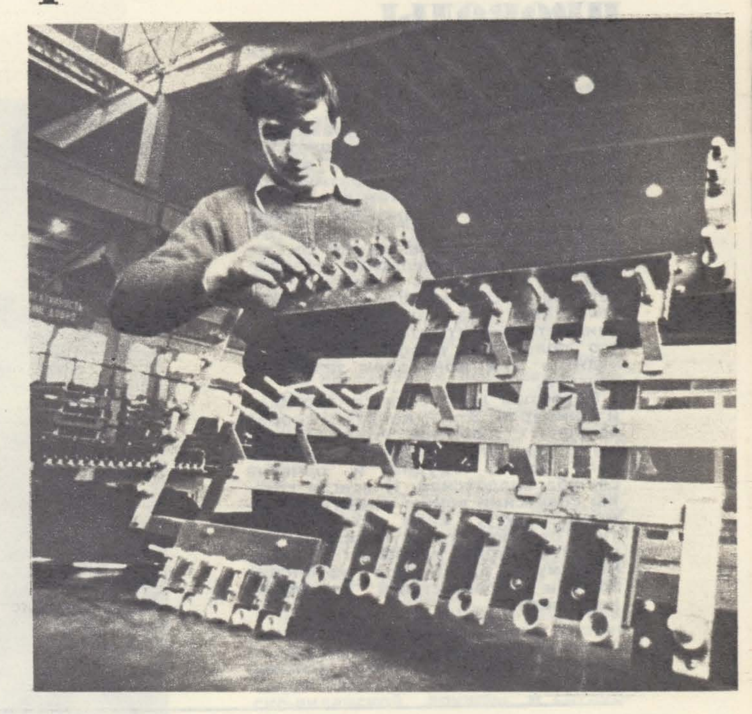
Приборы Алма-атинского завода низковольтной аппаратуры известны в десятках стран мира. Недавно новые партии продукции были отправлены на Кубу и во Вьетнам, Финляндию и ГДР, во многие африканские и азиатские государства, на БАМ. Ни одна крупная стройка страны не обходится без низковольтной аппаратуры алмаатинцев, которая надежна и в тропиках и в Заполярье. Теперь ее будет экзаменовать Московская Олимпиада. И завод к экзамену готов — по специальному заказу Олимпийского комитета он поставляет всевозможные выключатели для распределения электроэнергии, они защищают электрические цепи от перегрузок и токов короткого замыкания. При необходимости они могут автоматически отключить поврежденный участок цепи.

Ю. ЛУШИН

На снимке: в сборочном цехе.

Фото автора

1



БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ТЮТЧЕВСКИЕ ДНИ

2

«...Когда ты говоришь об Овстуге, о пользе, которую принесли бы мне спокойствие и свежесть, ожидающие меня там, я совершенно разделяю твое мнение. Но увы, как добраться до этого рая?»

Так писал жене Федор Иванович Тютчев, стремясь попасть на родную Брянщину. Старинное село Овстуг, где родился великий русский поэт, с многочисленными заросшими холмами, с просторными полями, между которых протоптанные дорожки не раз выводили его к искрящейся Десне с паромной переправой, к березовым рощам и дубравам, конечно, было дорого Федору Ивановичу.

Итак, опять увиделся я
с вами,
Места немилые, хоть
и родные,
Где мыслил я и чувствовал
впервые
И где теперь туманными
очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит
на меня.

Это строчки из стихотворения «Итак, опять увиделся я с вами...» — одного из тех, что были созданы поэтом в нечастые приезды в Овстуг.

На родине поэта постепенно восстанавливается первоначальный вид усадьбы Ф. И. Тютчева. Посажен парк, реставрирован пруд с деревянным мостиком и беседкой на его берегу. В одном из уютных домиков расположил свои залы музей. В нем собраны фотографии и живописные портреты поэта, редкие издания его книг, рукописи, старинные гравюры.

В парке сооружен памятник Ф. И. Тютчеву, выполненный Александром Кобелинцем. Федор Иванович изображен, как описал его один из современников: «с редкими, рано поседевшими волосами, небрежно осеняющими высокий, обнаженный лоб, всегда оттененный глубокою думою, с рассеянием во взоре, с легким намеком иронии на устах». Под руководством доцента В. Н. Городкова готовится в Овстуге и воссоздание дома-усадьбы, где родился поэт. Здесь намечено разместить главный музей Ф. И. Тютчева.

Выражением любви и признательности к нему, любившему больше всего на свете родину и поэзию, стали ежегодно проводимые в июне тютчевские дни поэзии. В этом году они состоялись в двадцать первый раз.

Николай ЛАЛАКИН

На снимке: праздник поэзии в Овстуге.

Фото Н. Романова

2

ВЛАДИВОСТОК

«ЧАЙКА» ВРУЧАЕТ СЮРПРИЗЫ

3

Что может быть приятнее для матроса в дальнем рейсе, чем послать поздравление с праздником родному человеку, ожидающему его дома? Да притом, если поздравление это сопровождается подарком и букетом цветов.

Вот уже добрый десяток лет, как бюро услуг при магазине «Чайка» управления Торгмортранс ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Дальневосточного морского пароходства выполняет просьбы моряков, поздравляя их близких. В радиограммах с борта того или иного судна просят, например, вручить подарок и цветы — «желательно тюльпаны или гвоздики». А капитан ледокола «Ермак» Ю. П. Филичев ежегодно заказывает к дню рождения жены только розы. И добрая фея Ольга Полищук добывает гвоздики, тюльпаны, розы порой далеко не в «розовое» время года. Она сама внучка моряка, дочь моряка, жена моряка и потому, как никто другой, знает цену таким сюрпризам.

— Чтобы полностью удовлетворить просьбы моряков,— рассказывает начальник Торгмортранса В. Д. Денисов,— мы решили построить собственную теплицу.

В. КУЗНЕЦОВ,
фото автора

На снимке: Ольга Полищук и Татьяна Саморгина готовят подарки.

ПОЛТАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

АИСТЫ НА КУРОРТЕ

4

«Миргород», что на Полтавщине,— популярная здравница, которая славится своими целительными источниками. Лечебные и спальные корпуса, другие постройки словно вписаны в природу, поэтому и неудивительно, что посреди здравницы свили гнездо аисты. Много лет птицы жили на высоком дереве, но оно засохло. Тогда строители ремонтного участка курорта поставили металлический столб, на верхушке которого аисты и обосновались.

...Каждое лето приезжаю в «Миргород», обязательно прихожу сюда. И каждый раз вижу, что аисты снова прилетели, растят птенцов, учат их стать на крыло. И все отдыхающие очень рады птицам.

В. ЛЕСНОЙ,
корреспондент
«Ворошиловградской правды»

Фото автора

ЛЕНИНГРАД

КРУПНЕЙШИЙ ЗАЛ ЕВРОПЫ

3

Болельщики старшего поколения хорошо помнят фразу, некогда традиционную для спортивных афиш: «Матч состоится при любой погоде». Да, в те времена ни ранние морозы и поздние снегопады, ни тропические ливни и непроглядные туманы не могли отменить праздника истых поклонников футбола.

Однако и тогда, леденея на пронизывающем ветру, каждый из нас втайне мечтал о тех временах, когда, идя на хоккей, можно будет оставлять валенки дома, а на футболе обходиться без зонтика. Такие времена настали. Первым спрятался под крышу хоккей с шайбой, а нынче, наблюдая по телевизору репортажи из московского футбольно-легкоатлетического комплекса имени В. Куца, мы ясно видим и недалекое «всепогодное» будущее нашего футбола.

Правда, зал ЦСКА из-за малой вместимости его трибун следует считать скорее тренировочным. Первым же настоящим стадионом под крышей стал построенный в Ленинграде спортивно-концертный комплекс на 25 тысяч зрителей.

Многое поражает в нем. И прежде всего грандиозные размеры. Подавая угловой или исполняя дальнюю навесную передачу, игрок может не опасаться, что мяч невзначай заденет потолок. До него почти как до неба. Только вместо солнца на здешнем, сплетенном из серебристых стальных конструкций «небосклоне» разноцветными огнями сияет кубическое информационное табло, изготовленное специалистами братской Венгрии.

Немало технических чудес скрывается под газоном футбольного поля. Благодаря им зал поистине универсален. Совсем немного времени требуется, чтобы превратить его в огромную ледяную арену, готовую принять хоккеистов или мастеров фигурного катания. Впервые в стране надежную крышу над головой получат и конькобежцы. Услугами главной арены могут воспользоваться представители пятнадцати видов спорта.

Отличная акустика, великолепный обзор поля с любой точки зала и, наконец, безупречный вкус дизайнеров, позаботившихся о достойном оформлении вестибюля, многочисленных холлов, кафе,— вот штрихи, довершающие облик комплекса, которому по предложению ленинградских ветеранов партии присвоено имя В. И. Ленина.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

На снимке: Ленинградский спортивно-концертный комплекс имени В. И. Ленина.
Фото Ю. Щенникова

4

МОСКВА

Какие ткани в моде?

К каким тканям обратились в нынешнем году художники-модельеры? Такой вопрос корреспондент «Огонька» М. Гоголадзе задала начальнику отдела перспективного развития ассортимента тканей и материалов ВИАлегпрома НИНЕ НИКОЛАЕВНЕ ДАЦКОВСКОЙ.

— Сейчас и мужскую и женскую одежду при всем многообразии форм, стилей, сезонных различий объединяет максимальная комфортность. Чем это достигается? С одной стороны, мягкостью форм, не стесняющих движений, с другой — свойствами тканей. Они стали легче, мягче, гигроскопичней. В моде полупрозрачный креп, как хлопчатобумажный, так и из ацетатного шелка. На литовской фабрике «Кауно Аудиняй», например, сделали креп, который возродил интерес модельеров к ацетатным тканям. Наметилась и тенденция к созданию тонких, простых по рисунку переплетения набивных тканей. Художники-модельеры все чаще отказываются от грубоватых полотен домотканого вида, предпочитая изысканные одноцветные ткани с ровной, гладкой, блестящей или бархатистой поверхностью.

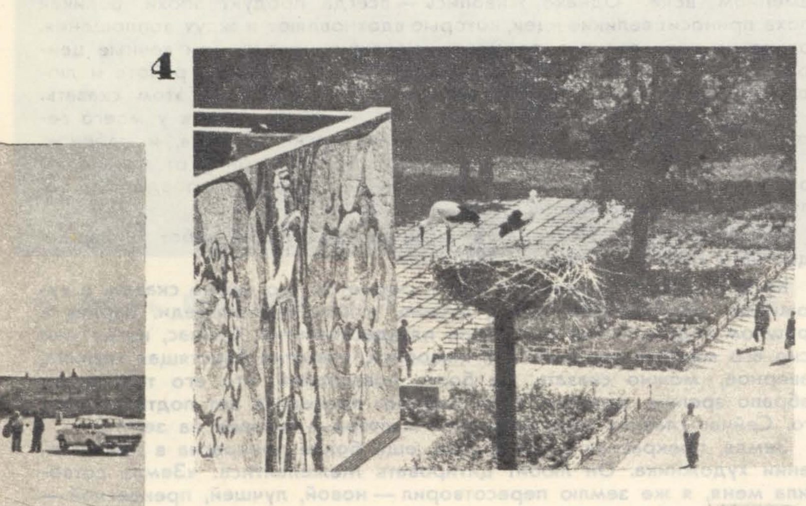
Предпочтение отдается таким текстильным материалам, которые отмечены утонченной нарядностью, если хотите, соблазнительностью. Это крепсатин, атлас, крепдешин, тафта и почти уже исчезнувшие из нашего гардероба жаккардовые ткани, те самые, которыми увлекались наши мамы и бабушки. Теперь, правда, они стали тоньше, легче и мягче, делают их не только из натуральных, но также из химических нитей. Да и рисунки предельно просты по формам, лаконичны, преобладают геометрические мотивы мелкого масштаба.

На художественно-технических советах по новому ассортименту вызвали одобрение набивные жаккардовые ткани хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура», Ленинабадского шелкового комбината и фабрики шелковых тканей «Кауно Аудиняй», о которой говорилось выше.

В моде ныне и ткани с металлизированными нитями, даже для будничной одежды. Возродилась столь знаменитая некогда «болонья», но теперь ее поверхность имеет мягкий металлический блеск. Эту «болонью» одобрила эстетическая комиссия по вопросам моды и культуры одежды Минлегпрома СССР. А это значит, что вскоре будет обновлен ассортимент летних плащей и курток.

Не потеряли популярности джинсовые ткани и хлопчатобумажный вельвет. Джинсовый стиль обретет бо́льшую элегантность. Поэтому ткани с диагоналевыми переплетениями сменяются полотняными, иногда даже с лощеной поверхностью. Появятся более изысканные ткани светлых, чистых тонов. Новинка среди хлопчатобумажных и льняных тканей — облегченные, разреженные структуры, придающие все ту же женственность изделиям для лета.

Весьма важную роль начинают играть вискозно-лавсановые ткани, ткани из текстурированных нитей. Они предназначаются для элегантных, повседневных платьев и платьев-костюмов. В оформлении тканей преобладает одноцветность. А каким цветам отдает предпочтение нынешняя мода? Наиболее популярны многочисленные оттенки «золотого шара», синезеленые оттенки «лазурной воды» и «холодные» красные тона цикламена.



5

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Л. ЛУКЬЯНОВА

Когда говорят — Рига, память непременно дополняет образ города узенькими улочками, серой булыжной мостовой, балтийским туманом. И рассказы об этих улочках написаны, и в песнях о них поется, и рисунки их запечатлели.

А мне открылась на этот раз Рига просторная, захлестнутая зеленью парков, звенящая летним шумом, светом, радостью... Совсем как на холстах Индулиса Зариня. И в небольшую его мастерскую, расположенную под самой крышей, льется невесомый летний свет, птичий гомон, звон трамваев.

Едва попав сюда, сразу проникаешься ощущением, что здесь все именно так, как должно быть в мастерской известного живописца. И старинные разномастные кресла, и копии картин итальянских мастеров, и сваленные в беспорядке холсты, и полки с книгами. Да и сам Заринь, артистичный изящный человек, очень уж соответствует традиционному представлению о художнике. Разве что бархатной блузы не хватает и руки неожиданно натруженные...

— Сколько времени работаю над картиной? — переспрашивает он.— Обычно год. Но от рождения замысла до последнего мазка путь длиною в несколько лет, порой — десятилетия. Работаю в своей мастерской после занятий со студентами в Академии, работаю по праздникам, работаю в выходные дни, когда все люди отдыхают,— спокойно, с чуть заметным акцентом повествует Заринь. Задумавшись, неожиданно уточняет: — Тогда я отдыхаю! Ведь любимая работа никому никогда не была в тягость. Других увлечений у меня нет: я просто художник...

Сказать о себе «я просто художник», да так естественно, с полным сознанием оправданности своего существования — наверное, могут немногие. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии Латвийской ССР, народный художник Латвии, действительный член Академии художеств СССР, профессор Индулис Заринь из их числа.

«Искусство — это не прогулка...» — заметил великий француз Милле. Даже если жизнь художника протекает без видимых сложностей и противоречий, ему всегда трудно, ибо он создатель, творец и этим все сказано. Выражение «муки творчества» обыденно, но оттого не менее правдиво.

— Важно еще одно. Когда вы начинаете заниматься искусством или — это равно — строить дом, то приходят люди и дают советы. Не по злому умыслу, просто им хочется, чтобы вашей работе передалось нечто и от них. Кто может выдержать, довести до конца то, что дано именно ему, становится в конце концов художником.

Человек должен уметь от многого отказываться,— продолжает мастер,— чтобы суметь выразить себя; по-моему, это не нужно и доказывать. Ведь так легко разбрасываться! Даже приятно. Но, сам того не замечая, невозвратно теряешь свои возможности. Каждому человеку словно бы дан раз и навсегда слиток золота или иная какая-нибудь другая ценность. Так вот, в какое-то время эта ценность имеется у тебя. Не обязательно от двадцати до тридцати лет; может быть, от пятидесяти до семидесяти. Не берусь высчитать, да и для каждого это время свое, особое... Сначала живешь как бы в кредит, потом законно владеешь, а потом то, что тобою было приобретено, начинает растрачиваться. И надо быть очень осторожным в таких тратах...

Говоря об осторожности, Заринь не противоречит себе. Но и многого недоговаривает. Вспомним его картину «Песня», находящуюся в Третьяковской галерее. Трагическое это полотно несет в себе заряд невероятной эмоциональной силы. Здесь и вопрос к поколению: достойно ли оно подвига латышских красных стрелков? И беззаветная, себя не помнящая отвага. И штыки, устремленные в душу, в сердце. В совесть нашу. В бессмертие... Все это в последнем рывке атакующих героев.

Заринь создал картину, будучи художником известным уже не только в нашей стране, но и за рубежом. Никогда прежде его полотна не были так драматичны, резки, отточены в желании выразить дарованное природой, накопленное жизнью.

— Мне самому нравится «Песня»,— признается Заринь.— Она — искреннее убеждение. Я, когда ее закончил, посмотрел и сам удивился.

С детства Индулис Заринь не терпел «белой плоскости». Рисовал, как и положено истинному художнику, с тех пор, как помнит себя. Еще и то помнит, что, рисуя, пытался объяснить себе окружавший мир. Это ему почти не удавалось. Оттого, страдая, он рисовал еще настойчивей, больше, пытаясь поймать своего аиста — совершенную, мудрую птицу, приносящую, по преданиям латышей, счастье...

Но, пожалуй, именно это первоначальное неумение выразить себя и воспитало в Зарине бесконечное желание совершенствоваться, подлинную страсть к познанию тайн мастерства.

— Я думаю, что любой художник, так же, как инженер или сапожник, должен быть профессионально обученным. Все должны, обязаны развивать свое профессиональное знание: я убежден, что истинных творцов «по наитию» нет и быть не может.

У проректора Академии художеств Латвийской ССР профессора Зариня много учеников. Он ценит их уважение, дорожит их доверием и не держит в секрете того, что умеет сам.

— За двадцать лет преподавания я заметил, что, начиная заниматься живописью, почти каждый выбирает нужный для себя цвет, но никто не выбирает правильное тональное соотношение. Стараются писать отдельно: руку, рукав, пиджак. А настоящий художник видит все вместе. Но и сам по себе колорит, композиция, рисунок, даже сюжет ничего не значат. Они необходимы только для того, чтобы выразить идею, мысль!

От первого неприятия маленьким Индулисом пустых, не заполненных рисунком плоскостей до сегодняшнего знаменитого Заринь путь совсем не длинен, если исчислять его годами. Но удивительная последовательность, не знающая бесплодных метаний, туманных стремлений, давалась ему действительно тяжким трудом. И еще чувством ответственности. Сознанием того, что, выбрав единожды Искусство, он обязан служить ему всегда. И молодой Индулис Заринь, как тысячи художников до него, как все, кто придет после, ищет свою тему, свой стиль. Чтобы выразить себя.

В одном ему, бесспорно, повезло. Наделенный острейшим чувством современности, Заринь душой, сердцем, нервами чувствовал свою принадлежность к миру сегодняшнему. И он буквально выплескивал это чувство в первых крупных полотнах, передавая ощущение радости бытия, возможности фантастических свершений. «Какая высота!», «Дороги», «У нас уже стропила», «Дороги выпрямляются».

Постепенно к художнику приходит сознание, что современность в искусстве не в рисовании атрибутов прогресса и даже не в технике живописи, а в образе мышления, в причастности самого искусства к происходящему сегодня.

— Картина не создается одним годом. И не живет один год. Поэтому художники так часто обращаются к темам, выверенным историей. Понимаете, необходимо, чтобы в сознании людей зрительный образ вырос до обобщения. Тогда картина не будет нудно толковать с вами о чем-то, но будет обращена к разуму, к сердцу. Ведь человек в шинели красноармейца — это не просто солдат, это символ!

Создавать этот символ начали еще первые советские живописцы. Дейнека, например. Я у него очень многому научился. Он владел поразительным чувством ритма. Я считаю, Дейнека — лучший советский художник.

Думаю, что для того, чтобы живописец мог стать если не творцом, то уж обязательно творческой личностью, необходимы три условия: соответствующий исторический момент, который способствует развитию таланта, поколение единомышленников в искусстве и, наконец, наставник, учитель. Мне в этом повезло...

Все это Заринь произносит медленно, выбирая каждое слово. Потом вдруг неожиданно:

— Я вообще-то собирался быть поэтом!

Помолчал. Красивое ясное лицо серьезно, сосредоточенно.

— Почему выбрал живопись? У нее свои преимущества. Время ее существования неограниченно. А развитие ничего не разрушает: оно идет в известной последовательности. Новое, что со временем приходит, только дополняет достигнутое. Это развитие бесконечно: все хорошие работы приближаются к совершенству — как сегодня, так и в каменном веке. Однако живопись — всегда продукт эпохи. Великая эпоха приносит великие идеи, которые вдохновляют и ждут воплощения. Только не надо величие подменять усложненностью. Три вечные ценности есть у человека — земля, которая его вырастила, работа и любовь. В картине «Весна 1945 года» мне и хотелось об этом сказать. У каждого свое понимание Отчизны, но неизменно — как у моего героя — это и родные косогоры, поля, перелески, и жена, и ребенок, и дом. Ради этого он, не щадя жизни, прошел войну от начала до конца, вынес то, что невозможно вынести, завоевал победу. Он заслужил мир! Он счастье заслужил...

Картина «Весна 1945 года» в числе других лучших работ И. Заринья удостоена Ленинской премии 1980 года.

Когда подводятся какие-то итоги, считается, что нужно сказать о художнике: мол, он еще молод душою, у него все впереди. Заринь в прошлом году отметил лишь свое пятидесятилетие. Сейчас, когда уже ясно его место в современной живописи, известна блестящая техника, наверное, можно сказать, не боясь повторений, что его творчество набрало зрелую, могучую силу. Картины последних лет подтверждают это. Сейчас главная тема живописи мастера — человек на земле.

Земля, прекрасная в своей сути, еще более прекрасна в представлении художника. Он любит цитировать Межелайтиса: «Земля сотворила меня, я же землю пересотворил — новой, лучшей, прекрасной — такой никогда она не была!»

На известнейшем полотне «Осеннее утро» земля и человек соединены навечно связью незыблемой: они едины и в красоте и в могуществе своем.

— Прекрасное служит опорой души народа. На пустом месте не вырастет любовь к соотечественникам, к своему прошлому и будущему. Не вырастут мужество, сила, доброта,— в этом художник уверен.

И. Заринь. Род. 1929. МОЛОДАЯ СПЕЦИАЛИСТКА. 1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР.

В. Сидоров. Род. 1928. БЕРЕЗОВЫЙ ВЕТЕР. 1976—1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

ПАРТИЗАНСКИЕ МАТЕРИ

Микола НАГНИБЕДА

ПОЭМА

Бессонны,
Бессонны,
Бессонны
Ночи тревожных Россонов.

В домах не светились огни,
Однако не спали они,

Матери у колыбелей,
Детишек баюкая, пели

И, полные боли и ласки,
Шептали им за полночь сказки.

Не сказки-побаски, как прежде,—
Рождались сказки-надежды:

О воинах сказки-молитвы,
Что выйдут с победой из битвы,

И вынесут стяг багряный
Навстречу из пущ партизаны,

И жен поцелуют в губы,
И снова поставят срубы,

Сады посадят и рощи,
И в день осенний, хороший,

Как только звонок услышат,
В класс поведут ребятишек,

И будет лишь солнце на свете...
Баиньки, баиньки, дети...

Тревожны,
Темны,
Бессонны
Ночи подпольных Россонов.

Сквозь бури, дожди и туман
Шли матери партизан.

Шли сквозь метели шальные,
Шли смелые и родные,

В лес к сыновьям — сквозь заставы —
По материнскому праву.

По праву любви,
Материнской печали,

По праву лесов,
Что в беде устояли,

По вечно святому
Народному праву —

В бою защищать
Родную державу;

По праву священной и праведной мести,
По праву с сынами своими быть вместе.

По праву хлеба с картошкой в корзинке,
Что матери в пущу несли по тропинке.

По всем тем правам,
Что долгом их стали,
Подпольно Россоны с врагом воевали.

Боролись,
Боролись,
Боролись Россоны —
Люди, леса, и озера, и гоны!

Все, до былинки, взывало:
«Расплаты!» —
За смерть, за грабеж, за сожженные хаты.
Из каждого дома, с любого подворья
В лес мстители шли за народное горе.

Учитель Дубенко звал их в боры.
Сходились сябровки, сходились сябры.

Питомцы учителя, будто бы птицы,
Слетались в отряд партизанский в Клясицы,

Вела их на битву суровая доля
Из Соколища и Ровного Поля,
Заборы,
Шалашники,
Рудня,
Беседы,
И Миловиды, и вески-соседи

Сынов отправляли тайно в дорогу —
Слали к учителю в войско подмогу.

Бессонны,
Бессонны,
Бессонны
Ночи вокруг Россонов.

Гуляла от края до края
Мстителей ярость святая.

Громила она гарнизоны,
Сжигала она эшелоны,

Мосты низвергала в реки,
Поставила всюду засеки,

Пути на Восток преградила —
Гремела грозная сила

В громах партизанской мины
До самых степей Украины.

Гуляла, гуляла расплата,
Везде настигала ката —

На им оскверненном пороге,
В постели,
В окопе,
В дороге,
И в дотах,
И в танках,
В палатах
Его находила расплата.

И с яростью благородной
Творился подвиг народный.

Гуляла расплата, гуляла,—
И вся Белоруссия знала

Ребят из девятых, десятых...
И вести от хаты до хаты

Летели, как птицы лесные,
За фронт, за боры — к России...

О, духом неколебимые,
Матери непобедимые!
Сердцем народа любимые,
В горе с народом — единые!

Как ваши души болели,
Как разрывались сердца!
Как вы ту боль одолели,
Выстояв до конца?

Как удалось вам горы
Горя людского сдвинуть?
Откуда ваш дух непокорный,
Стойкость в лихую годину?

О матери пресвятые,
О матери Беларуси,
Ваши дети родные,
Петрики и Катруси,
Ваши Миколы, Иваны —
Все, кого вы воспитали,—
Ваши мадонны, титаны
В ваших очах стояли...

О Белоруссии горлицы,
Сизые горлицы доли!
Вас миллионы, не горсточки
Встало на ратном поле.

Бессонны,
Бессонны,
Бессонны
Ночи тревожных Россонов...

...Стук прозвучал, как выстрел.
(А было перед рассветом...)
Неужто враг все же высмотрел?
Неужто прощаться со светом?

Прислушалась...
Все как в пароле —
Стукнули дважды в раму...
— Дарина Петровна, довольно
Вы потрудились, мама.

С приказом я из отряда
От вашего сына — вместе
Нам в лагерь вернуться надо.
Вам теперь тут не место.

— Что ты, сынок,
Мне рано.
Завтра я на рассвете
Должна обмануть охрану —
И вырвать девчат у смерти.
Тогда уже вместе с ними
В лес, как Петру обещала.
Тропками теми лесными,
Что столько я раз топтала.

Бессонны,
Бессонны,
Бессонны
Ночи тревожных Россонов...

Не свиделась больше с сыном...
Чем горе его измерить?!
Враги на рассвете синем
Вломились к ней, выбив двери.

А с ними предатель с плеткой,
Пьяный, и смотрит вором...
— Эх, подлой живешь работкой! —
Сказала — ожгла приговором.

А больше ни слова, ни звука,
Как палачи ни бесились...
Ее не сломила мука —
Мучители с ног валились
В бессилии злобы черной
Пред стойкостью духа твердой,

Пред волею непокорной
Россонской матери гордой...

А в камере очи открыла —
Глядь, девушка...
Стон... все слышнее...
Откуда взялась только сила —
Метнулась... склонилась над нею.

Вставай, моя милая дочка...
О, как тебя мучат в неволе!
О, если бы ласковый дождик
Умыл нас теплом своим в поле...

О, если б горючие раны
Дыханьем ветра остудили,
О, если б лесные туманы
В дороге к отряду укрыли...

Вставай же, кровинка родная,
Вот так, обопрись, постепенно...
За нас партизаны, я знаю,
Врагу отомстят непременно.
Вот так, на колени тихонько
Приляг мне,
А я покачаю
Тебя, дорогого ребенка,
Березку россонского гая.
Смотри на меня.
Не узнала?
Учителя мама. Должна ты
Припомнить...
Что, след от кинжала?!
Будь прокляты супостаты!
Поближе, прижмись ко мне тесно,
Не надо плакать, не надо.
Умрем мы, дитятко, честно,
У них не попросим пощады.
Не скажут лихого слова
О нас ни друзья, ни соседи.
И школьные клумбы снова
Цветами засеют дети.
И осень багряным нарядом
Украсит дубравы и парки.
Россонские матери рядом
С детишками сядут за парты.
И, может, вспомянут Петровну,
И знаю, что вспомнят Нину —
Красу ее чернобровую,
Характер ее орлиный.
И вспомнят о верности долгу,
О негасимом горенье —
О ней не забудут долго
И в будущих поколеньях.

Она улыбнулась Нине,
И та засветилась тоже.
— Дитя, на висках твоих иней!
О боже мой, боже!

Бессонны,
Бессонны,
Бессонны
Ночи отважных Россонов.

Замок загремел на рассвете,
Нагло палач кривит губы.
— Машерова, может, ответишь,
Иль жить тебе больше не любо?
Ну что ж, приготовься к кончине...
И вышел, злобой отмечен...

Она ж наклонилась к Нине,
Сказала, погладив плечи:

— Поля зашумят хлебами,
Наполнятся водами реки...
Россонские юные мамы
Тебя не забудут вовеки.

И месть, утолившая жажду,
Поднимется колосом-житом,
И смерть твоя не однажды
Научит живых, как жить им.

И будут тихие зори
И звезд и детей рожденье...
И гордость утешит горе
О тех, кто погиб в сраженье.

И синее небо проглянет,
Заздравные вспенятся чаши,
И совестью каждого станет
Память про подвиги наши.

Перевел с украинского
Евгений КРИЖЕВИЧ.

ПЯТИЛЕТКУ — ДОСРОЧНО!

СВОЙ ВАРИАНТ

Юрий КОЗЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В Кишинев я приехал, чтобы познакомиться с опытом работы по единому наряду научно-производственного объединения «Микропровод». Вкратце его можно сформулировать так: «Цех — одна бригада». Сейчас этот опыт изучают специалисты многих предприятий столицы Молдавии.

Единый наряд — метод творческий. Преимущества его известны даже людям, не работающим в сфере материального производства и строительства. Так много о них говорится и пишется. Но есть у этого метода и особенность. При равнодушном, формальном отношении он не дает желаемого эффекта. При энергичном, заинтересованном — буквально преображает предприятие, весь коллектив.

Приборостроители «Микропровода» вывели единый наряд за рамки бригады. Весь сборочный цех — сто тридцать человек — работает в «общий котел». Раньше из-за брака отдельного работника теряла в зарплате бригада, теперь — целый цех! Я поговорил с несколькими сборщицами. И все они, как выяснилось, в зарплате выиграли. «Но работаем напряженнее»,— сказала каждая.

Сборочный цех — венец производства. Отсюда идет готовая продукция. И по тому, как работает сборочный цех, можно судить о предприятии в целом. Вот некоторые показатели сборщиков в объединении «Микропровод»: ритмично, по всем пунктам выполняется задание, выпускаются небольшими партиями приборы почти сорока типов, перекрыт намеченный на конец пятилетки уровень производительности труда, с первого предъявления сдается 99,2 процента всей продукции.

Приехав на «Микропровод», я, естественно, ожидал увидеть широкое распространение на заводе этого так хорошо зарекомендовавшего себя метода. Цехов-то на предприятии много!

Однако здесь считают, что «гнать лошадей» не следует...

ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК

— Чтобы объединить один только сборочный цех, нам потребовалось почти полгода,— сказал главный инженер «Микропровода» В. С. Мирошниченко,— а вообще мы уже второй год последовательно осуществляем программу перехода от индивидуальной сдельщины к бригадной системе. Работу ведем с учетом специфики производства на каждом участке и пожеланий рабочих. В одних цехах используем уже известный опыт, для других ищем свой оптимальный вариант.

— Что значит, по-вашему, оптимальный вариант? — спросил я у начальника лаборатории научной организации труда и управления И. Д. Вербицкого.

— Единый наряд — во многом творческий поиск самих рабочих. Как ни крути, а резервы производства — где, за счет чего и каким образом можно выиграть — они знают лучше всех. Задача нашей лаборатории — дать поиску верное направление, подкрепить его материально, соотнести с промышленным циклом в целом, помочь избежать моральных и нравственных издержек. А оптимальной видится такая постановка дела, когда вместе с производством растет сам человек. Совершенствуется не только технология, но и нравственно совершенствуется личность. Единый наряд предполагает новые отношения между людьми в процессе труда. Администрированием их не введешь. Поэтому морально-нравственной, этической стороне дела придаем большое значение.

— Из-за этого и не торопитесь переводить на единый наряд все подразделения?

— У нас производство точное,— пошутил Вербицкий.— все обязаны рассчитать до долей микрона. Часто к нам в лабораторию приходят рабочие, советуются, предлагают свои решения. Так, например, оценочные показатели, из которых складывается КТУ, рассчитываются теперь внутри самих бригад. Им виднее. Упростилось и документирование. Цех сдает справку о принятой ОТК продукции и протокол заседания совета бригады. Машина анализирует данные, рассчитывает зарплату. Функции управления теперь почти на девяносто процентов централизованы. Сократилось число нормировщиков, экономистов... Проще стало работать и нам, управленцам. И все это благодаря единому наряду. Некоторые бригады работают по сдельным тарифам, и мы два подсчета ведем: по-старому и как если бы они по единому наряду работали. Месяц, второй, третий — по единому наряду зарплата выходит каждый раз выше! А если серьезно,— продолжил он,— то готовых рецептов здесь нет. Каждый цех, участок, бригада — это, можно сказать, целый мир. Что для одних хорошо, для других — уже не то. Единый наряд вторгается в сложившиеся в процессе производства отношения людей, затрагивает интересы целых групп рабочих. Так что просто необходимо искать свой. оптимальный вариант. Такой, чтобы в выигрыше оказались и люди и производство!

КАК БЫТЬ С «КОРОЛЯМИ»!

Екатерина Георгиевна Грузина — намотчица цеха резисторов. Работает на «Микропроводе» почти двадцать лет. Она «король», точнее «королева», так называют на предприятиях высококвалифицированных рабочих, вдвое-втрое перекрывающих нормы. Грузина, например, уже давно работает в счет одиннадцатой пятилетки. Обещает к осени завершить и ее!

— Екатерина Георгиевна, вы каждый месяц перевыполняете нормы почти вдвое. Получаете по сдельным тарифам больше всех в цехе. А цех вот-вот перейдет на единый наряд... Не проиграете?

— Удивительная вещь,— засмеялась Грузина,— с тех пор как цех собрался переходить на единый наряд, можно подумать, нет других проблем — один мой заработок! А для меня, например, важнее то, что внедрится прогрессивная форма труда, что цех будет лучше и качественнее работать. Это главное. Теперь о заработке поговорим. Попробую на примере нескольких своих подруг порассуждать,— они, как и я, уже следующую пятилетку заканчивают. За счет чего у них большой заработок получается? За счет хорошей работы. А из чего хорошая работа складывается? Не только же из опыта да сноровки... И от того, как рабочее место у тебя организовано, и много ли брака, и как технику безопасности соблюдаешь, и какой у тебя разряд, сколько разных операций можешь делать. Все это, кстати, пункты, по которым КТУ — коэффициент трудового участия — при едином наряде будет рассчитываться. А у кого он в цехе самый высокий? У так называемых «королей». Уже прикидывали, считали. Заработок не только сохранится — выше будет! Хорошая работа — это еще и культура труда. Значит, всем придется эту куль-

туру повышать. Лично мне, например, при едином наряде интереснее работать. Сидела на сдельщине, скучно было. А теперь, пожалуйста, категориями цеха мысли — где что усовершенствовать, как технологическую цепочку спрямить, как силы распределить... Богаче, насыщеннее станет жизнь.

Под словами Грузиной, по-видимому, с удовольствием подпишется любой из «королей» «Микропровода». Однако нельзя сказать, что так же дело обстоит на всех предприятиях, работающих по единому наряду. Там конфликты из-за заработков вещь — увы! — не такая уж редкая.

Избавить человека от мелочных забот по сохранению прежнего своего заработка, высвободить его талант и энергию на решение более важных для предприятия дел, никоим образом не скомпрометировать идею единого наряда — вот такая политика проводится на «Микропроводе» в отношении «королей».

Заседает совет цеха.

Начальник механического цеха В. В. Егоров и токарь В. К. Башканян.

Зинаида Терлецкая: «Скоро год, как я работаю сборщицей...»

Фото Б. Кузьмина

КУДА ДЕЛИСЬ ОТСТАЮЩИЕ!

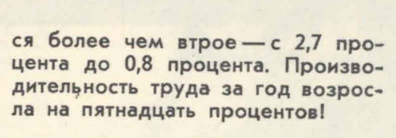
— У нас, например,— сказал Василий Васильевич Егоров, начальник механического цеха,— благодаря единому наряду в цехе произошло много изменений. Во-первых, оздоровилась обстановка внутри бригад. Сколько времени раньше я тратил на улаживание всевозможных производственных споров и жалоб... Теперь все! Есть наряд — месячная норма. Дальше рабочие сами решают, как и что. Во-вторых, снизилась текучесть. Раньше как было? Приходил в бригаду новичок, быстренько сдавал на разряд, а выработать сто процентов нормы, естественно, сначала не мог. Да и как ему выработать, если сидел на самых низких расценках? Все выгодные детали давно уже в бригаде разобраны. Парень попадал в отстающие и в конце концов уходил... Сейчас совсем другое дело. Счет идет на готовые детали, и не важно, кто какую операцию выполнял. Каждый старается взять себе работу по способностям, то есть такую, с которой лучше других справится. Вот, скажем, токарь почтенного возраста... Раньше сражался за «престижные» расценки — умрет, но молодым не отдаст, хотя у самого дело-то не шло. Теперь же охотно пропускает вперед талантливую молодежь, а себе берет деталь попроще, но уж, как говорится, выложится на ней весь, чтобы товарищей не подвести. В-третьих, бригады раньше у нас были большие. В каждой имелись один-два человека «лишних», что называется, на «подхвате». Кто-то заболел, или еще что-нибудь — есть кому подменить. Сейчас надобность в «лишних» людях отпала. Сами рабочие приходят, говорят: «Давайте сократим бригаду! Зачем нам премию на семерых делить, когда мы ее лучше на четверых разделим!». Так из бригад постепенно отсеялись те, кто хронически отставал, люди, не отвечающие нынешним требованиям. И еще: раньше наладчики станков оплачивались повременно. Теперь они вошли в бригады, работающие на едином наряде, и заработок их зависит от того, как действуют станки. Раньше, хоть один станок да обязательно простаивал, теперь все в строю и — как часы! Вот в таком повышении сознательности, осознании собственной ответственности, если угодно, повышении рабочей нравственности — огромная польза, которую приносит нашему народному хозяйству метод единого наряда.

НА ЗАВОД ПРИШЕЛ НОВИЧОК...

— Я сразу после школы поварихой на судах плавала — по Дунаю, по Черному морю,— рассказывает двадцатилетняя сборщица Зинаида Терлецкая.— Сперва интересно было. Морская жизнь, заграничные порты. А потом скучно стало. Чувствую, не мое это дело! Вернешься из плавания — отпуск два месяца. Так вот, я эти месяцы прямо маялась. Не знала, чем заняться. Решила пойти на «Микропровод». Еще когда в школе училась, на экскурсию сюда приходила. Определилась... И вроде прижилась. Работаю в цехе индикаторов не так уж долго, а уже бригадир. Сначала трудности, конечно, были, не без этого. Но в чем, на мой взгляд, преимущество единого наряда? Говорю от имени всех наших молодых работниц. Мы с ходу, без раскачки включаемся в дело, начинаем жить интересами бригады. И если даже вначале не вытягиваешь норму, все равно получаешь полный оклад. Бригада за тебя перекрывает. А если все видят, что стараешься, так еще и КТУ повысят. И получишь наравне с передовиками! Такое вот отношение мобилизует, просто становится стыдно трудиться спустя рукава. Изо всех сил стараешься. Быстро и квалификацию обретаешь и смежные специальности осваиваешь. Раньше, говорят, новенькие не всегда в бригадах приживались. Теперь, если хочешь работать, для тебя все условия!

СОВЕТ ЦЕХА

— Скоро год как он существует,— говорит заместитель председателя совета сборщица Евгения Сога.— Нас в совете семнадцать человек. Какие задачи решаем? В конце месяца проводим заседание — определяем КТУ каждого. Хоть и работаем по принципу «Цех — одна бригада», но бригада как основная производственная ячейка сохранилась. Только функции у нее теперь другие. В конце смены мастер выставляет каждому члену бригады отметку по шестибалльной системе. Учитывается все — и как справился с дневным заданием, намного ли его перевыполнил, был ли брак, не задерживались ли из-за тебя другие, и чистота на рабочем месте, и соблюдение техники безопасности. Ну, а совет цеха анализирует эти данные, выводит средний балл — тут уже и разряд учитывается и дисциплина. Раньше, когда по-старому работали, все в основном одинаково получали. Тариф плюс премия — не выше сорока процентов от тарифа. Теперь совет цеха имеет право повысить работнику премию до восьмидесяти процентов! То есть фактически мы сами теперь хозяева премиального фонда, сами его распределяем. И стараемся делать это по справедливости. Были люди — из месяца в месяц им выставляли нулевой КТУ. Некоторые подтянулись, теперь работают без нареканий, а некоторым пришлось уйти. То есть людей в цехе стало меньше, но работать они стали лучше! И качество продукции, естественно, улучшилось. Процент возврата на доработку уменьшился более чем втрое — с 2,7 процента до 0,8 процента. Производительность труда за год возросла на пятнадцать процентов!

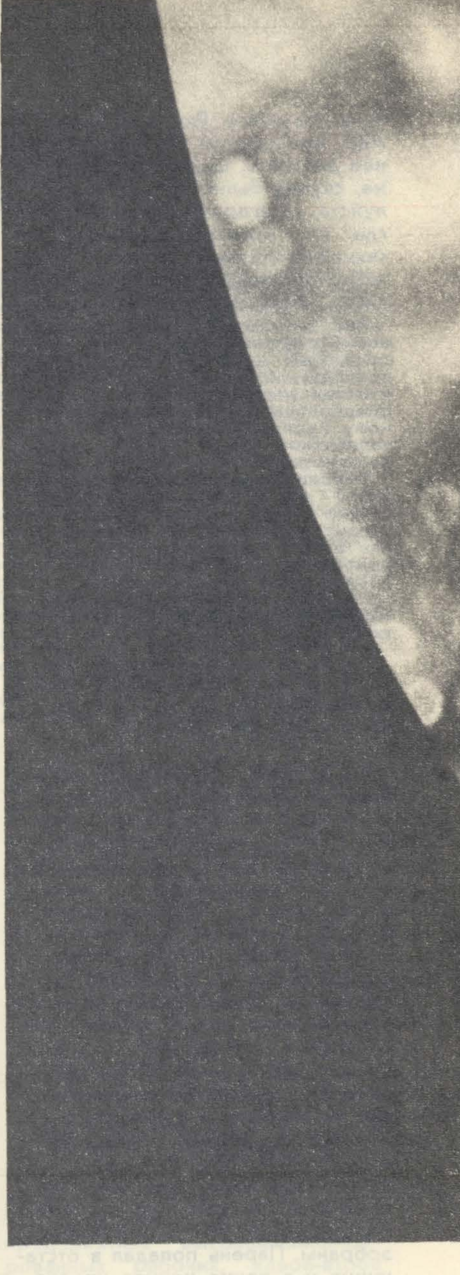


* * *

«Микропровод» — современное предприятие. Хочется рассказать о нем чуть подробнее. Хочется рассказать и о функциональной музыке — семи программах, которую можно слушать во время смены; и об ионизаторах воздуха во многих цехах; и о социологическом анкетировании по самым разным производственным вопросам; и о том, как упростили на заводе документацию,— раньше выписывали сотни нарядов, теперь же цех предоставляет лишь справку ОТК о сданной продукции и протокол заседания совета цеха. Зарплата каждого определяется по этим данным.

— И все же,— считает И. Д. Вербицкий,— люди, морально не подготовленные к единому наряду, не смогут по-новому работать. Когда в людях просыпается самостоятельность, желание взять управление производством в свои руки, вот тогда — пожалуйте на единый наряд! Сейчас к нам в лабораторию из всех цехов приходят, просят перевести на новый метод. Но ведь тут какая сложность? Не смогли обеспечить ритмичности — не получится ничего с единым нарядом. При наряде рабочему за три минуты опоздания КТУ снижают. А нет ритмичности, детали вовремя не привезли — надо оформлять простой смены. Так что единый наряд дает положительные результаты только в условиях ритмичного, отлаженного производства. Это фундамент!

Конечно, в деталях опыт «Микропровода» перенять не так просто. Микроэлектроника особенная, специфичная отрасль. Но можно перенять направление опыта — на каждом участке, в каждом цехе, в каждой бригаде искать свой, оптимальный вариант единого наряда, тщательнейше его рассчитывать и только потом внедрять, опираясь на инициативу и творчество рабочих. И этим вот подходом, думается, опыт кишиневских приборостроителей будет интересен другим предприятиям.



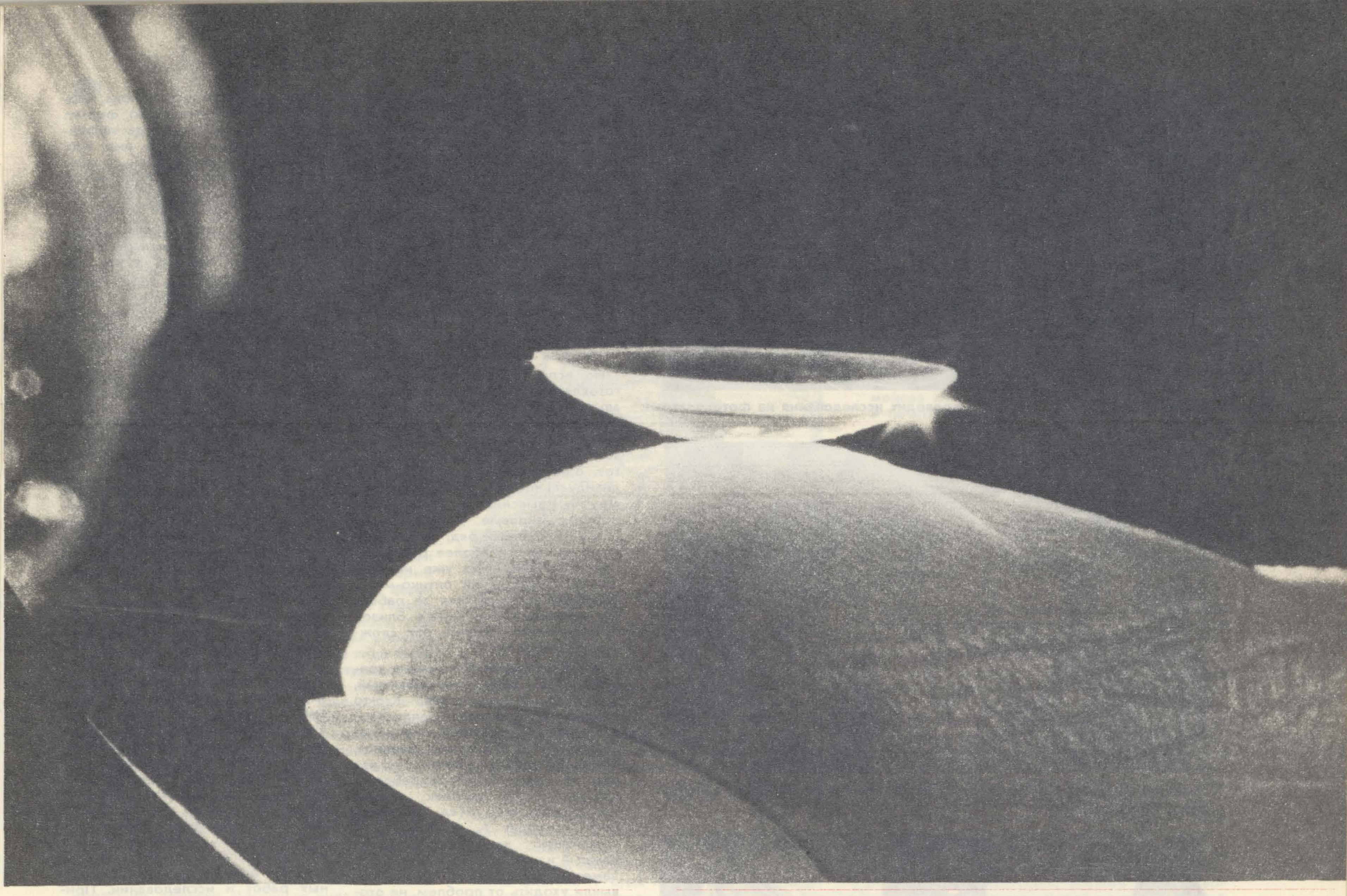
СЛУЖ

К. БАРЫКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Доктор Т. А. Колобякова проверяет зрение пациентки.

— Если уж забираться в историю, она есть и у контактной линзы. Еще Леонардо да Винчи и Декарт догадывались о возможности применения средств, которые следует считать дальними предшественниками контактной линзы, — говорит Анатолий Александрович Киваев. — Но, конечно, дело не в родовитости контактной линзы,— продолжает ученый,— а в том, что она совершенно необходима, помогает там, где очки беспомощны — скажем об этом сразу. Очень сильная близорукость, деформация роговицы, удаленная катаракта, разная оптическая сила глаз. Есть такие глазные болезни, виды травм глаза, где выручит только контактная линза. Выявляются и другие возможности линз. Если мягкую линзу пропитать необходимым лекарственным



Целительная линза...

БА КОНТАКТНОЙ ЛИНЗЫ

препаратом, то она оказывает не только оптическое действие, но становится средством лечения заболеваний глаз.

Есть и профессии и занятия, для которых очки не годятся. Представьте балерину в очках. А баскетболист? Высотник-монтажник? Водолаз? Летчик...

Контактная линза необходима, и приходится лишь дивиться ее запоздалому приходу. И сразу скажем, что ныне, когда Министерством здравоохранения СССР создан и столь успешно работает Всесоюзный центр контактной коррекции зрения, когда тысячи людей уже носят миниатюрные оптические приборчики, когда у контактной линзы появился заботливый хозяин, он (а это большой коллектив медиков и инженеров) линзу в обиду не даст, он позаботится о ее дальнейшем совершенствовании.

Обо всем этом и шла наша беседа с руководителем центра Анатолием Александровичем Киваевым. Собственно, это не был разговор один на один. Дверь в небольшую комнату почти не закрывалась, входили сотрудники центра, заглядывали посетители. Да и телефон свое дело знал: телефонистка международной станции пыталась соединить с дальним городом; вильнюсские коллеги приглашали на симпозиум; крупная западноевропейская фирма заинтересовалась новой разработкой москвичей: можно ли приехать, посмотреть?

Киваев отвечает, сам спрашивает, смотрит на меня и в извиняющемся жесте разводит руки: такой, мол, ритм работы. Впрочем, жалоб я не слышал. Занятостью своей, высоким темпом, посетителями и ворохом писем тут довольны, не без основания полагая, что это не праздный интерес, а внимание к линзе, к главному делу для этих людей, которые ежедневно поднимаются на пятый этаж известного Московского научно-исследовательского института имени Гельмгольца, к своим рабочим местам.

В центре—не только офтальмологи, но и инженеры, выпускники Бауманского училища, других технических вузов. И когда мы с кандидатом медицинских наук Е. И. Шапиро зашли в одну из комнат, там представители медицинской и инженерной служб вместе рассматривали и обсуждали какие-то чертежи и схемы.

Линза начинается с тщательного обследования пациента и фотокератометрии на приборе, который делает необходимые фотографии роговицы и помогает обсчету всех ее геометрических параметров, без них линзу не выточить. Аппарат этот совершенен, хорош, удобен в работе. Он создан совместными усилиями инженеров и врачей. В центре разработаны методики расчета линз и программа их изготовления.

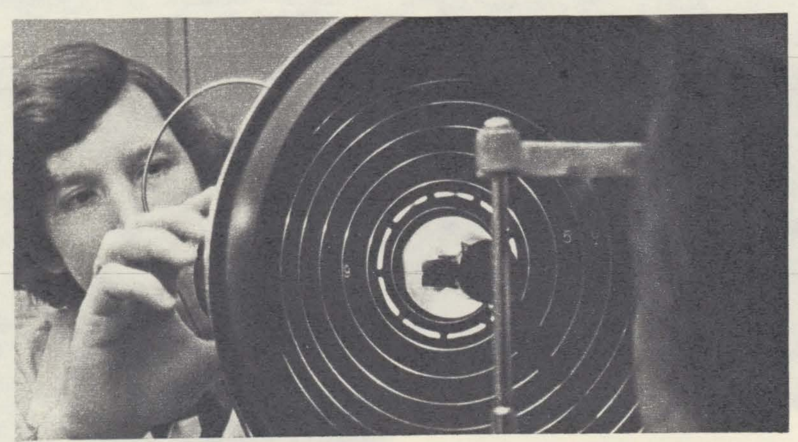
Все было сделано с такой тщательностью и так основательно, что теперь проблемы математического обеспечения решены успешно.

Фотографирование роговицы дает не обычную фотокарточку, а своего рода анкету на глаз — графики, чертежи и все те данные, что необходимы для электронно-вычислительной машины. Она стоит неподалеку, перерабатывает всю сумму вводимых в нее данных. В центре разработана автоматизированная система подбора, расчета и изготовления контактных линз, и без ЭВМ создание сложных индивидуальных конструкций линз оказалось бы очень трудоемким, а иногда и вовсе не возможным.

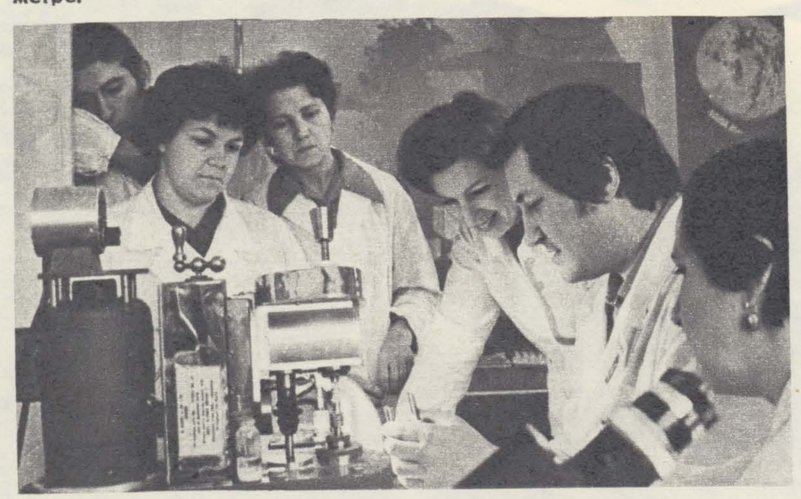
Контактная линза предельно строга. Принцип один: внутренняя ее поверхность должна (обязана!) повторить всю индивидуальность роговицы, соответствовать ей точь-в-точь.

Выведена статистика: около двадцати процентов тех, кому нужны контактные линзы, имеют нестандартную форму роговицы. Значит, требуют специально изготовляемую линзу...

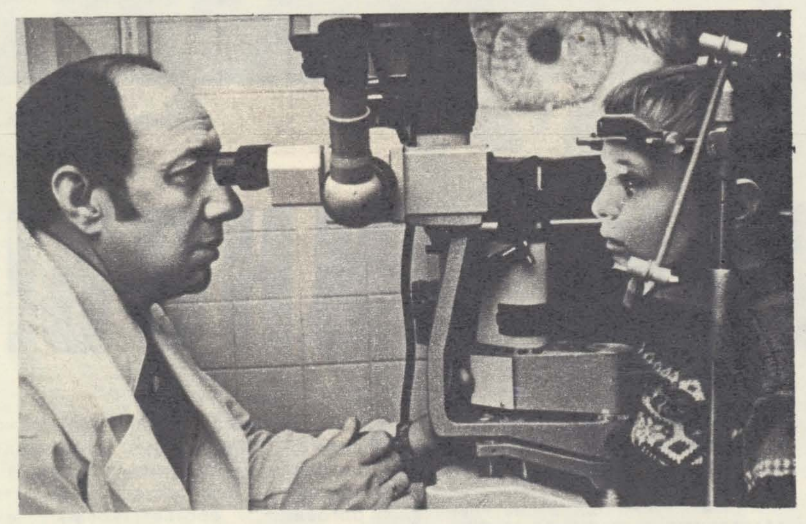
Видимо, затянулось бы, медленнее шло бы дело, если бы медики не взяли в помощники новейшую электронную технику. Теперь одна машина заботливо и точно вымеряет все параметры, вычерчивает схемы и графики, переводит их на понятный другой машине язык и все сведения вводит в ЭВМ. Затем, когда линзу сделают, ее математический паспорт уберут в архив, в банк данных. А придет пора пациенту сменить линзу — останется только по имеющейся программе на прецизионных токарных станочках повторить линзу, миниатюрную, почти невесомую, в свете дня едва видимую.



Старший инженер А. В. Карпов проводит исследования на фотокератометре.

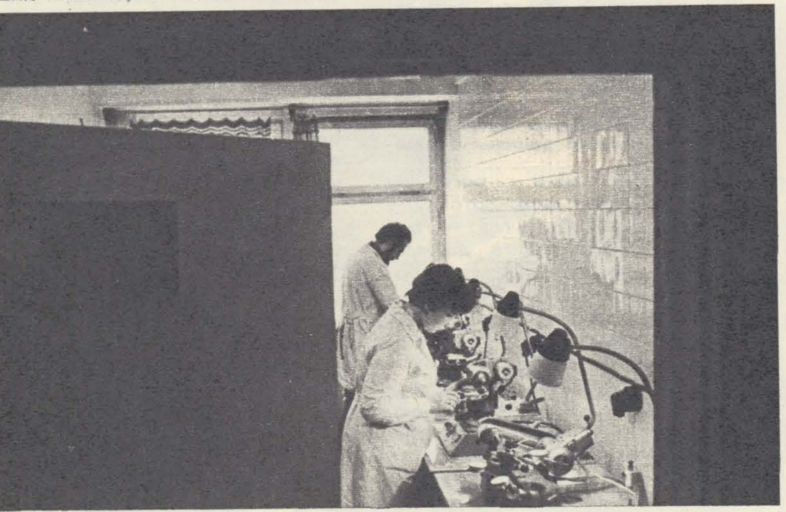


Старший инженер А. И. Москвитин ведет занятие по методике изготовления контактных линз.



Руководитель Всесоюзного центра контактной коррекции зрения А. А. Киваев консультирует юного пациента.

На одном из участков экспериментального производства линз. Старший инженер Т. Н. Большакова и инженер Г. М. Арлинский.



...Вытачивают линзу на станках, алмазные резцы снимают стружку — ее почти не видно. Словно пылинки опадают с шайбочки, превращающейся в крохотное прозрачное «блюдечко». Смотрю на снятую со станка линзочку — то ли невесомое крылышко стрекозы, то ли крохотное хрустальное блюдечко.

При активном участии инженеров центра создан проектор, выверяющий все параметры готовой линзы, способный уловить самые малые отклонения, откорректировать их, с абсолютной точностью проверить линзу.

Но если бы каждая линза изготовлялась только индивидуально, едва ли в обозримом будущем сократилась бы очередь нуждающихся в ней. Мы уже называли цифру: двадцать процентов, одна пятая — это строгая индивидуальность. А остальные? Другим, выяснилось, можно подобрать типовые линзы. Центр создал эталонный ряд, выявил образцы и типы наиболее распространенных линз — их уже немало, шестьсот. Изюмский оптико-механический завод взялся за работу по тиражированию линз и близок к тому, чтобы решить эту сложнейшую проблему.

Мы беседовали в комнате консультантов, день был обычный, заполненный до краев. Кто-то входил, обменивался репликами, в которых непосвященному легко запутаться. И я отложил блокнот, попросил просто называть тех, кто заходит сюда. В центре работает пятьдесят пять человек, и всех не перечислишь («А хотелось бы!» — говорит А. А. Киваев). В контактную коррекцию зрения каждый из работающих здесь внес заметный вклад. В центре не привыкли уходить от проблем, не отодвигают их. Не ищут и объективные «причины». «Потому что даже из большой причины не сделаешь маленькую линзу»,— такую фразу обронил один из сотрудников. Тут занимаются делом и требуют этого от других — от химиков, оптиков-электронщиков, станкостроителей. А когда ожидания затягиваются сверх меры, умеют напомнить и раз и второй... Настойчивость — полезное качество занятого важным делом человека...

— Раиса Семеновна Сорокина,— сказали мне о только что вошедшей женщине.— Она и ее ближайшие помощники работают в детском отделении. Самое, может, важное. Представьте, ребенок, которому очки не помогают, а линза дает возможность видеть все.

— Тамара Нестеровна Большакова, занимается производством линз. А это инженер-программист Александр Викторович Карпов. Василий Борисович Блосфельд, один из авторов проектора. Мираб Григорьевич Кешелава, кандидат химических наук. При чем здесь химия? Но ведь линза — это особая пластмасса...

Прозрачная линзочка прежде была только жесткой. Она обладала отличной оптической способностью, но глаз с такой линзой иногда уставал. Тогда-то чешские ученые и придумали мягкую линзу. Эластичная, податливая, словно живая, услужливо и охотно принимающая нужную форму. Одно время казалось, что все проблемы остались позади. По всему белу свету идут мягкие линзы, я видел западную рекламу: пальцы сжали линзу, а едва отпустили, она, гибкая, снова приняла свою форму. Но и эти линзы не всегда эффективны, помимо того, у них есть свой недостаток: капризны в уходе. То «зацветут», то порвутся. Можно, конечно, иметь запасную пару, но и у них те же проблемы.

Не сразу пришла мысль сделать такую линзу, которую мне сейчас показывают. Поначалу я не смог найти ее отличия от жесткой или мягкой, только потом выяснил, что к чему. Создана не на стороне, а здесь, в центре, уникальная конструкция, соединившая лучшие оптические характеристики жесткой линзы и нежность мягкой. Хороша ли такая линза? Получены патенты из семи стран на линзу, в которой сфокусирована даровитость медиков, точный инженерный расчет и незаурядная конструкторская смелость.

...Чуть слышно пощелкивают реле машины, перебирающей в своей памяти варианты в поисках лучшей линзы. Вскоре появится еще одна пара линз. И кто-то обретет ощущение всех красок мира. Кто-то избавится от болезни. (Центр делает и линзы, помогающие при ранее казавшихся неизлечимыми недугах. Эти исследования проводит Г. А. Бабич.) Кто-то вернется к любимой работе. Понятие «зеница ока» обрело здесь почти осязаемый, особый смысл. Линзы уже вернули радость тысячам пациентов. И не только в нашей стране. Московские специалисты хорошо сотрудничают с коллегами из многих стран, где работы советских офтальмологов не просто известны, но и уважаемы. Дружески и подробно обмениваются знаниями с коллегами из Чехословакии и ГДР — есть программы совместных работ и исследований. Приезжают в лабораторию и специалисты из других стран... Были специалисты из Финляндии, Франции, Индии, ФРГ, Японии, Австрии, Швейцарии. Только что звонили из Праги. Едва закончился разговор, я задал Анатолию Александровичу еще один вопрос:

— Где и как заказать контактные линзы?

— Прежде чем сказать о создаваемой службе контактной линзы, замечу, что носить ее надо не всем, кто пользуется очками. В одном случае можно обойтись очками, в другом — только контактными линзами. Определить это может только врач-офтальмолог. Самодеятельность, как и всякое самолечение, может оказаться вредной. Министерством здравоохранения СССР в стране создается широкая и стройная сеть лабораторий и кабинетов контактной коррекции зрения. Задача: в городах, крупных центрах иметь достаточное количество специалистов и оборудования. В центре уже прошли обучение медики и оптики из многих районов нашей страны. Я об этом говорю потому, что к нам подчас обращаются пациенты из городов, где есть свои специалисты, материалы, оборудование.

...Сделано немало. И все же представляется, что будущее контактной линзы интереснее и значительнее ее сегодняшнего дня. И уверенность в этом дает центр, взявший на себя всю заботу о контактной линзе, ставший главным в доброй службе контактной линзы.

ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ

В преддверии юбилеев Куликовской битвы и Великого стояния на Угре вновь и вновь мысль устремляется к тем древним и славным временам, когда наши предки закладывали основы национального могущества. Вокруг Кремля росла Москва. Юго-восточные подступы к ней охраняли стоящие полукольцом монастыри-стражи: Данилов, основанный в 1282 году; Андроников и Симонов, выросшие почти одновременно в следующем столетии, и более поздние — Донской (1591 г.) и Новоспасский.

Немногие столицы государств и города, имеющие древнюю историю, могут, подобно Москве, гордиться столь стройной системой оборонительных крепостей. По-разному, трудно и неспокойно складывалась многовековая судьба московских стражей.

Симонов монастырь, расположенный на левом берегу реки Москвы, упоминается в древних летописях особенно часто. Известно, что первоначально он стоял чуть ниже по течению и именно в том, Старом Симонове, где после Куликовской битвы были похоронены погибшие на поле брани Пересвет и Ослябя.

В июне 1979 года «Огонек» уже публиковал материал с критикой тех организаций, которые непростительно затянули восстановление церкви Рождества Богородицы с могилами героев Куликовской битвы в Старом Симонове, где по сей день работает компрессорная станция завода «Динамо». В ноябре того же года была напечатана заметка по следам выступления — о ходе восстановления памятника. Но, увы, пока над могилами героев все еще раздается гул мощных компрессоров. Особенно плохо обстоят дела с проектированием и устройством подхода к памятнику, который может быть организован лишь со стороны трех древних, плохо сохранившихся башен Симонова монастыря. О них и пойдет теперь речь.

В первые годы своего существования Симонов монастырь был очагом культурной жизни, собирателем и распространителем новейших достижений науки, техники и, конечно, военного, оборонительного искусства. Симонов монастырь защитил Москву от внезапного нашествия полчищ хана Кази-Гирея. Русь в то время вела войну со Швецией, и войско находилось на северо-западе. Неожиданно орды хана стали с юга подходить к Москве, но крепостные стены Симонова монастыря и героизм его обитателей явились непреодолимой преградой для захватчиков. В XVI веке в кельях монастыря жили и писали свои выдающиеся сочинения Вассиан Патрикеев и Максим Грек. В 1606 году возле монастырских стен бились с войсками царя Василия Шуйского крестьянские отряды Ивана Болотникова. В 1611—1612 годах польско-шляхетские интервенты довели монастырь до «крайнего разорения», но и в разорении смутного времени монастырские строения служили зачастую убежищем для наших предков.

От тех времен сохранились южная стена с тремя башнями, Трапезная палата с древними подвалами и здание, предназначенное для подсобных помещений. Самая большая из трех сохранившихся башен, 76-метровая башня «Дуло», построенная мастером Федором Конем в 1640 году, расположена ближе всех к реке. Она была главной сторожевой вышкой крепости. Очень вместительная, большого диаметра, она также служила хлебным амбаром. В третьем ярусе башни в шахматном порядке расположены бойницы. Позднее башню надстроили шатром с двухъярусной смотровой башенкой. Кроме башни «Дуло», сохранились башни «Кузнечная» — пятигранной формы и «Солевая» — круглая.

Сейчас строения Симонова монастыря окружены промышленными предприятиями. У

«Кузнечная» башня Симонова монастыря.

станции метро «Автозаводская» высится новое здание дирекции завода «Динамо». Дальше расположились цеха, и затем, не доходя нескольких шагов до Дворца культуры автозавода имени Лихачева, совсем рядом с трамвайными путями, за высокими деревьями маленького Детского парка видна одна из древних башен — «Солевая». Она огорожена деревянным покосившимся забором из соображений безопасности для прохожих: с башни может упасть кусок кирпича. Там, наверху,— трещины, мох и даже небольшие деревца. Этим ограждением саморазрушение башен уже признано фактом. И судя по тому, что ограждение разрушается само — признано давно. Однако мер к укреплению кирпичной кладки и спасению уникальных строений памятника архитектуры государственного и даже мирового значения (охранный номер Госинспекции охраны памятников — 94) не принимается никаких. Ближе к Москве-реке располагаются башни «Кузнечная» и «Дуло». Раньше, всего несколько лет назад, пройдя вдоль них по Детскому парку, вы могли попасть на территорию Дворца культуры ЗИЛ. Сейчас это невозможно: за башнями в непосредственной близости в беспорядке расположены металлические и каменные частные гаражи. И это в той самой «охранной зоне памятника», в которой не только гаражей, но вообще никакого строительства закон не допускает. Гаражи — за высокой металлической решеткой, препятствующей осмотру, а ведь башни Симонова монастыря обозначены на карте-схеме достопримечательностей Москвы, выпущенной тиражом 600 000 экземпляров.

Помещения Трапезной палаты и здание «Сушило» уже много лет занимает завод «Сатурн» общества «Рыболов-спортсмен». Недавно эти строения были показаны в сатирическом киножурнале «Фитиль», как пример халатного отношения к историческим реликвиям.

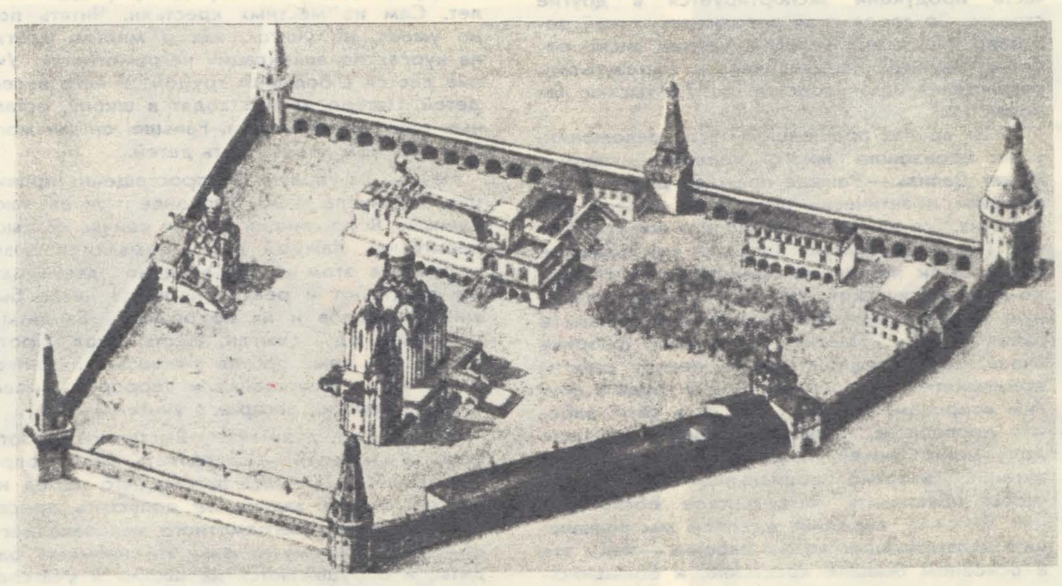
О непорядках с реставрацией строений Симонова монастыря неоднократно говорилось в печати. А в результате еще два года назад комиссия общественной инспекции Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выявила следующее: в стенах Трапезной палаты пробита кладка для устройства отверстий под вентиляционные трубы; фактически уничтожено северное крыльцо Трапезной; уничтожена открытая терраса на западной башне Трапезной; состояние полностью выветрившейся кладки всех зданий и башен монастыря вызывает серьезные опасения за их судьбу, например, северо-восточная «Солевая» башня, по сути, превратилась в руины. К этому следует добавить, что в аналогичном состоянии находится теперь и башня «Дуло».

Многое пережил в многовековой своей судьбе древний Симонов. Во время эпидемии чумы в 1771 году он был превращен в больницу и лишь в 1795 году восстановлен как монастырь. Именно в те годы Н. М. Карамзин издает свою «Бедную Лизу». Повесть имела небывалый успех. У москвичей стало традицией посещать окрестности монастыря, где происходили описанные события. Древний Лисин пруд, которого сейчас уже нет, стали называть «Лизиным прудом».

Известно, что в 1926 году в Симонове существовал музей древней русской архитектуры, строительного искусства, ратного быта. Журналы тех лет писали: «Музей древней русской архитектуры начинает пользоваться большой популярностью и посещается многочисленными экскурсиями».

К сожалению, в 1930 году уникальный комплекс был наполовину уничтожен. Но сделать оставшиеся строения монастыря памятником ратной доблести предков — дело чести нашего поколения.

Михаил ПОСПЕЛОВ



Симонов монастырь — со старинной гравюры.

АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Юрий ПОПОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

Дорога бежит на север. Время от времени вдали возникают пыльные смерчи, рассыпающиеся грязными, бурыми облаками. Слева тянутся пологие холмы. В этих предгорьях недавно нашли статую бога Солнца, пролежавшую в земле больше тысячи лет. Усатого мраморного бога, оставшегося от тех времен, когда в Афганистане было царство Кушан, торжественно передали афганским ученым, которые отметили большую ценность этой находки для науки.

Но наш путь лежит дальше — в город Чарикар, являющийся столицей провинции Парван, одной из крупнейших в Афганистане. Нас пригласил туда губернатор Мохаммед Ибрагим, с которым мы познакомились в Кабуле. В Парване есть что посмотреть. Здесь находится большое текстильное предприятие страны, цементный завод, создано несколько сельскохозяйственных кооперативов, это также центр виноградарства, дающий большую часть знаменитого афганского изюма.

Губернатор, молодой, энергичный, с живыми черными глазами человек, вел совещание. Обсуждался важный вопрос — как будет отмечаться в провинции вторая годовщина афганской революции. Присутствовали руководители различных управлений, мэр города Чарикар, короче говоря, все представители местной власти. Где будет проходить празднество, куда пойдет демонстрация, где развесить плакаты и транспаранты, кто отвечает за безопасность, как обстоит дело с финансированием всех мероприятий — проблемы самые разные, и все нужно решить своевременно.

— Не забудьте взять поливочные машины и полить место проведения митинга и демонстрации,— напоминает губернатор. — Время сейчас жаркое и пыльное.

Город Чарикар — средний по афганским масштабам. Как и везде на Востоке, первые этажи на главной улице заняты лавками и магазинами. Торговля идет бойко, товаров хватает, цены стабильны. Текстильная фабрика, куда мы отправились с губернатором, находится в километрах в пятнадцати от Чарикара. Нас встретил технический директор предприятия Исмат Далиль. Фабрика существует уже давно — с 1932 года. Она снабжает хлопчатобумажными тканями не только Афганистан,— часть продукции экспортируется в другие страны. До апрельской революции на ней работало 4,5 тысячи человек. Сейчас число рабочих значительно увеличилось в результате расширения производства до 7,5 тысячи человек.

— За время, прошедшее после революции, у нас произошло много перемен,— говорит Исмат Далиль.— Раньше прежнее руководство фабрики практически ничего не делало для рабочих. Его не интересовало, как живут рабочие. После революции здесь на руководящие посты были назначены представители Народно-демократической партии, которые вплотную занялись вопросами улучшения жизни и быта рабочих. Партийный комитет фабрики вносит свои предложения по поводу работы предприятия, улучшению условий труда и другим вопросам. Сейчас у нас есть свой рабочий кооператив, повышена заработная плата для наших ткачей, выделяются дотации на питание, введено социальное страхование, чтобы обеспечить медицинское обслуживание. Большое внимание уделяем мы повышению квалификации наших рабочих — ведь это в основном бывшие крестьяне, и большинство из них неграмотно; на курсах по ликвидации неграмотности у нас занимается около 800 человек. Мы также строим дома для рабочих. Уже поставили 40 домов, начинаем еще шестнадцать. Думаем построить стадион, есть у нас уже клуб, он также открылся после революции. Будет и детский сад. Планы большие, но и трудностей немало. Не хватает запасных частей — оборудование у нас из Англии и ФРГ, а представители связанных с нами фирм срывают поставки нужных деталей. Бывают перебои и с поставкой хлопка. Но теперь положение выправляется. После того как крестьяне получили землю, сбор хлопка должен увеличиться. Теперь они заинтересованы в том, чтобы лучше работать.

В разговор вступает местный партийный активист Абдул Фаттах. Он окончил Кабульский политехнический институт и очень интересуется опытом работы советских текстильных предприятий.

— Наша фабрика,— говорит он,— это очаг новой культуры в районе. Мы хотим завести дружеские отношения с каким-либо вашим предприятием, чтобы обмениваться делегациями и изучать ваш опыт.

Абдул Фаттах решительно одобряет ввод советских войск в Афганистан по просьбе афганского правительства.

— Если бы это не было сделано, то нашу революцию задушили бы враги и кровь, пролитая нашими патриотами, была бы пролита напрасно. Вы же знаете, сколько военных лагерей для подготовки наемных банд создано сейчас в Пакистане, сколько оружия идет туда из Соединенных Штатов и Китая. Походите по цехам, поговорите с людьми. Вам почти все скажут то же самое.

Мы походили по цехам и побеседовали с людьми. Женщин здесь почти не увидишь. Все работы выполняют мужчины. Высокий улыбчивый начальник участка товарищ Мистар — член НДПА. У него работает 500 человек и действует своя партийная ячейка.

— Работают все хорошо, и дисциплина хорошая на производстве. Вот поговорите хотя бы с ним,— он показал рукой на широколицего бородача в чалме.— Он пришел на фабрику совсем недавно, но уже освоил специальность.

Широхо (так звали бородача) тридцать пять лет. Сам из местных крестьян. Читать пока не умеет, но учится, как и многие другие, на курсах по ликвидации неграмотности. Учение дается с большим трудом. У него восемь детей. Пятеро из них ходят в школу, остальные еще не подросли. Раньше он не мог и думать о том, чтобы учить детей.

Начальник управления просвещения провинции Сафиулла Асмат позднее привел такие данные. В провинции учится сейчас 46 тысяч ребятишек. Каждый год открываются новые школы — в этом году введено двенадцать. Но действуют и реакционеры из числа бывших феодалов и их подручных. Бандиты в прошлом году сожгли шесть школ. Против учителей и даже против учеников применяется тактика запугивания и террора. Бывают случаи зверских расправ с учителями.

— Почему душманы выступают против школ и учителей? — повторяет мой вопрос Сафиулла Асмат.— Да потому, что перед ними поставлена задача не допустить просвещения народа. Неграмотного человека легче обмануть. Потому-то они, эти наемные бандиты, и обрушиваются на школы и учителей, всячески препятствуют занятиям.

А народ тянется к знаниям. Мы побывали в местном женском лицее в Чарикаре и беседовали с воспитанницами. Многие собираются продолжить учебу в Кабуле в университете или политехническом институте. Шестнадцатилетняя Насима собирается стать доктором, ее подруга Карима хочет поступить в педагогическое училище.

Когда едешь по дорогам Парвана, то всюду встречаются виноградники. Однако много здесь и других культур. Сельское хозяйство — основа экономики провинции, как, впрочем, и везде в Афганистане. Начальник управления сельского хозяйства провинции Абдул Самин в беседе с нами заявил, что в этом году будет засеяно значительно больше земель, чем в прошлом. Крестьяне меньше стали бояться мести феодалов и их наемных бандитов, и землю, полученную в результате земельной реформы, они уже считают своей. Значительное количество семенного фонда было получено из Советского Союза — 250 тонн. Было роздано крестьянам 840 тонн удобрений. На 2 тысячи гектаров увеличились площади под виноградниками. В провинции создано 66 кооперативов и 14 товариществ по совместной обработке земли.

В кооперативе «Баграм» мы встретились с одним из его руководителей, Мошкаламом Задрой. Кооператив оказывает помощь крестьянам в проведении ряда сельскохозяйственных мероприятий, внедрении прогрессивных методов обработки земли и возделывания сельскохозяйственных культур, оказывает помощь техникой. Ведь владение землей здесь продолжает оставаться единоличным. Существует кооператив на взносы крестьян. Раньше в уезде Баграм было 1400 малоземельных и безземельных крестьян. За аренду поливных участков крестьянам приходилось отдавать феодалу три четверти урожая. Правда, и сейчас еще есть безземельные крестьяне, и они арендуют землю. Но теперь положение их изменилось, и в уезде действует целый ряд правил, регулирующих отношения арендатора и землевладельца.

Новое прочно входит в жизнь людей, в жизнь всей страны. Трудностей еще очень много. Самая главная — вмешательство внешней реакции, засылка вооруженных банд в Афганистан с целью дезорганизовать всю большую работу, которая проводится здесь для подъема экономики и культурного уровня народа, ликвидации отсталости и нищеты.

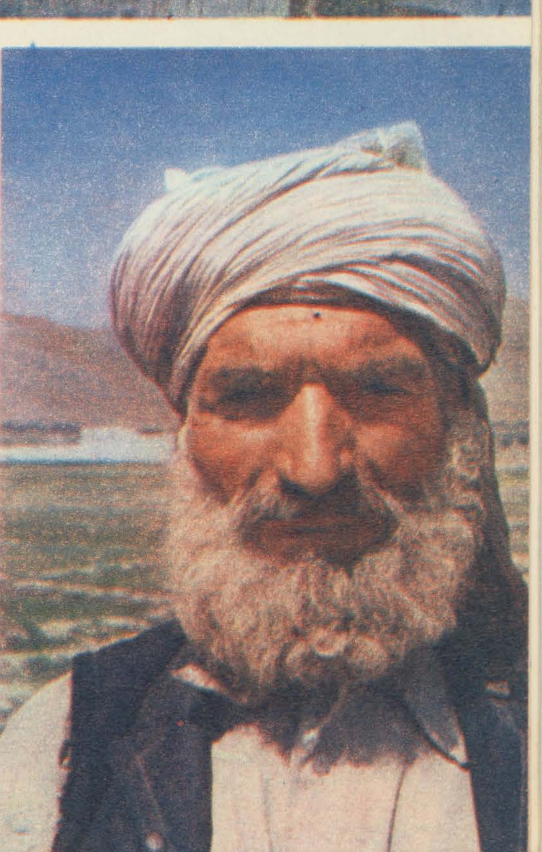
Когда мы уезжали из Чарикара, нам рассказали о проходившем там субботнике. Пришли школьники, крестьяне. К обеду собралось много народу. Чистили оросительные каналы, сажали деревья, и все работали с энтузиазмом. Крестьяне сначала просто наблюдали, но потом тоже включились, и работа закипела.

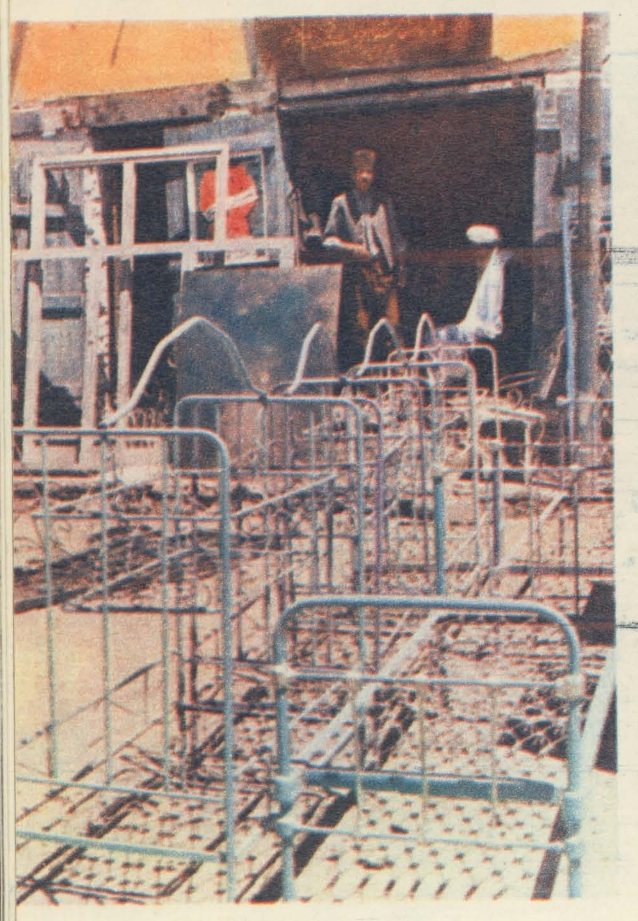
Люди почувствовали себя хозяевами своей земли, своей страны.

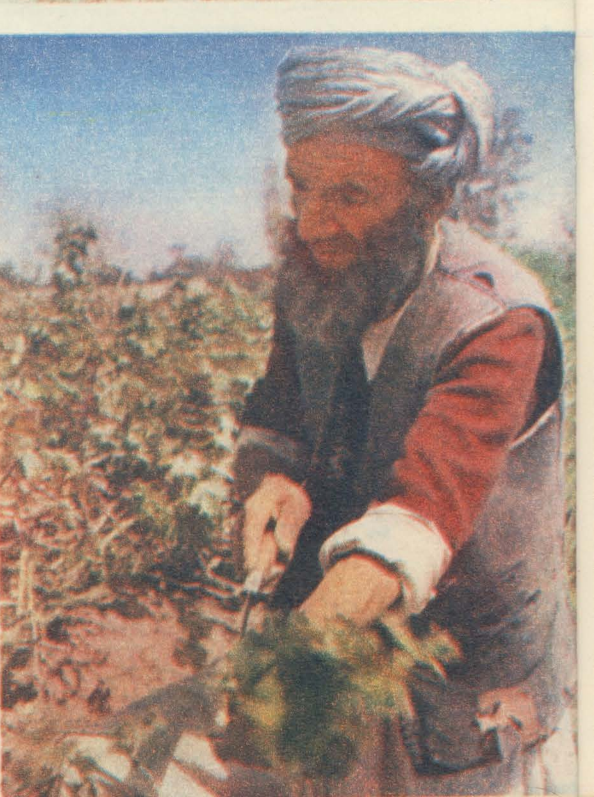
●

Солдатская дружба. * Кочевники из Джелалабадской долины. * Сварщик за работой. * Так заготавливают корм для скота. * В художественной школе. * Пуштун.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Его зовут Абдул Азиз. * Сегодня в отеле «Кабул» свадьба. * Розы Афганистана. * Афганки в национальных костюмах.







ТЕРЗАНИЯ НЕМУДРОЙ ДОБРОТЫ

Ольга КУЗНЕЦОВА

Батарея отопления в нашем подъезде обладает магической силой: все парочки, постоявшие возле нее, переженились, и теперь в закутке между наружной и внутренней дверями целуются внуки тех, кого мы, малолетние блюстители нравственности, некогда спугивали непочтительным гоготом. Вот там-то много лет назад пухлогубая девушка, заслышав мои шаги, отпрянула от долговязого соседского Бори, и ее серые глаза полыхнули сиянием неоглядного счастья. Немного спустя Анна Григорьевна, мать Бориса, поделилась радостью: сын женится, и Люба, невеста, ей по сердцу. Она на четыре года старше, и это к лучшему. Его в руках держать надо, а девчонке где уж...

Обитатели наших квартир общались постоянно, стала заходить и Люба. Она нравилась не только миловидностью. Розовое лицо с приподнятыми уголками губ светилось такой радостью, что не улыбнуться в ответ было невозможно. Только голос подкачал — резкий, без интонаций. О людях отзывалась восторженно. Родители — лучших не бывает. Отец справедливый и душевный, машинист, водит товарные. Мама доброты необыкновенной. Была портнихой, но из-за детей давно не работает. Брат и обе сестры на редкость способные и ласковые. Свекровь удивительно сердечная, заботливая. Муж... Да за такого любая пошла бы, и помоложе и образованней. У нее только семилетка. Техникум бросила, но нисколько не жалеет. Попала на самый лучший завод, собирать приборы очень интересно, и народ в бригаде замечательный. В положенный срок Люба начала полнеть, и в один прекрасный день сияющий Борис примчался с перевязанным лентами свертком: «Полюбуйтесь на мою Алису, на мою красавицу!»

А через год скоропостижно умерла Анна Григорьевна. Борис за неделю исхудал до костлявости. Долгими вечерами то у одних, то у других соседей вспоминал, как трудно мама его растила (она овдовела вскоре после войны). Говорил, что был плохим сыном, зато теперь станет примерным мужем и отцом. Через месяц сочувствующих поубавилось. За излияниями и обещаниями семьянин начисто позабыл о работе, и его уволили. Тогда-то и стало ясно, чего Анна Григорьевна ждала от невестки: Борю надо было понуждать к выполнению самых элементарных обязанностей. Но к этому Люба оказалась неспособной, и не только из-за влюбленности.

Она росла в тяжелые послевоенные годы старшей в семье, да еще с разрывом в пять лет, привыкла все лучшее уступать младшим, все трудное брать на себя. А Борис — почти ровесник ближайшей по возрасту сестры. Мудрено ли, что ему нашлись оправдания? Он-де так переживает, а народ на фабрике бездушный. Могли бы заменить как-нибудь, пока в себя не придет. Ну, ничего, пусть отдохнет. Перебьются на ее зарплату, а там найдет место получше. Борис отдыхал, пока милиция не поинтересовалась, почему двадцатидвухлетний здоровяк нигде не работает; а потом завербовался куда-то, пообещав через три года привезти большущие деньги. Вернулся много раньше, и вся прибыль — справка об окончании маркшейдерских курсов. Однако с нею взяли на стройку прорабом — Боря умеет с завораживающей убедительностью рассуждать о любых проблемах, что порой принимают за знание дела. Я поинтересовалась: «Как же ты руководишь? Ведь в строительстве ничего не смыслишь», — и он откровенно объяснил: «Когда бригадир начинает приставать, я говорю: неужели сам не знаешь? Что, по-твоему, надо делать? Он выкладывает, а я слушаю и хвалю: молодец, так и действуй!» Подобный «метод» выручал недолго. Перешел в другую стройконтору, в третью... Трудовые периоды становились все короче, бездельные все длиннее...

На свою беду Борис верил, что, будучи начальником, можно без усилий получать все блага, была бы удача, и работу по плечу не искал. Однако в ту пору он еще стыдился неустроенности. Оставшись не у дел, старался не попадаться на глаза, а каждым новым назначением спешил похвастаться: встретили очень приветливо, и публика, по всему видать, доброжелательная, так что на этот раз все пойдет по-другому. Увы, восторгов хватало ненадолго. Через месяц на вопрос «Как работается?» отвечал, пряча глаза, «помаленьку», и приходила помрачневшая Люба: «Боре опять не повезло. Рассчитала все, и чтоб Алечке было в день по яблочку, но до получки никак не дотяну. Одолжите пятерочку». И разговоры были одни и те же: у нее на работе люди очень хорошие, а бедному Боре попадаются ужас какие плохие. Он ведь умный и гордый, подлаживаться не умеет. Знакомые обещали устроить, а пока пусть отдохнет... Когда милиция — в который раз! — вмешалась в чересчур затянувшийся отдых, Бориса с трудом взяли бригадиром. В трудовой книжке за четыре года набралось столько нелестных записей, что ни знакомство, ни личное обаяние не помогли.

...Жизнь вроде бы вошла в колею — в тот раз удержался на работе дольше обычного, но Люба начала нехорошо меняться. Потускнели глаза, пропало красившее ее оживление. Заходила редко и только по делу. Однажды вечером в коридоре послышался ее громкий, резкий голос, и в нашу дверь забарабанили. Я открыла. Люба со свежим кровоподтеком под глазом вырывалась от мужа, а тот норовил еще раз ударить. Услышав на лестнице звяканье сапожных подковок, швырнул жену головой об стену и ринулся к себе, едва не опрокинув перепуганную дочь-первоклассницу. Люба бросилась к пришедшему милиционеру: «Соседи зря вас вызвали! Попугайте хорошенько, только не забирайте!» Тот пробасил: «Я вам, гражданка, не пугало. За драку будет отвечать, как положено». На другой день заплаканная Люба пришла с тоскливым вопросом: «Можно ли верить такому мужу?» Вернувшись из отделения, Борис ушел, прихватив телевизор и ее любимую безделушку — фарфорового тигренка. Как оказалось, он стал пропадать по вечерам и несколько раз не ночевал дома. Люба выследила, подстерегла разлучницу, сказала ей пару теплых слов и для убедительности стукнула хозяйственной сумкой, из-за чего Борис дал волю кулакам.

Весь дом недоумевал. Такая работящая, всеми уважаемая мать, такой улыбчивый, вежливый мальчик... Как мог получиться иждивенец и скандалист? А мне вспомнилось давнее. Во дворе пятилетний Боря и девчушка помладше тянули, каждый к себе, прыгалку. Увидев меня, он отпустил свой конец, отчего та упала, ободрав ногу, и попросил: «Не говорите маме, что я гулял. Я сейчас, я уже домой!» И убежал, даже не взглянув на плачущую девочку. И еще. Борю, уже школьника, поймали на баловстве с дверным звонком. После объяснений с хозяевами квартиры Анна Григорьевна вела сына домой и выговаривала: «Как ты мог! А если дядя с тетей узнают? Они же ничего не подарят! И вообще тебя никто любить не будет! Об этом ты подумал?» И ни слова о том, что изводить пожилых людей трезвоном бессердечно и непорядочно...

Через два месяца Борис вернулся, поклялся, что такое не повторится. Люба простила, вновь сделалась говорлива и весела, ...пока он снова не унес телевизор к другой. Так случалось еще не однажды, и всякий раз были слезы и все тот же тоскливый вопрос, хотя давным-давно установлено, что такому мужу верить совершенно невозможно. С каждым его уходом Люба гасла, с возвращением — расцветала. По настоянию своих родителей стала получать алименты на девочку, но Але из них перепадало немного. Отец кочевал со стройки на стройку, а из амурных отлучек возвращался то без костюма, то без пальто и всегда без гроша. К тому же Люба начала покупать «красненького», чтоб не скучал, не рвался из дому. Она полагала, что все беды от «белого», а это слабенькое, безвредное. Теперь одалживала деньги после аванса до получки, после получки до аванса.

Сначала я принимала Бориса за «стихийного» бездельника и бабника, но у него на сей счет сложилась удобная для самооправдания теория, да еще с опорой на вывернутого по-своему Льва Толстого. Если наши разновременные диалоги свести к его монологу, получится примерно следующее: «Мне тоже «изюминка» нужна, как Протасову из «Живого трупа». У Любки ее нет, так и нечего жаловаться, что на стороне ищу. Люди во все времена одинаковы, и Толстой верно про них писал. Витька Каренин. Благородный — дальше некуда, в своей конторе вкалывал — будь здоров. А кто его уважает? Я читал. Все критики в один голос — «сухарь» да «бюрократ». А Федю, кого ни возьми, жалеют, хотя по-теперешнему он алкаш и тунеядец. А почему? У него душа. У меня тоже душа, я веселый, вот и липнут всякие. А мне что? Только и погулять, пока молод. Любку не брошу, она в общем-то ничего и добрая. Поревет — крепче любить будет. А то еще избалуешь на свою голову. Пью, конечно. А кто не пьет? Но только для компании, здоровье берегу. Алиску не обижаю. Чего ей? Сыта и вон в какой шубе ходит. Бабка раскошелилась. Так ведь все равно кто. Главное — есть. А старикам куда деньги тратить, как не на внуков...»

В «домашние» периоды Борис иногда мастерил. Стенной шкаф переделал в секретер, перечинил мебель. А однажды Люба похвалилась свеженастеленным паркетом: «Все сам, и ни копейки не стоило». «А материал!» «На стройке взял». «Как? Украл?» «Ну, зачем так. Не грузовик вывез. Брал по нескольку штук». «Но ведь набралось же с грузовик!» «Ну и что? Боречка говорит — там такое делается! Все берут». И в лице ее не было ничего, кроме недалекой простоты, которую народ издревле считает хуже воровства.

Ох уж эта ложная спасительность ссылки на «всех»! Стоит иному убедить себя: «все пьют» или «все воруют», и вроде бы самому не зазорно, не боязно. Но расплачиваться приходится каждому в одиночку, за содеянное лично им. Довелось и Борису. С паркетом сошло безнаказанно, а на проданной на сторону краске попался и получил три года лишения свободы. Люба изошла слезами и твердила, что это подстроили, он сам на такое не способен, словно и паркет и вся нечистая жизнь мужа выветрились из памяти.

Перед отправкой Борис попросил снять алименты — это, мол, позорно, а он, перенеся такое, стал совсем другим человеком и сам будет присылать все, что заработает. И она сняла. Получала ли что-нибудь, не знаю, но посылки мужу собирала исправно и, дабы свести концы с концами, стала после работы разносить вечерние газеты. Но не жаловалась и пребывала в уверенности, что все тяжкое позади. От мужа приходили обнадеживающие послания: он духовно обновился, высоко ценит любимую верную жену, обожает дочь и ждет возможности загладить вину, обеспечив им зажиточное спокойное существование. Однако досрочного освобождения не заработал.

Уроки кончились. * Она была в праздничной демонстрации. * Кровати и делают и продают прямо на улице. * Табор кочевников вблизи Кабула. * Студентки лицея в Чарикаре. * Парван славится своими виноградниками.

После колонии Борису не разрешили два года жить в столичной области, и он отправился в Кимры. Любу ехать отговорил: одного приютят родственники, а на двоих надо будет снимать комнату. К тому же от Москвы недалеко, она сможет приезжать по выходным. Каждая поездка была для Любы праздником — и по радости и по расходам. Но долго тратиться не пришлось. Получила письмо: «Переехал к одинокой хорошей женщине, потому что сильно ослаб здоровьем и без ухода долго не протяну. О семье она знает и согласна, чтоб временно. Ты должна войти в положение и ждать». В положение Люба вошла и даже посылала продукты, чтобы поддержать иссякающие силы супруга. Окрепнув, он заявился домой. Ночь провел, как полагается после разлуки, а утром подал на развод: потребовала та женщина. Любе пришлось лечиться у невропатолога.

Теперь ей сорок четыре. Отяжелевшая, горластая, нудно жалуется на невезение. От жизнерадостности, пленявшей двадцать лет назад, не сохранилось ничего. Развода не дала, мужа, когда стало можно, прописала, но где он живет и чем занимается, не знает. Говорит о нем, как о постороннем: «Герасименко приходил», «Герасименко унес книги». Однажды со мной поздоровался неопрятный пожилой человек. Я машинально ответила и услышала: «Не узнаете?» Чужое одутловатое лицо. Светлые, почти белесые глаза показались знакомыми: «Неужели Боря?» «Он самый. Вот как жизнь изломала. Но мы еще поборемся! Мне такое предстоит!» Слушать очередные байки было почему-то стыдно. Он понял это: «Как-нибудь зайду, расскажу подробнее». «Непременно, на этих же днях». И оба знали, что не зайдет, рассказать нечего.

Но хуже всех Але.

В детстве она жила больше у бабушки с дедушкой, чем дома. Ухоженная и обласканная светлоглазая девочка пришла в школу с такой лучезарной материнской улыбкой, что букеты делегациям преподносила только она. Но отрыв от родителей имел и теневые стороны. Люба навещала дочь каждое воскресенье, Борис, когда бывал при деньгах, покупал дорогие игрушки. Но все это не могло заменить ни ежедневного общения, создающего родственные узы любви и взаимопонимания, ни совместно пережитых радостей и бед, упрочняющих такие узы. На родителей Аля смотрела сторонними глазами, а потому судила их без снисхождения. Скандал с дракой, уходы и возвращения оттолкнули от отца, но и к матери не привлекли. Что делать! Если нет настоящей привязанности, дети редко сострадают тем, кто не умеет отстоять свое человеческое достоинство. С годами отчужденность росла. Аля часто прибегала к нам то проверить сочинение, то с задачкой. Заметив, что она ждет объяснений, даже не попытавшись решить самостоятельно, я прочла нравоучение.

Насупилась и только через неделю появилась неприступной неулыбой: «По-моему, это сочинение написано очень даже неплохо». Ошибок и впрямь было меньше обычного. От похвалы оттаяла и сказала очень серьезно и очень печально: «Конечно, если бы у меня были родители, — и быстро поправилась, — настоящие родители, не пришлось бы никого беспокоить». Тогда же я впервые услышала, как она кричит матери: «Что ты вообще понимаешь!» Я попеняла Любе: «Почему ты разрешаешь так с собой разговаривать?» В ответ виноватая полуулыбка: «Просто не знаю, как подойти. Алечка такая нервная!»

С родителями близости не получилось, бабушки с дедушкой не стало. Девочка, общительная в школе, дома чувствовала себя одинокой. Такое даже для закаленных взрослых не обходится без душевных потерь. Стоит ли удивляться, что не научившийся любить десятилетний ребенок ожесточился. Арест проворовавшегося отца добавил стыд за того, кем детям свойственно гордиться. И она не простила. Отказалась повидаться перед отправкой, не читала его писем. С детской бескомпромиссностью требовала такой же непримиримости от матери, но для Любы отречься от «страдальца» немыслимо.

Более чем скромные школьные успехи не оставляли надежды на высшее образование, и в восьмом классе надо было решить, как быть дальше. Мы с Любой обсуждали невеселую ситуацию, когда пришла Аля. Узнав, о чем разговор, вперила в мать упрямый злой взгляд: «Зря стараешься. Я же сказала — ни в какое ПТУ поступать не буду и ни на какой завод не пойду». «Доченька, ну чем же плох завод? Я сколько лет проработала, и кроме хорошего...» «А я никогда, ни за что не буду такой, как ты! — перебила Аля. — Институт мне ни к чему, но десятилетка будет!» «Зачем? Не лучше ли получить специальность?» «Специальность чепуха. Главное — уметь устроиться». Мне стало не по себе. Самоуверенная глупышка почти дословно повторила то, что ее непутевый, незадачливый отец проповедовал в молодости.

Похоже, что у нее уже тогда была какая-то цель. Благоволившая к ней пенсионерка еще до получения аттестата обучила девочку машинописи, и Аля работает секретарем. По ее словам, временно, пока не подвернется то, что ей нужно. Одевается скромно — брюки, свитер, юбка с блузкой, но любит рассуждать о достоинствах джинсов «Ронглер», прелести духов «Шанель» и пудры «Жамз», особенностях моделей Бибы, Мери Куант и Лоры Эшли. Смотрит только зарубежные фильмы, зарисовывает туалеты «звезд», убранство апартаментов. От матери нарядов не требует, но лютую прошлую зиму проходила в легком — зато расклешенном! — осеннем пальто, теплое сочла слишком немодным. Освоила необыкновенную размашистую походку и манеру сидеть нога на ногу, прижав одну голень к другой. Половину зарплаты тратит на парикмахерские салоны и косметику. Частую смену цвета волос и век объяснила так: «Женщина должна все время удивлять неожиданностью». Штудирует школьный учебник английского и брошюру «Я немного говорю по-немецки».

Она явно готовит себя. Но к чему? Неразвитый ум, гипноз недоступных красивостей, сердечко, не согретое любовью к самым близким людям... Куда они заведут?

Владимир **НИКОЛАЕВ**

ВЛАСТЬ ВИДИМАЯ И НЕВИДИМАЯ

А как относятся американцы к своей стране и своим властям? Мои многочисленные встречи и беседы в США, впечатления разных лет позволяют мне попытаться ответить на этот вопрос. Как правило, американец настроен патриотично, он гордится необъятными просторами родной страны и ее богатством. Он гордится ее историей. Пусть она исчисляется только двумя веками, все равно американец видит в ней эпоху невиданно бурного роста, который он объясняет трудом и талантом человека, и тоже очень этим гордится.

Почти каждого американца крепко держит сравнительно недавнее прошлое, он все еще привязан душой к родине своих совсем недалеких предков, перебравшихся в Америку, обосновавшихся в ней навсегда, но не успевших забыть, откуда они родом. Это обстоятельство не охлаждает, а, наоборот, подогревает патриотизм американца, он, признаваясь в любви к Америке, как бы спешит расстаться со всем тем, что связывает его с землями дедов и прадедов.

Иначе, без особого почтения и уважения, относится американец к властям, особенно к центральным, то есть федеральным. На то есть немало причин. Ну, скажем, всегдашнее недовольство налогоплательщика. Каждый считает, что налоги слишком высоки. Действительно, военные расходы страны и ее огромный бюрократический аппарат требуют много денег. Вот рядовой гражданин США и полагает, что на его шее сидит слишком много нахлебников, и винит он в этом центральную власть, то есть Вашингтон. Не способствуют укреплению авторитета руководителей страны бесконечные политические скандалы, коррупция как среди законодателей, так и среди высших чинов исполнительной власти.

Такого рода обстоятельства весьма очевидны, они, можно сказать, лежат на поверхности. Но есть еще одна причина довольно прохладного отношения американца к официальным властям, она, по-моему, более основательна и глубинна. Дело в том, что за этой видимой каждому властью стоит пусть и неофициальная, но зато настоящая, хотя и невидимая правящая сила. Мне кажется, что американцы это понимают. И не оттого ли почти половина избирателей обычно не участвует в выборах президента США? Они понимают, что в конечном итоге это будет не их выбор и что судьба страны зависит отнюдь не от хозяина Белого дома. Еще Т. Драйзер писал в свое время, уже далекое от наших дней: «Зачем голосовать? Все равно власть находится и будет находиться в руках трестов и картелей».

Начнем с того, что широко известно: любой претендент на выборный пост в США нуждается в деньгах, поскольку избирательная кампания — затея очень дорогостоящая. Согласно американской печати, место в сенате США обходится в три миллиона долларов. Ну, а выборы президента страны требуют в наше время от кандидата более двухсот миллионов долларов, поскольку выливаются в кампанию всеамериканскую. Кто может давать такие деньги? Большой бизнес. Известно, например, что клан Рокфеллеров в XX веке пожертвовал в фонд рес-

Окончание. Начало см. в №№ 21—25.

Американцы

публиканской партии более 250 миллионов долларов. В ходе избирательной кампании 1978 года (были частичные выборы в конгресс) нефтяные компании Техаса дали своим кандидатам 20 миллионов долларов.

Кандидатов на выборные должности все видят, так же как все видят потом избранных на разные посты, а вот те, кто дает на это деньги, остаются за кулисами, в тени, но их хорошо знают берущие у них доллары политики. Эта кровная финансовая связь бизнеса с официально правящей верхушкой никогда не прерывается, и выражается она в разных формах. Одна из них — так называемый лоббизм.

Слово «лобби» переводится с английского как «коридор», «вестибюль», «фойе». Когда-то именно в этих людных местах агенты большого бизнеса атаковали со своими требованиями законодателей. Сегодня дело поставлено солиднее. Предприниматели имеют в Вашингтоне свои вполне официальные представительства, каковых насчитывается свыше 500 (!), в них трудятся более 15 тысяч (!) лоббистов, то есть по 28 на одного конгрессмена! Знающая почти обо всем американская статистика сообщает, что за пять лет количество лоббистов возросло почти в два раза. В 1960 году Форд, например, имел трех лоббистов в Вашингтоне, а к концу 70-х годов — сорок! Если взять такую сферу деловой деятельности, как гражданская авиация, то можно отметить, что свои лобби в американской столице имеют 77 авиакомпаний.

Способы давления на законодателей самые разные — и убеждение, и взятки, и шантаж, и подарки... Но главное, конечно, деньги. Один из американских политиков еще давным-давно сказал: «Честный политический деятель — это тот, кто, будучи однажды купленным, продолжает оставаться таковым». Законодатели отрабатывают доллары, выданные им в ходе избирательных кампаний, и получают новые подачки — на свою жизнь и деятельность. «Следуя американской традиции добиваться материального благополучия, многие сенаторы и члены палаты представителей рьяно стремятся нажить капитал»,— пишут в книге «Дело против конгресса» американские публицисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон.

Обсуждается, например, в сенате законопроект о некоторых изменениях в налоговой политике по отношению к корпорациям. Один за другим выступают сенаторы со своими предложениями, конкретными поправками к выдвинутому проекту. Обычная процедура. Но вдруг она нарушается. Слово берет сенатор Эдвард Кеннеди. В интересах своей политической борьбы и карьеры он весьма убедительно доказывает, что за предложенными поправками скрываются интересы крупнейших монополий, таких, как «Мобил ойл», «Юниройял», «Локхид», «Макдонелл Дуглас», «Литтон индастриз», «Трансамерика корпорейшн» и нескольких других. В случае принятия поправок каждая из них выгадывает многомиллионные суммы. Нет сомнений в том, что от них коечто перепадет и сенаторам, выдвинувшим поистине «золотые» поправки к обсуждавшемуся законопроекту. Подобные прения проходят постоянно, но такие разоблачения, какие сделал Э. Кеннеди, случаются редко. Видимая власть послушно проводит в жизнь интересы настоящей власти, невидимой. В выступлениях сенаторов в пользу монополий мы видим конечный результат работы разных лобби, главный принцип которых газета «Нью-Йорк таймс» сформулировала так: «Всякий, кому понадобится какой-либо закон, может купить этот закон за наличные деньги».

Надо еще учитывать, что конгрессмены не просто находятся под сильным давлением лоббистов, но и сами зачастую являются весьма заинтересованными людьми. По официальным данным, две трети членов американского конгресса имеют значительные интересы вне конгресса. То есть многие законодатели не только проводники политики бизнесменов, но и их братья по духу. Невидимая постороннему глазу деятельность конгрессменов и лоббистов определяет весь ход работы политической машины. А видимую ее часть можно сравнить с вершиной айсберга, масса которого, как известно, на девять десятых находится под водой. Недаром журнал «Бизнес уик» отмечает, что «ни число зарегистрированных лоббистов, ни расходуемые ими суммы не дают правильного представления о масштабах закулисной активности в Вашингтоне».

Лобби — типично американское явление, нам, советским людям, неведомое. Как и многие другие подобные обстоятельства, оно требует не поверхностного взгляда, не голословного осуждения, а внимательного рассмотрения и анализа. Апологеты американского образа жизни могут сказать, что лобби существуют для того, чтобы информировать конгрессменов, доводить до них мнение самых разных слоев общества. В самом деле, в Вашингтоне есть лобби не только деловых кругов страны, но и многих профессиональных и общественных организаций, а также других стран (своего рода дубликаты посольств с целью воздействия на американский конгресс). Но любопытно, что сами американцы деятельность вашингтонских лобби отнюдь не популяризируют. Мне ни разу не составило большого труда попасть в длинные коридоры и просторные кабинеты, в которых хозяйничают конгрессмены. Я встречался с ними, беседовал, обедал... А ведь с лоббистами столь просто такие контакты не установишь. Во-первых, потому что они по роду своей специфической деятельности обычно сами ищут контактов с нужными людьми. Во-вторых, вся их работа протекает как бы в полузасекреченной форме, хотя они официально зарегистрированы в Вашингтоне. Сами американцы хорошо понимают всю щекотливость этой ситуации. Вот общее мнение трех сенаторов, высказанное при обсуждении этой проблемы: «Поток информации в конгресс и правительственные учреждения совершенно необходим, это существенный фактор нашей демократической системы. Но у лоббизма есть своя темная сторона. Она является следствием его секретности. Существует широко распространенное подозрение (даже в тех случаях, когда на то нет оснований), что в атмосфере такой секретности зарождаются незаконные действия и коррупция». Сенатор Рибиков утверждает, что «конгресс и общественность должны знать, кто пытается оказывать свое влияние и на кого, с какой целью». Благое пожелание!.. Как только такие пожелания осуществляются, в Вашингтоне, как правило, случается очередной политический скандал. Одним из них стал, например, сеульский «Уотергейт», или «Кореягейт». Такие словосочетания пришли на ум бытописателям Вашингтона по аналогии с так называемым «уотергейтским делом», в результате которого президент США Никсон был вынужден покинуть свой пост. А корейский элемент в названии нового скандала тоже не случаен, ибо он связан с южнокорейским лобби при американском конгрессе. На примере этого дела ясно виден механизм работы так называемых лобби.

Главным южнокорейским лоббистом в Вашингтоне был Пак Тон Сун, числившийся бизнесменом. Он провел в Вашингтоне несколько лет и прославился своим широким образом жизни. Сорил деньгами направо и налево, устраивал роскошные приемы, основал фешенебельный «Джорджтаунский клуб» (вложил в это начинание три миллиона долларов!) для столичной знати. Все это делалось с одной целью — приобрести влияние в американском конгрессе. Потом выяснилось, что за ширмой такой светской жизни Пак Тон Сун развил активную деятельность, привлекая конгрессменов на службу интересам южнокорейских правителей. В ход шло все, вплоть до взяток. И год за годом такого сорта лоббизм приносил нужные плоды. Вашингтон отпускал все новые и новые средства в счет «помощи» Сеулу (12 миллиардов долларов за 20 лет). Из этих миллиардов Сеул выделял миллионы Паку на подкуп вашингтонских законодателей. Несложный кругооборот!

Неизвестно, сколько бы еще лет шиковал в Вашингтоне ловкий Пак, но дело случайно дошло до уголовщины. В отношениях с ловким лоббистом запуталась некая миссис Хоуве, руководительница штата сотрудников жены американского президента Форда. Вместе с этой «руководительницей» запутался и ее муж Джеймс Хоуве, который в результате покончил с собой. Началось следствие. Выяснилось, что Пак был агентом сеульской разведки. Выяснилось, что в сетях у него были 115 (!) бывших и нынешних членов конгресса. Комиссии конгресса по вопросам этики пришлось в связи с делом Пака опросить всех (!) конгрессменов. И обижаться им было не на что. Один из них, Уолтер Флауэрс, сказал: «Будем откровенны — всегда можно что-то откопать, когда ты роешься в грязном белье 435 парней и девушек в палате и еще 100 парней в сенате. Такова уж Америка!» Остается добавить, что Пак благополучно вернулся в Сеул, а в Вашингтоне скандал постепенно замяли.

Еще более широким размахом (и еще более глубоким влиянием) отличается деятельность произраильского лобби в Вашингтоне, о котором мы уже упоминали в главе о национальном вопросе. В США считают, что оно, например, воздействует на две трети сенаторов! Это лобби — одно из самых могущественных в американской столице. Среди других «иностранных» лобби можно упомянуть бурную деятельность в Вашингтоне представителей расистов ЮАР, не без успеха убеждавших и подкупавших законодателей.

Журнал «Тайм» назвал статью о лоббизме так: «Новая вашингтонская игра на миллиарды долларов: кто кем руководит». В этом определении вызывает сомнение выражение «новая игра». Не такая уж она

новая. И это вовсе не игра! Но в целом смысл происходящего процесса схвачен верно: миллиарды долларов идут на то, чтобы политическая машина работала в пользу тех, кто их дает. Журнал отмечает, что в последнее время в Вашингтоне наблюдается «поразительный рост влияния различных лобби». Что практически означает этот «поразительный рост»? Журнал пишет, что в связи с этим ростом «президент Картер встречается с серьезными трудностями при проведении законопроектов через конгресс, а сам конгресс стал неуправляемым». Нет, не совсем так! Он вполне управляем, но вопрос вот в чем: кем он управляется?! Ответ на этот вопрос дает хотя бы такой пример.

По всей стране нарастает возмущение тем, что фабриканты огнестрельного оружия превратили США в Стреляющие Штаты Америки. Любой человек может купить огнестрельное оружие по вполне доступной цене. Общеизвестны ужасные последствия такого положения. Казалось бы, законодатели в Вашингтоне, эти «избранники народа», должны были обратить внимание на создавшуюся ситуацию, прислушаться к голосу возмущенных американцев. Но нет! За десять лет конгресс США четырнадцать раз отвергал законопроекты об установлении контроля за продажей огнестрельного оружия. За спиной голосующих «против» конгрессменов стоят лобби фабрикантов этого оружия. Дело в том, что торговля смертоносными «игрушками» приносит прибыль от 50 до 100 процентов. Так что есть средства и на содержание лобби и на «убеждение» конгрессменов. Ну, и разумеется, таких средств еще больше у корпораций, производящих истребители, бомбардировщики, подводные лодки, ракеты... Их лобби — самые богатые и влиятельные в Вашингтоне. Хозяева этих лобби — подлинная невидимая власть.

Механизм связи лобби корпораций, работающих на войну, с конгрессом сложнее, чем у прочих компаний. Сложнее и эффективнее! Потому что эти лобби входят составной частью в тот огромный всеамериканский феномен, который назван военно-промышленным комплексом, или ВПК. Уж если что в США и олицетворяет реальную силу, так это именно ВПК. Вот его основные части: министерство обороны США — Пентагон, американский конгресс и опутавшие его лобби, военная промышленность.

Пентагон ежегодно заключает контракты с корпорациями, обслуживающими военную машину США. Счет идет на миллиарды долларов. Эти средства отпускает американский конгресс. При этом на него давят военные корпорации через свои лобби в Вашингтоне. Примечательно, что в Пентагоне военные заказы распределяют деловые люди, которых бизнес на время командирует в министерство обороны. А в корпорациях, работающих на войну, многие высокие посты занимают бывшие шишки из Пентагона, знающие там все ходы и выходы, потому их и ценят в мире фабрикантов оружия, которые, естественно, стремятся каждый раз побольше урвать из военных заказов. Лобби этих корпораций набиты бывшими генералами и адмиралами, бывшими конгрессменами, а также деловыми людьми и юристами.

Сплав бизнеса и войны — давняя американская традиция. В свое время еще президент США Эйзенхауэр назначил министром обороны Чарльза Вильсона. Он не был генералом или адмиралом. Он был бизнесменом, президентом компании «Дженерал моторс» (один из десяти крупнейших поставщиков Пентагона). Вильсону, кстати, принадлежат слова, которые, можно сказать, легли в основу философии военно-промышленного комплекса: «То, что хорошо для страны, хорошо и для «Дженерал моторс», и наоборот». Одно время на посту заместителя министра обороны был некий Томас Моррис, тоже сугубо штатский человек. Он распределял военные заказы. Пришел Моррис в Пентагон из фирмы «Литтон индастриз». За годы пребывания Морриса в Пентагоне доходы «Литтон индастриз» увеличились со 180 до 446 миллионов долларов. Отслужив в министерстве обороны, Моррис вернулся в свою фирму на пост ее вице-президента. А в Пентагоне его сменил Дэвид Паккард, бывший до того главой концерна «Хьюлетт Паккард», производящего электронное оборудование по заказам министерства обороны. Цикл этот можно назвать бесконечным...

В сложном, но хорошо отработанном механизме ВПК, в таком его звене, как конгресс, надо выделить четыре комиссии: две в сенате и две в палате представителей. Это комиссии по делам вооруженных сил и по ассигнованиям. От них прежде всего зависит выделение кредитов на вооружение. Председатели этих комиссий не последние люди в системе ВПК. Одним из таких деятелей в течение многих лет был Мендел Риверс, он возглавлял комиссию палаты представителей по делам вооруженных сил. По характеру своей службы он олицетворял видимую частицу той невидимой власти, какая на самом деле заправляет в США. И находясь в центре общественного внимания, он был голосом этой невидимой и обычно молчаливой власти, выражал ее, можно сказать, философию. Только поэтому мы и вспомнили о Риверсе. Он ушел, как говорится, в мир иной, но его философия с ним не ушла, она осталась в основе ВПК. О нем говорили: «Риверс один может вооружить и разоружить Америку». Но вооружал, конечно, не он один, а вот говорить, выступать в пользу гонки вооружений предоставили ему, такая уж была у него должность. Он и говорил. В свое время он советовал президенту Трумэну сбросить атомную бомбу не только на Японию, но и на корейскую землю. Настаивал на применении ядерного оружия и во Вьетнаме. Он говорил: «Мы сровняли с землей города в Германии и Японии во второй мировой войне. Я не знаю, чего мы церемонимся с Ханоем. Плевать я хотел на общественное мнение». Последнее утверждение более чем характерно не только для Риверса, но и для ВПК в целом, который всегда плюет на общественное мнение, ибо забота о прибыли превыше всего!

Риверс прибыл в конгресс из города Чарльстона (штат Южная Каролина). Местный бизнес не прогадал, послав его в Вашингтон. По воле Риверса до того тихий и патриархальный Чарльстон стал, пожалуй, самым милитаризованным американским городом. В нем создали: военно-воздушную базу, военно-морскую базу, ракетный полигон, военную верфь, учебную базу атомных подводных лодок, армейские и военно-морские склады, арсеналы, учебный центр морской пехоты, базу береговой обороны... И Риверс не одинок! Из четырехсот тридцати пяти избирательных округов, посланцы которых заседают в палате представителей, триста шестьдесят три имеют бюджет, основанный на военных ассигнованиях. Обо всех этих риверсах газета «Нью-Йорк таймс» пишет: «Их власть опирается на все могущество милитаристского общества. Их рычаги — миллиарды долларов, идущие на военные контракты, и миллионы долларов, идущие на содержание военных баз. В этом — источник их политического господства. И не случайно военные базы сооружаются, а военные заказы размещаются именно в тех избирательных округах, представители которых входят в комиссии по делам вооруженных сил и по ассигнованиям».

Деятельность ВПК отравляет атмосферу страны духом милитаризма и военным психозом. Видный американский политический деятель Фулбрайт говорит: «Военно-промышленный комплекс — прямая угроза американской демократии. Милитаризм толкает управление нашей страны в направлении авторитарного режима». Очень точно охарактеризовал ВПК, как ни странно, Эйзенхауэр, генерал и государственный деятель. Покидая пост американского президента в 1961 году, он в прощальном послании заявил:

«Сочетание колоссальных вооруженных сил и большой военной промышленности — нечто новое в американской истории. Общее влияние этого — экономическое, политическое и даже духовное — ощущается в каждом городе, в каждом штате, в каждом учреждении федерального правительства. Мы должны остерегаться установления в высших правительственных органах неоправданного влияния военно-промышленного комплекса — желаемого или нежелаемого. Существует и будет существовать потенциальная опасность пагубного усиления неправильно используемой власти».

Сегодня, через двадцать лет после того, как были произнесены эти слова, «потенциальная опасность» превратилась в реальную угрозу.

Невидимая власть в США состоит из многих компонентов, принимает самые разные формы, о которых известно далеко не каждому. Так, например, лидеры делового мира США создали «Круглый стол бизнесменов», в эту организацию вошли руководители крупнейших корпораций страны. Как отмечает американская пресса, это объединение затмевает все другие совместные начинания предпринимателей. Первым председателем «Круглого стола бизнесменов» стал И. Шапиро, глава фирмы «Дюпон». Сидя за «Круглым столом», лидеры большого бизнеса диктуют свои интересы правительству и законодателям. Для участников такого «стола» не является проблемой общение с членами палаты представителей, сенаторами, министрами и самим президентом США. Американский журнал «Форчун» пишет: «Руководитель крупной компании всегда может заставить себя выслушать: перегруженные делами политики и чиновники отменяют любые заранее запланированные встречи, чтобы увидеться с главой «Дженерал моторс» или «Интернэшнл бизнес машинз». Сегодня Реджинальд Джоунс из «Дженерал электрик», Шапиро и ряд других имеют возможность и активно проводят «политику убеждения» на самом высоком правительственном уровне. Они часто встречаются и с президентом США».

Еще более затененной сферой невидимой власти в США являются так называемые клубы. Их существование — давняя традиция, завезенная еще переселенцами из Англии. В США много самых разных клубов, но мы обратим внимание на те из них, которые объединяют деловых людей. В своем романе «Титан» Т. Драйзер так описывает клуб «Юнион лиг», объединяющий лидеров бизнеса в Филадельфии:

«Среди сидевших за столом были люди дородные и тощие, высокие и приземистые, темноволосые и блондины; очертанием скул и выражением лиц некоторые напоминали тигра или рысь, другие медведя, третьи лисицу; попадались и угрюмые бульдожьи физиономии и лица — снисходительно-величественные, смахивающие на морды английских догов. Только слабых и кротких не было в этой избранной компании».

Деловую элиту США объединяют сорок клубов бизнесменов, в которые, как считают, входит около шести тысяч ведущих деловых людей страны. Автор книги «Богачи и сверхбогачи» Ф. Ландберг утверждает: «Чтобы узнать, кто же в действительности приводит в действие рычаги управления государством и в какой последовательности, достаточно выписать имена всех членов закрытых нью-йоркских клубов. Затем добавить фамилии тех, кто принадлежит к таким же клубам в Бостоне, Филадельфии, Чикаго, Питтсбурге, Вашингтоне, Кливленде и так далее. Вычеркнув повторяющиеся имена, мы получим тот список, который нужен». Ф. Ландберг считает, что клубы в управлении страной важнее, чем американский сенат.

Клубы эти — заповедные места. Сюда посторонним вход закрыт. Даже американские средства информации при всей их пронырливости не в силах преодолеть заслон секретности этих своеобразных заведений, где представители невидимой власти вершат свои дела в непринужденной атмосфере роскошного досуга. Как-то журнал «Бизнес уик» привел такое откровение одного американца: «А знаете, почему Никсон стал президентом? Потому, что компания парней, собравшихся в «Клубе богемы», договорилась, что он должен стать президентом США». Этому закрытому заведению уже более ста лет, объединяет оно отнюдь не

богему, а деловую элиту Калифорнии и является, по выражению журнала «Бизнес уик», «одним из самых престижных в стране бастионов преуспевающих бизнесменов и политиков». Еще президент США Гувер, который сам был членом этого клуба, назвал его «величайшим собранием представителей бизнеса и высшей политики». Любопытно, что американский социолог У. Домхофф, написавший книгу о «Клубе богемы» и других подобных заведениях, в ее заголовок вынес слова: «Исследование о сплоченности правящего класса». Он же, кстати, сообщает, что именно в «Клубе богемы» в 1942 году было принято решение о производстве атомной бомбы. Вот какие проблемы решаются за плотно закрытыми дверьми фешенебельных клубов. Их кастовый характер и абсолютная секретность лишний раз говорят о том, как катастрофически далеки от народа и общественного мнения подлинные хозяева Америки.

Будучи лидером капиталистического мира, Соединенные Штаты преуспели в создании центров невидимой власти не только у себя дома, но и в международном масштабе. Последние, разумеется, действуют под эгидой США. Одним из подобных объединений является так называемый «Бильдербергский клуб». Лондонская газета «Таймс» писала о нем: «Это замкнутая группа самых богатых и самых влиятельных в экономическом и политическом отношении людей западного мира. Они встречаются секретно, чтобы выработать план событий, которые затем происходят как бы сами собой». Газета указывает, что ни Рокфеллер, ни Ротшильд не пропустили ни одной встречи членов этого клуба. Лидеры капиталистического мира ведут там не только разговоры о бизнесе, но и активно проводят международную политику. Уже на своей первой встрече в 1954 году члены «Бильдербергского клуба» в числе других обсуждали вопросы: «Как защитить Европу от коммунизма», «Какую политику следует проводить по отношению к Советскому Союзу». В 1955 году клуб обсуждал «влияние коммунистов на Западе», в 1956 году — «коммунистическую опасность в Азии». В ходе последней дискуссии был поставлен и такой вопрос: «Нельзя ли использовать в качестве союзника Запада против СССР Китайскую Народную Республику?»

В 1973 году была создана так называемая «трехсторонняя комиссия» — новый наднациональный международный совет большого бизнеса, среди его основателей были финансовые группы Рокфеллера, Моргана, Ротшильда и другие. Он объединил интересы монополистов США, Европы и Японии. У «Бильдербергского клуба» и у «трехсторонней комиссии» есть любопытная функция, которую газета «Таймс» охарактеризовала так: «Приготовительный класс для всех ведущих западных лидеров». Через этот своеобразный «класс» прошли многие, в том числе Маргарет Тэтчер, Жорж Помпиду, Джимми Картер... Автор книги «Настоящие хозяева мира» Луис Гонсалес Мата пишет в этой связи о Картере: «Безвестный политикан из провинции, производитель и продавец арахиса, занимающийся в свободное время чтением проповедей, был «открыт» дирекцией «трехсторонней комиссии» и «катапультирован» с помощью мастерской рекламной кампании».

Нет, недаром американские президенты обычно с таким почтением относятся к узкому, замкнутому и недоступному сообществу лидеров делового мира. Никсон, например, польстил им, заявив, что президентом США может быть всякий, но лишь немногие могут стать президентом «Клуба богемы». Лучше о власти видимой и невидимой, пожалуй, не скажешь!

Эту мысль, высказанную Никсоном, большинство американцев, мне кажется, разделяют. О них и говорится в этих очерках, которые никак не претендуют на всестороннее исследование американской души, быта и нравов огромного народа. Они, конечно же, требуют продолжения, более детальной разработки этой темы, к чему «Огонек» еще вернется. А пока мы ставим точку, завершив их первую часть.

1941 — 1945 ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

В НЕБЕ С ПЕРВОГО ДНЯ ВОЙНЫ

С первых часов войны и до полной победы я участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков на Северо-Западном, Волховском и 2-м Прибалтийском фронтах в составе 280-й Островской авиационной дивизии 14-й воздушной армии. Я также принимал участие во всех трех Синявинских операциях по прорыву блокады Ленинграда.

У меня на счету 220 успешных боевых вылетов, сбил 15 самолетов противника. Был пять раз ранен и контужен. Горел неоднократно с самолетом, прыгал с парашютом из горящих машин. И сейчас свежи в памяти многие боевые эпизоды.

Наш авиаполк дислоцировался на одном из аэродромов Латвийской ССР.

22 июня 1941 года в 12 часов дня наш полк взлетел с аэродрома и взял курс на Брест. Там шел неравный кровопролитный бой пограничников с гитлеровскими полчищами. Погода была ясная, солнечная, но над Брестом стоял сплошной дым пожарищ. Мы сделали два захода на бомбардировку вражеских войск, подавив много живой силы и боевой техники.

В это время нас атаковала большая группа вражеских истребителей МЕ-109. Завязался ожесточенный воздушный бой — первый мой бой в Отечественной войне. Я сбил первый вражеский самолет. В этом бою погиб смертью героя мой лучший друг младший лейтенант Володя Сугак. Когда его самолет был подбит и весь объят пламенем, Володя, покачав самолет с крыла на крыло — это он прощался с нами,— бросил машину в крутое пикирование, врезался в самую гущу захватчиков.

23 июня 1941 года в час ночи большая группа немецких бомбардировщиков Ю-88 шла бомбить Ригу. Чтобы преградить им путь, мы взлетели. Я заметил, как один Ю-88, находясь надо мной, открыл пулеметный огонь трассирующими пулями. Я выбрал момент, точно прицелился с малой дистанции — около 30 метров — ударил по кабине и убил летчика. Самолет противника рухнул на землю и взорвался.

Так я на второй день войны сбил второй самолет. Расплата с врагом началась.

3 июля 1941 года я сбил два истребителя МЕ-109.

Ранним утром 20 сентября 1941 года моросил мелкий дождь, над аэродромом была сплошная низкая облачность. Погода явно нелетная, но обстановка на Волховском фронте требовала наших боевых действий. И эскадрилья вышла на уничтожение вражеских самолетов на их аэродроме в районе железнодорожной станции Мга. На предельно малой высоте подошли к вражескому аэродрому, с ходу атаковали.

Сделав два захода, подожгли на земле 18 вражеских машин. На аэродроме был сплошной огненный ад, горело все. Выходя из последней атаки, я заметил в стороне два самолета, которые не горели. В азарте боя сделали еще заход и подожгли один самолет. Но за это время отстали от своей группы, которая уже легла на обратный курс. Нас атаковали четыре «мессершмитта», взяли в двойные клещи и подожгли нашу машину, а меня тяжело ранили в лицо и ноги. Самолет горел, дышать в дыму было нечем, пламя подобралось к кабине и начало лизать руки и лицо. Самолет вот-вот должен был взорваться. Надо прыгать с парашютом. Ждать больше нельзя, а внизу — территория, занятая врагом. С большим трудом я открыл крышку люка и прыгнул, но лямкой зацепился за кронштейн, и меня снаружи прилепило к фюзеляжу, с ног у меня сорвало унты, и я почувствовал, как стали обгорать ступни.

Каким-то образом меня отцепило от самолета. Перед самой землей я успел раскрыть парашют. Приземлился в большом лесу на занятой врагом территории.

Тяжелое ранение, сильные ожоги ног не давали возможности передвигаться, в голове застрял осколок, я почти ничего не видел. На пятые сутки меня случайно нашли наши разведчики и вынесли в расположение наших войск. При этом я был еще раз ранен в голову.

После излечения в госпитале я вернулся в строй. Много было совершено успешных вылетов и проведено воздушных боев. Последний, пятнадцатый вражеский самолет я сбил 17 августа 1944 года над территорией Эстонской ССР.

Война продолжалась, и много пришлось участвовать в боях. В те годы мы прошли суровую школу мужества и боевой закалки. Меня не мучает сомнение, что жизнь прожита зря.

Н. ГОРОВОЙ

Западная Двина,
Калининская область.

Стоят (слева направо): Герой Советского Союза полковник Н. М. Стольников и лейтенант Герасименко; сидят: автор этих строк Никифор Константинович Горовой и старший лейтенант А. З. Ланге. Он награжден орденом Ленина, погиб в бою 3 июля 1941 года.

ВРЕМЯ ЗРЕЛОСТ

Михаил ЧИСЛОВ

С удовольствием прочитал в книге Олега Шестинского «Жизнь» такие строки:

Читайте высокую прозу,—
в ней облик эпохи,
и петь не захочешь про розу,
про ахи и вздохи.

Ты, проза, не беглая мода,
но вечная школа,—
мука для родного народа
крутого помола.

Можно порадоваться за нашу прозу. Все верно. Проза сейчас высоко стоит, далеко видит, расширяя духовные горизонты современной жизни. Да только зря обижена неупоминанием поэзия. Если лирика последних лет и впрямь не может похвалиться особыми результатами, то этого не скажешь о поэтическом эпосе, особенно о поэме. Вот и у самого О. Шестинского вышел ряд стихотворных произведений большой формы, составивших интересную книгу поэм.

Конечно, жанр поэмы труден, требует для овладения им большой духовной гражданской зрелости, значительного таланта. И тем не менее есть основания утверждать, что поэма вступает в новую полосу своего развития, что в ней происходят серьезные и плодотворные изменения. Сейчас и в больших и в малых жанрах поэзии возрос масштаб осмысления жизненного материала, заметно расширилась социально-историческая проблематика, усилилось стремление теснее увязать факты дней нынешних, событий дальних и близких с основополагающими проблемами бытия. Естественно, такая серьезная творческая задача по плечу скорее все же крупным жанрам. И не случайно последние годы ознаменовались появлением принципиально важных для дальнейшего развития жанра поэмы произведений, таких, как «Даль памяти» Е. Исаева, «Женитьба Дон-Жуана» В. Федорова.

Помнится, какое огромное впечатление произвела в свое время на всех поэма Егора Исаева «Суд памяти». Образы мертвой земли, женской скорби-печали, выразительные портреты людей, искалеченных фашизмом и вновь, хотя и с трудом, возвращающихся к жизни, западали в память, будоражили совесть. В этом огромном лирико-философском произведении, пронизанном тревогой за судьбы мира и человечества, Е. Исаев выступил сложившимся поэтом с остродраматическим восприятием мира, с яркой народнопоэтической образностью, в которой символичность органически уживалась с вниманием к бытовой детали, любовью к характерному жесту.

Новая поэма Е. Исаева, «Даль памяти», как бы вобрала в себя прежнюю — получилась своеобразная поэмная дилогия, пронизанная размышлениями о Жизни и Человеке, о Совести, Чести, Памяти. Глубина авторского замысла, совершенное воплощение и огромное эмоциональное воздействие явились в этом двуедином произведении прямым результатом проникновения поэта в созидательный смысл народного бытия.

В поэме «Даль памяти» человек предстает и как объект глубоких и напряженных авторских размышлений и как субъект активного созидательного действия. Перед нами проходят целеустремленные люди, радостно осознающие себя решающей силой исторического прогресса. С первых же строк поэмы начинает звучать, набирать дыхание, расширяться мощная мелодия жизни, радостная тема прихода в мир Человека. Она варьируется, переливается и играет во множестве пересекающихся, сходящихся, расходящихся конкретно-бытовых, культурно-исторических, символических сцен и образов. Вот идет он — маленький человечек, путаясь толстыми ножками в густой траве. Беспокойный крик матери доносится издалека: «До-мо-ой!.. Домо-о-ой!» Какое там «домой», весь мир распахнут ему навстречу, манящая даль стелется под ноги бесконечной дорогой. Не домой! Наоборот! Из дому! Так устроен человек, он постоянно «из дому», для того и приходит в мир, чтоб с ним познакомиться, разглядеть получше, освоиться в нем, освоить его. Образ дали, дороги несет ощущение беспредельных возможностей, заложенных в человеке.

На движении и развитии противоположных мотивов «Домой!» и «Из дому» возникает в поэме разветвленная образно-смысловая цепь ассоциаций. События в ней начинают группироваться, сталкиваться, расходиться по логике художественной правды, вбирающей в себя исторические и бытовые мотивы. В материнском кличе «Домой!», в тревоге его и печали мы слышим доносящийся сквозь века скорбный плач Ярославны; в воздухе, атмосфере произведения Е. Исаева ощущаем присутствие духовного опыта русского народа, чувствуем слой большой культурной традиции. Контрастные образы Дня и Ночи, Дали и Дома пробуждают дремлющий в неостывшей крови языческий мир славянства; приближаются вплотную и становятся рядом времена детства нашей Родины. Поэт в облике нашего современника зорко угадывает трансформированные и обогащенные новым временем исторически сложившиеся черты характера русского человека, художественно убедительно передает в движении человеческих эмоций неразрывную связь времен.

Поэма Е. Исаева «Даль памяти» возбуждает чувство гордости за советский народ, его исторические свершения. Она поэтична и философична. Впитавшая в себя народную мудрость авторская мысль не торопится самонадеянно развязать все узлы и противоречия жизни. Поэт призывает постоянно помнить, что непреодоленный драматизм мира все время колеблет чашу весов человеческого счастья.

Вот уже свыше тридцати лет звучит в русской советской литературе свежий и сильный голос, воспевающий духовное здоровье и красоту людей мира и труда,— голос поэта Василия Федорова.

Конечно, воспевать добро не значит благодушествовать. Поэт прекрасно понимает, что гармония в человеческих отношениях утверждается в нелегкой борьбе как со всякого рода и оттенка противниками, так и с самим собой, с отживающим и наносным в собственной душе.

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью
младенца:
— Я за искусство левое.
А ты?

— За левое...
Но не левее сердца.

Поэт знает цену настоящей жизни, настоящей красоте, настоящему слову. Поэзия Василия Федорова — это поэзия активного утверждения человеческого в человеке. И в то же время она сострадательна и добра. Ярость и гнев поэта имеют источником бесконечную любовь к людям, постоянное стремление сделать их жизнь лучше, души чище. Как сказал сам поэт: «Любовь должна быть действенной».

Совершенствование жизни и человека — сквозная, проходящая через все творчество поэта проблема. Во весь голос, на широком эпическом дыхании звучит она в поэме Василия Федорова «Женитьба Дон-Жуана».

Поэма прочитывается как история постепенного превращения заурядного молодого человека по имени Жуан в личность, вдохновляемую мечтами о свободном чувстве как высшем празднике жизни. Поэт иронически переосмысливает затянувшуюся в веках историю Дон-Жуана, решая женить и тем самым остепенить героя. Но за ироническими интонациями скрываются утверждение больших нравственно-социальных ценностей, глубокие авторские размышления о реальном осуществлении в нашей действительности мечты людей о подлинной свободе духа, о чести и достоинстве человека.

Главным двигателем сюжета поэмы «Женитьба Дон-Жуана» является любовь, прорастающая в душе героя в чувство, как понимал его Вл. Маяковский — «громаду-любовь», обнимающую своими крылами все просторы и закоулки человеческого существования.

Автор дает широкую панораму современной жизни, показывая своего Жуана в самых разных ситуациях и состояниях: в труде на уральском заводе, в любви с муками ревности и совести, в подвиге, свершенном во имя спасения от огня таежного сибирского леса, в размышлениях о проблемах быта и бытия. К герою поэмы приходит то истинное состояние любви, о котором В. Федоров в одной из статей писал, что в нем проявляется высшее самосознание человека, когда он ощущает неповторимость своей личности и свое предназначение на земле. И мы проникаемся авторским отношением к герою, вместе с ним огорчаемся его поведением, сочувствуем его злоключениям, переживаем за него и к финалу поэмы с радостью видим, как из духовно инертного, отягощенного предрассудками человека вырастает постепенно социально и нравственно активная личность, достойный гражданин нашего общества.

Поэму автор заканчивает скромным пожеланием:

О, если б и моя строка
крепила
На стройке века
Хоть одно стропило!

Читатели же, знающие стихи, поэмы, статьи — жизнь поэта, чуткое его сердце, проникнутое сыновней любовью к Родине, отзывчивое на тревоги времени, все почитатели таланта Василия Федорова могут с полным основанием сказать, что слово поэта весомо и страстно участвует в современной борьбе за человека, за торжество наших коммунистических идеалов.

Современная поэма выполняет сразу несколько функций. Она дает синтетическую оценку нравственного состояния современного общества. И в то же время она пронизана пафосом анализа, показывает — часто в исторической ретроспекции,— какими социально-историческими ценностями обеспечено богатство духовного мира советского человека. Авторы многих поэм обращаются к историческому прошлому своего народа. Родина, Россия — нервное сплетение дум, мыслей, чувств Валентина Сорокина в драматической поэме «Дмитрий Донской».

Куликовская битва в жизни русского народа имеет непреходящее значение. Не случаен поэтому неиссякаемый интерес русских поэтов к битве в районе рек Дона и Непрядвы. Знаменитый цикл стихов «На поле Куликовом» А. Блок снабдил примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди».

О какой разгадке может идти речь? Казалось бы, прочтение Куликовской битвы в ее историческом контексте однозначно. Нет, оказывается, о разгадке речь вполне правомерна. Гениального поэта волновало чудо русского духа и русского характера, так ярко проявившееся в давнем историческом сражении. Волнует оно и современных авторов.

Россия, тихая славянка,
Приют открывшая добру,
А не твоя ли дочь, листвянка,
Заволновалась на юру?
Косынку ль выронила, пояс,

И — ПОРА ПОЭМЫ

А может, дареную брошь?
И опоздала прыгнуть в поезд,
И уманила стежка в рожь,
Где княжьи рати ночевали
Шестьсот иль тыщу лет назад
И раны кровью врачевали,
Течет Пахра,
Густеет сад!..
Непрядва, Вожа, Дон, Ока,
Вон бьется Коловрат, вон —
Игорь
И Невский, мы века, века
Отвагу пронесли,
Не — иго!..

Куликовская битва осмыслена не только как торжество русского духа. В конечном итоге, и это весьма заметно сказалось на художественном строе поэмы, историческое сражение представлено как борение светлых и темных сил. Причем любопытно отметить жизненно реальный, исторический план эпического повествования в поэме, связанный с отвлеченным, природно-поэтическим. Образы поэмы выдержаны в контрастных тонах. Все светлое, ясное, чистое закрепляется за Дмитрием Донским и его окружением. Мамай — олицетворение темного, звериного, хищнического начала. Образ князя Дмитрия выступает как олицетворение народных сил, спаянных единством убеждения и воли — покончить с рабством навсегда. «С тобой сам бог, с тобой народ, да не иссякнет русский род!» — эти слова Сергия Радонежского являются квинтэссенцией характера Дмитрия Донского в этом произведении. Все сцены поэмы раскладываются по разные стороны предстоящего столкновения русских с татаро-монголами. И чем ближе к разрешению конфликта, тем резче поляризируются характеры и образы.

Давно известно, что обращение к истории преследует современные цели. И не в том только дело, что никому невозможно добиться полноты отрешения от бурь и тревог своего времени, что современность взгляда на историю объективно существует в духовной структуре личности художника. Искусство нового времени, литература социалистического реализма характеризуется сознательной активностью целей и устремлений. Современный художник берется за исторические сюжеты, чтобы выразить, поддержать или осудить своим творчеством те или иные общественные тенденции.

Сегодня, как никогда, становится ясным, что действенность событий, имеющих историческое значение, обеспечивается высокой нравственной заряженностью людей, принимающих в них участие. Отсюда обращение Ал. Маркова в поэме «Пугачев» к вождю крестьянского восстания. Автор решает проблему положительного героя в русле исследования народного характера. При этом он не впадает в идеализацию, но и не теряет веры в нравственное здоровье народа. Теневых сторон народной жизни в поэме немало, начиная с пролога, где толпа издевается над посаженным в клетку вольным зверем. Отталкивают от себя подальше плоты с повешенными разные люди из мест, куда прибивает волной опасных посланцев царской милости. Творят зло одурманенные вином пугачевские повстанцы. Сам Пугачев схвачен после поражения своими же сообщниками, оскорбляем улюлюкающей толпой.

Но плывут, плывут через всю поэму, приближаясь к грядущему торжеству справедливости, плывут плоты с мучениками за волю, за правду, за светлую долю.

...Десятый день плоты, качаясь,
Плывут-плывут, и Каспий вот,
За их бессмертие ручаясь,
Их в даль, за горизонт несет.
Земле не преданы остались,
В сердцах навек оставив след.
...Горит малиновый багрянец,
Дарит волнам кровавый след.

Трагическая и прекрасная судьба Емельяна Пугачева становится в поэме олицетворением образа Родины. Жизнь и деяния народного вождя располагаются автором в многовековом огромном летописном своде судьбы России.

На новом эпохальном этапе жизни нашего Отечества обращение к истории, к масштабным ее событиям вызвано потребностью объяснить себе самому и людям причину столь выдающейся миссии нашего государства в современном мире.

Пафос поэмы Р. Рождественского «Двести десять шагов» вдохновлен мыслью о духовном обогащении личности, которое обеспечивается всем ходом нашей отечественной истории, взятой в ее некоторых значительных моментах. Поэма начинается с движения лирического героя в людском потоке, текущем к Мавзолею. Именно здесь мучившее героя ощущение раздерганности его жизни начало пропадать, ее факты вдруг начали соотноситься с самыми разными именами, событиями, эпизодами дальней и близкой истории Родины.

Посещение Мавзолея, Красной площади стало для лирического героя тем нравственным катарсисом, после которого его жизнь обрела не обыденное, а историческое измерение. Огромный подъем духа, являющийся для автора поэмы высочайшим выражением человеческого в человеке, обеспечен творческой сутью нашей жизни. Но этот подъем начинался еще глубоко в веках. Творческая революционная дерзость — в сущности характера русского человека.

Возвращение автора снова и снова к Красной площади, к Мавзолею — это повторение на новом витке спирали, обогащение души лирического героя, расширение духовных, нравственных горизонтов.

«Шаги» — «Вся история нашей живучей Земли — предисловие к этим двумстам десяти!..»

«Шаги» — «Все пришли в эту ночь сюда, отовсюду, где шла война: с ноздреватого невского льда, из-под Бреста и Бородина!»

«Шаги» — «Гул шагов. Каждый шаг, — будто веха. Это — сердце стучит. Сердце века».

Продолжается бой —
тот —
последний!..
Двести десять
шагов
по Вселенной!..

Поэма «Двести десять шагов» привлекает четко выраженной гражданской позицией автора, высоким напряжением лирического чувства.

Сегодняшнее время создает прекрасные условия для расцвета и лирических и эпических произведений, оно же колоссально увеличивает и центробежные силы, стягивающие в пределы одного произведения разносторонний, разнородный художественный опыт. Естественно, я говорю о потенциях, тенденциях, направлениях художественных поисков. Как все выглядит практически — иной вопрос. Потерь в большой форме и на путях большой формы не меньше, а может, и больше, чем приобретений. Талант во все времена дефицитен. Но не надо забывать, что он проявляется не только в результате, но и в характере художественного поиска. Думается, что нынешнее стремление к поэме, книге поэм — проявление истинности таланта, сулящее в итоге большие творческие удачи.

Поэма, тем более книга поэм, не может осуществиться без должной жизнетворящей и жизнеполняющейся идеи. Художник, чуткий к движению своего времени, задумывающийся о будущей жизни, не может не ощущать его неразрывной связи с прошедшим, с судьбой своего народа, протяженной в истории.

Пером Александра Романова движет любовь к родным местам, России, умом и сердцем владеет чувство национальной гордости. Как-то так случилось, что справедливый разговор об экономических нуждах так называемого Нечерноземья выставил в неоправданно страдательном свете иные сферы бытия этих исконно русских краев.

Между тем здесь середина нашей Родины, ее сердцевина, исток ее национальной гордости, народной нравственности. А. Романов и пишет в своих северных поэмах об этом — о действительных трудностях сегодняшней жизни села, но все время не теряет из виду внушающую гордость историческую ретроспекцию и историческую же перспективу. Авторские размышления — серьезные, глубокие, всегда основательные, зиждутся на знании жизни, на реальных судьбах конкретных людей. Целостность книги северных поэм держится, таким образом, на тонком соединении целостности идейной с целостностью художественной, которые вкупе складываются в единый идейно-художественный организм.

Поэма «Черный хлеб» строится как диалог приехавшего в деревню лирического героя, со старым крестьянином, у которого он находится в гостях.

Этот умудренный жизнью старик и является истинным героем поэмы — носителем и хранителем глубоко укорененного в русскую национальную почву нравственного начала, которое скрепляет, цементирует жизнь.

Душа, в нее попробуй вникни,
Коль там межа по-за меже.
Какие есть на свете книги,
Все, до единой, о душе.
Писали люди их веками
И ныне пишут хоть куда,
И все вникают, все вникают —
Не знаю, вникнут ли когда.
А я хоть темен был, но понял,
Что хоть греши, хоть не греши,
А начинай устройство поля
С устройства собственной души...

Глубокая забота героя поэмы — старого крестьянина, а вслед за ним и автора — поэта именно об «устройстве души», о человеке.

Наследником дел и мыслей старика крестьянина становится в поэме так на него не похожий и вместе с тем по-настоящему, кровно с ним связанный молодой тракторист Николай Быстров. Таким же наследником мы чувствуем и лирического героя поэмы, чье

сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
И сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное кликом журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей.
Летит, летит и набирает силу
Других, душе созвучных голосов:
Спасибо, деревянная Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

Нравственная атмосфера поэм А. Романова кровно близка и героям интересной поэмы Вадима Кузнецова «Возвращение». В ней поэт также обращается к коренным устоям народного бытия, не уставая напоминать нынешним поколениям о насущной необходимости беречь и наследовать пронесенное сквозь века отношение старших к труду, к чести и достоинству человеческой жизни.

В книге поэм обязательно соединение зрелости таланта и зрелости времени. Вспомним «Середину века» Вл. Луговского. Одно название книги говорит о многом, обязывает к размышлению, осмыслению огромного социально-философского опыта.

В книге поэм Вл. Луговского с большой поэтической силой утверждался гуманистический смысл нового времени, открытого Великой Ок-

тябрьской революцией. Обычно так и бывает — книга поэм складывается непроизвольно, стягивая наиболее значимое в творчестве поэта в единое целое. Сейчас, правда, нередки случаи обозначения жанра задолго до завершения начатой работы. К примеру, у А. Преловского в его новой книге «Вековая дорога» уже обозначен жанр — «свод поэм», тогда как вошедшие в книгу известные произведения «Насыпь», «Станция», «Заповедник» — лишь начало воплощения большого замысла, весомая, но еще заявка на своеобразное летописание жизни современной России.

Само поэтическое сознание сейчас, и это проявляется как в эпосе, так и в лирике, одержимо стремлением к всеобщности, к соотнесению индивидуального со всеобщим. Поэзия наших дней устремлена к синтезу духовного опыта человека, общества, мира, к установлению гармонии между миром разумным и жизнью природы и космоса. Сегодняшнее поэтическое сознание отчетливо выражается в чем-то поэмном, тяготеющем к большому объему, к доказыванию, докапыванию до конца. Необходимо сказать, что тяга многих современных авторов нечасто завершается созданием именно поэмы — жанра, успешные опыты в котором можно было бы и сейчас исчерпать двумя-тремя произведениями. Ну, а поэмность — она налицо.

Вот в книге поэм «Большак» В. Устинова от произведения к произведению происходит расширение и усложнение духовной жизни лирического героя, разветвление его связей с жизнью двух людей, в конечном счете упрочение связей со страной, с миром.

Большак — большая дорога в большую жизнь складывается из разных троп и дорог, которыми прошел герой стихов, чтобы обрести в испытаниях истинное понимание масштабов жизни, своего в ней места.

Большак — это и он сам, герой произведения, судьба которого сложилась так, что с самого раннего детства ему уже пришлось нести на своих плечах, в душе, в сердце груз тяжелой ответственности. Впервые это слово прилипело к нему во время бомбежки, когда железнодорожный состав с мальчишками и девчонками из детдома подвергся налету фашистской авиации.

Состав чадил.
Треща, пылали бревна.
По щепьям дуба густо лился сок.
Наш воспитатель Ксения Петровна
пыталась встать — и падала в песок.

Она шептала — пот катился градом,—
прерывисто-клокочуще дыша:
— Не ждите... Уходите... Эти рядом...
Веди их, слышишь?!
Ты теперь большак...

Вчитываясь, вживаясь в ситуации, конфликты и душевные страдания героя, мы ощущаем, как, вначале пересекаясь, а затем все теснее и теснее сходясь, сливаются в книге «Большак» дороги жизни России с дорогами нелегкой судьбы героя этого интересного произведения.

Россия-птица!
Труден вечный путь.
Не разгадать его из праха буден.
Но ты — была,
но ты — живешь,
ты — будь.
А мы — сыны — тобой вовеки будем.

Эти строки «Эпилога» — не декларация. Они явились итогом трудной жизни героя, постоянной, напряженной работы его мужественной гражданской мысли. Книга «Большак» выливается в запоминающийся собирательный портрет нашего молодого современника — человека, умеющего энергично и решительно действовать, хорошо думать, благородно чувствовать — жить гражданином и патриотом нашей социалистической Отчизны.

Я думаю, что даже короткое знакомство с малым числом поэм последних лет со всей убедительностью свидетельствует о том, что наш современный читатель вполне может уже сейчас удовлетворить законную жажду встречи не только с «высокой прозой», как написано в стихотворении О. Шестинского, которым мы открыли наш разговор. Духовным хлебом «для родного народа» является и сегодняшняя высокая поэзия.

Нынешние взлеты в большой стихотворной форме высоко подняли авторитет поэмы, снискав ей репутацию жанра, способного в ярких художественных образах выразить смысл происходящих в нашем обществе духовных процессов, запечатлеть черты характера нашего современника — человека героического деяния и нравственного поведения. Со страниц лучших современных поэм с нами говорит наша прекрасная и яростная эпоха.

ОСНОВАТЕЛЮ ТРЕТЬЯКОВКИ

«Основана П. М. Третьяковым в 1856 году и передана им в дар городу Москве в 1892 году...» Вьется древняя вязь шрифта по сказочному фасаду Третьяковки. Блестит бирюзовыми, изумрудными, синими красками керамический фриз. Сверкает ажурное золотое кружево стрельчатых обводов архитектуры.

Перед зданием Государственной Третьяковской галереи — монумент.

Павел Третьяков... Он встал на века, словно выросший из камня у стен своего детища, созданный скульптором А. П. Кибальниковым.

Спокойный, мудрый, задумчивый. Летний теплый ветер словно шевелит мягкие волосы, обрамляющие высокий лоб. Взор пристально и любовно устремлен вперед. Верится, что он разглядывает новый холст. Предельно собран образ. Тонкие, нервные руки словно сдерживают чувства, бушующие в груди. Правая бровь приподнята. Строг ценитель, вкус его почти безошибочен.

Глядишь на изваяние и веришь: хоть хрупка, тонка фигура Третьякова, но крепки плечи, на которых он вынес всю тяжесть создания галереи, подвиг собирательства, хулу и нападки, бремя славы.

Скромность, внутренняя чистота чувств, сердечность, честность, правдивость — эти свойства души Павла Михайловича отражены талантливым резцом скульптора. Портрет собирателя глубоко поэтичен. Он живет, да, живет в этом маленьком дворике у входа в сокровищницу нашего искусства и будет жить всегда.

Цветут яркие гвоздики у подножия памятника. Плывут летние прозрачные облака. Тысячи людей ежедневно подходят к Третьякову, приносят букеты цветов и свою любовь и признательность человеку, жизнь которого была подвигом во имя нашего родного искусства.

«Желание мое искренне и непременно,— писал ровно сто двадцать лет тому назад, в 1860 году, Павел Михайлович Третьяков.— Капитал же сто пятьдесят тысяч рублей серебром я завещеваю на устройство в Москве художественного музеума или общественной картинной галереи... Прошу вникнуть в смысл желания моего, не осмеять его, понять, что... для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие».

Надо перелистать страницы пьес Островского, чтобы понять, что за подвиг совершил сын московского купца, начертав эти строки. Недаром он просит в своем завещании «не осмеять его», ибо деяние Павла Михайловича было принято очень по-разному.

Плодом всей его жизни, поистине подвижнической, была позднее открытая Третьяковская галерея. Все ее сокровища были собраны братьями Третьяковыми и переданы народу.

Когда в 1892 году Москва приняла с благодарностью этот дар, великий русский критик и искусствовед Владимир Стасов обратился к Павлу Третьякову с просьбой «отложить на минуту в сторону необычайную скромность», дать ему интервью.

Павел Михайлович ответил: «Сведений о себе я Вам не дам, так как очень не люблю, когда обо мне что-нибудь печатается».

Прошло почти сто лет. И вот мы у стен Государственной Третьяковской галереи. Заветный уголок старой Москвы получил новый подарок. Народный художник СССР, академик Александр Павлович Кибальников изваял великолепный портрет Павла Михайловича Третьякова.

Мы знаем немало замечательных монументальных скульптур художника. Среди них образы Чернышевского, Радищева, Маяковского, Есенина... Это поистине гимн русской культуре, изваянный в камне и отлитый в бронзе.

Ансамбль Третьяковки — ее дворика и монумента — это достойный пример синтеза архитектуры и скульптуры.

Художник создал новый шедевр, сразу занявший достойное место в галерее портретов великих деятелей нашей отечественной культуры. Глубокий патриотизм, гражданственность мастера помогли ему проникнуть в самую сокровенную суть Павла Третьякова, сказавшего:

«Верую: наша русская школа не последнею будет».

В наши дни Государственная Третьяковская галерея стала поистине сокровищницей русского и многонационального советского искусства, расцветшего за годы после Великого Октября.

Известно, какое большое значение придавал Третьяковке Владимир Ильич Ленин, не раз посещавший ее.

И поэтому мы с гордостью и радостью произносим имя П. М. Третьякова — подвижника, буквально выпестовавшего многих крупнейших русских художников XIX века — Сурикова, Саврасова, Репина, Виктора Васнецова, Левитана и многих других.

Великое спасибо Кибальникову от всех любящих Третьякова, Москву... Александр Павлович Кибальников сказал: «Мне хотелось выразить поэтический образ человека, сыгравшего выдающуюся роль в развитии и популяризации русского реалистического искусства, отдать дань замечательному человеку».

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

В. Загонек. Род. 1919. ДЕТСТВО. 1977—1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР.

В. Нечитайло. Род. 1915. СЕМЬЯ МЕХАНИЗАТОРОВ. 1978—1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Соседа Григорьевых действительно звали Дима, Дмитрий Евгеньевич Зиновьев. Коньяк он отдавал боцману судна, ходившего рейсом на Японию. Звали боцмана Григорий Николаевич Артамонов. Оба подтвердили показания Сакова.

...Дора вернулась домой в восемь часов и больше из квартиры не выходила — это сказала и соседка по площадке, Усыкина Матрена Александровна, и мать ее первого мужа.

Костенко, вышагивая по коридорам управления, думал: «Вообще-то у меня чудовищная работа: прежде чем отвести человека, даже если он и симпатичен мне, я должен его подозревать, я обязан *ввести* его в версию: шофер такси — сообщник; отъехал сто метров, остановился, пришел Саков, и вдвоем ухандокали беднягу Минчакова. А зачем? С целью грабежа. Но что у него было в чемоданах? Саков этого не знал, шофер такси тем более. Кто мог знать? Дора? Значит, она сообщила Сакову? Или шоферу? А когда она лазила в его чемодан? И где он хранил самородок, если именно он купил или украл тот, что привез Дерябин? Нет, тут сплошные дыры. И показывают они, это видно, правду. Шофер был последним человеком, который видел Минчакова. Он мог отвезти его в мастерскую металлоремонта, там открыли чемодан, именно там могли увидеть корешки аккредитивов, самородок. Шофер нужен».

С этим Костенко и вошел к Жукову, который беседовал с Григорьевыми.

Жуков поднялся, хотел было доложить, но Костенко остановил его, спросив:

— Разрешите присутствовать?

— Конечно, товарищ полковник. Может, вы поведете беседу?

— Если позволите, я задам несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Впрочем, вы, вероятно, уже обсуждали это? Меня интересует: как прошел остаток вечера после того, как уехал Минчаков?

— Это мы выяснили, Владимир Афанасьевич,— обратился Жуков к Григорьеву,— расскажите-ка еще раз.

Толстый, потный Григорьев страдающе посмотрел на жену — такую же толстую и потную, вздохнул, покачал головой:

— Чего ж дважды об одном и том? Ну, вернулись, когда Миша уехал; Дорка ушла, у ней ребенок. и свекровь сволота, не дает бабе жизни. Саков замерз, шофер в моторе плохо разбирался, он ему помог машину завести, ну, я его отпоил горячим чаем с коньячком, потом он ушел, а мы с Зиной начали мыть посуду.

— А когда вы Диме коньяк отдали? — спросил Костенко.

— В тот же вечер, как Сакова проводил, Димка к нам потом зашел, сказал, что можно и крючки японские достать.

— А Саков когда бутылки передал?

— Так это вы его спросите. Назавтра, верно, передал, потому что в субботу у него леска была, тоненькая, японская, а Димка без коньяка не отдаст, он на слово не верит.

— Второй вопрос,— сказал Костенко, испытывая отчего-то радость за Сакова — тот был растерян, жалок, но при этом всячески пытался сохранить достоинство.— Дора помогала Минчакову упаковывать чемодан?

— Нет. Ты видала, Зин? — спросил Григорьев жену.

— Думаете, ей интересно на его рубашки смотреть? — усмехнулась Григорьева.— Она ж любила его, жалела.

— А он? — спросил Костенко.

— Мужик и есть мужик,— вздохнула Григорьева.— Где плохо лежит, то и возьмет. Кому он нужен-то был, карлик? А Дорка к нему с сердцем, от всей своей одинокой бабьей души.

— Вы Журавлевых хорошо знаете? — спросил Костенко.

«Здрасьте», «до свиданья»,— ответил Григорьев, вопросительно посмотрев при этом на жену.

Та, заметив, как Костенко и Жуков переглянулись, одновременно зафиксировав этот быстрый, осторожный взгляд мужа, ответила:

— Вы только не подумайте чего. Он,— она кивнула на мужа,— знает, что я их не люблю, а мужики все на нее, на Дианку, заглядываются. Мне и за Дору обидно было, когда она к Минчаку со всей душой, а он по Дианке вздыхал.

— Саков от вас пешком ушел или вызвал такси? — спросил Костенко.

— Пешком, он же недалеко живет.

— А кто может подтвердить, что он пошел домой? — жестко спросил Костенко, ярясь на этот свой вопрос, увы, необходимый.

— Я могу подтвердить,— ответил Григорьев.— Он портфель свой забыл, я его отнес ему, еще Зина сказала: «Пойди пройдися, ты ж еще не протрезвел».

— Что делал Саков, когда вы к нему пришли?

— Спал. Он рано ложится.

— Долго вы у него пробыли?

— Да нет, отдал портфель и ушел.

— Ой, конечно, портфель мне принес Вова,— обрадовался Саков, сидевший в кабинете Костенко. Гора окурков высилась в пепельнице, дым плавал слоистый, фиолетовый, тяжелый.— Я совсем об этом забыл!

Журавлева,— Костенко приехал к ней около двенадцати — была в халатике уже, лицо намазано густым слоем питательного крема.

— Простите за поздний визит,— сказал Костенко,— но мне нужно уточнить еще одну деталь.

— До утра время не ждет? — Женщина пожала плечами.— Проходите.

— Спасибо. Супруг уже спит?

— Супруг работает в вечернюю смену,— как-то усмешливо выделив слово «супруг», ответила Журавлева,— он вернется с минуты на минуту.

— А в тот вечер, когда к вам приезжал Минчаков, супруг,— Костенко специально повторил столь неприятное Журавлевой слово,— был дома?

— Мы ведь ответили на этот вопрос. Да, мы были вместе.

— Нет, я имею в виду тот вечер, когда Минчаков забрал у вас посылку.

Журавлева поднесла руку к виску, лоб ее сжался морщинами, которые стали особенно заметны из-за слоя крема:

— Да.

— А вы Минчакова проводили к машине?

— Нет. Я видела из окна, как он сел в машину.

— Шофер к вам вместе с Минчаковым не поднимался?

— Нет.

— А лицо шофера вы не запомнили?

— Нет... Человек в форменной фуражке...

— А номер такси?

— Нет...

— Ну, извините,— сказал Костенко и поднялся.

15

Ранним утром следующего дня Костенко все же решил не вызывать Крабовского в УВД, потому что дважды прочитал его показание, как тот увидал мешок с трупом; с человеком, который столь пространно и увлеченно пишет, надо разговаривать, аккуратно направляя беседу в нужном для дела направлении, а в служебном кабинете такой разговор вряд ли получится.

— Крабовский? — удивленно переспросили Костенко в институте,— так он в библиотеке, он там проводит все время!

— Почему именно в библиотеке? Новую тему разрабатывает?

Девушки, видимо, лаборантки, посмеялись:

— У него каждый день новые темы. Он сейчас хочет доказать, что язык тесно связан с проблемой бюрократии, то есть с потерей качества труда.

— А что? — улыбнулся Костенко.— Интересная тема.

...Крабовский был обложен книгами; несколько минут Костенко наблюдал за тем, как тот работал; подивился стремительной точности движений «кладоискателя», его *прекрасным* прикосновениям к словарям и тетрадям.

— Алексей Францевич,— окликнул его Костенко.— Я по вашу душу.

— Верите в существование души? — мгновенно среагировал Крабовский, не поднимая головы от страницы.— Прекрасно, есть тема для беседы. Но только завтра, сегодня я занят.

— Завтра я занят. Увы. А поговорить надо.

— Поговорить надо,— повторил Крабовский, чуть отодвинул книгу, снял очки.— Вы из уголовного розыска? Вполне типичная фраза вашей номенклатуры: «Надо поговорить».

— Потому-то я к вам и пришел, что вы логик в абсолюте.

— Хотите завоевать меня такого рода заключением? — спросил Крабовский.— Я, кстати,— с точки зрения логики в абсолюте,— исследовал вопрос: каким образом стареющая эстрадная звезда может удержать аудиторию? И вывел закон: она должна окружить себя пятью обнаженными кордебалетчиками, с налитыми мускулами. Таким образом, старушка привлечет на красавцев молодых девушек — тем угодно обозрение сильного мужского тела. И пожилые дамы потащат мужей на спектакль: «Смотри, как она держится, несмотря на возраст!» А поскольку женщин больше, чем мужчин — лишь они, прекрасный пол, определяют успех или провал любого зрелищного предприятия. Впрочем, к чему это я? Ах, да,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—25.

логик в абсолюте... Присаживайтесь, что у вас? Я же описал то, что помнил.

— А мне бы хотелось вас послушать.

— Полагаете, что как всякий интеллигент, я говорю лучше, чем пишу?

— Не надо приписывать мне те мысли, которые и в голову-то не приходили. Это, кстати, тоже типично для женщин...

— Мужчина не может мыслить категориями женщин: язык — явление не только социальное, но и — в определенном роде — физиологическое.

— Плохое слово в приложении к понятию «язык».

— Ха! — Крабовский ударил себя по ляжкам, засмеялся деревянно.— Ха! Чудо! Прелесть! Мир повторяем! Фамилия Шишков вам что-нибудь говорит?

— Нет.

— Спасибо. Ценю людей, которые не смущаются признать незнание. Адмирал Шишков, автор трактата о «старом и новом слоге», главный враг Карамзина. Он тоже какие-то слова считал плохими и невозможными в употреблении... Он, например, требовал изъять из русского языка такие слова, как «развитие», «религия», «оттенок», «эпоха»; вместо этих «отвратительных заимствований из языка похабной Европы» следовало вернуть в обиход «умоделие», «гобзование», «прозябение»; вместо «аллея» надобно было говорить «просада», не «аудитория», а «слушалище», вместо «оратор» — «краснослов». Адмирал заключил, что, мол, надобно «новые мысли свои выражать старинных предков наших складом». Он даже слово «раб» определил так, как это было угодно государю и дворцовой дряни. «Раб» — по Шишкову — происходило от «работаю», то есть «служу по долгу и усердию»; таким образом, нет в России никакого рабства, «крепостное право» — выдумка злодеев-французов, поскольку на Руси живут лишь усердные и жизнерадостные слуги «отцов-патриархов»...

— Интересно,— откликнулся Костенко.

— Страшно — так вернее... Противники Карамзина — то есть прогресса России — сплотились воедино, начали топтать мальчика по имени Александр Пушкин... А знаете, кто отхлестал Шишкова?

— Не знаю.

— Один из создателей русской сатиры — Василий Пушкин, дядя Александра.

(Костенко отметил, что о Пушкине сейчас Крабовский сказал, будто об однокашнике, хорошем и добром знакомце, где-то здесь, в библиотеке, работает, поблизости.)

Крабовский вдруг рассмеялся, смех его был внезапен, заразителен; замолчал он так же внезапно, начал читать Василия Пушкина — завывающе, распевно, и Костенко сразу подумал, что сам Крабовский тоже пишет стихи:

Позволь, варяго-росс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец!
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час!

— А у нас, по-моему, истинное начало русской сатиры связывают с Гоголем и Щедриным?

— Мало ли что у нас связывают?! Сумароков, Фонвизин — забыли?! Мы становимся преступно беспамятными — вот в чем беда!

— Кстати, о памяти,— Костенко понял, что только сейчас появился удобный мостик, который позволит ему логично и без нажима перейти к делу. Вы написали интересное объяснение по поводу мешка с трупом, но чересчур эмоциональное.

Костенко достал из папки листки бумаги:

— Это ваше показание. Хотите восстановить в памяти?

— Так ведь прошло всего пять дней. Я помню свой текст почти дословно. Чересчур эмоционально, говорите? Но логика вне эмоций невозможна. Беда в другом: мы теряем двенадцать процентов общественно полезного времени на написание и провозглашение совершенно лишних, ненужных слов. Если вы полагаете, что я написал что-то лишнее в своем объяснении, тогда дурно; эмоции, однако, делу не мешают. Или вы полагаете, что я упустил какие-то важные моменты?

— Полагаю, что упустили.

Крабовский откинулся на спинку стула, полуприкрыл глаза:

— Я, кажется, не написал про любопытное ощущение. Я лишь потом вспомнил: это легкость, с которой поддался узел. Мне показалось, будто передо мной уже кто-то развязывал этот узел; испугался, видимо, как и я, увидев содержимое; завязал снова. Меня потрясло, как легко поддался этот крепкий по виду узел, когда я потянул кончик веревки. Мне показалось, кстати, что веревка была чем-то промазана, каким-то особым составом, она же была совершенно не тронута гнилью, а сколько времени пролежала под снегом?!

— Интересно. Я поставлю этот вопрос перед экспертами. Чем она могла быть промазана?

— Не знаю!

— Если у вас найдется время, пожалуйста, попробуйте исследовать эту тему, а? — сказал Костенко.— Мне совестно просить об этом, отрывать вас от дела.

— Все неразрешенное — моя тема,— ответил Крабовский.— Я попробую, но не требуйте от меня терми́на.

— Простите? — не понял Костенко.

— По-немецки слово «терми́н» означает точную дату встречи.

16

Директор таксомоторного парка долго разминал «беломор» в сильных пальцах, потом предложил:

— А если Саков выступит перед шоферами?

— А что? — ответил Костенко.— Он технолог по металлу, вполне мотивированно.

— И у нас, понимаете ли, по металлу больше всего претензий к промышленности, так что будут люди на лекции, не придется загонять...

...После лекции Саков в кабинете директора парка сказал Костенко без колебаний:

— Того таксиста нет.

Костенко спросил:

— Сколько человек не было?

— Вся вторая смена...— ответил директор парка.— Они на линии, для них завтра лекцию устроим, а из этой смены семнадцати не было, я подсчитал.

— Фамилии запишите, ладно?

— Уже записал.

— Их карточки учета посмотреть можно?

— Это, пожалуйста,— ответил директор и нажал кнопку селектора.

— Не надо по селектору,— мягко попросил Костенко.— Давайте лучше сходим в кадры.

Саков искоса глянул на часы, и Костенко заметил это.

— Торопитесь?

— Конец месяца,— ответил Саков,— сами понимаете, план надо гнать.

Директор снял трубку телефона, набрал три цифры, попросил:

— Варвара Дмитриевна, загляни ко мне, пожалуйста.

...Женщина в очках с толстыми стеклами появилась в дверях кабинета мгновенно, словно бы не у себя в комнате сидела, а ждала за дверью.

— Вот эти фамилии,— он протянул ей листок,— подбери в один момент и принеси сюда.

Женщина взяла бумагу и вышла.

— Когда будем собирать вторую смену? — спросил директор парка.— Днем или к вечеру?

— А утром нельзя? — спросил Костенко задумчиво.— Перед тем, как начнут выезжать на линию.

— Что ж, давайте утром, только минут на пятнадцать, а то с меня в райкоме шкуру спустят за то, что выезд задержим.

— Товарищ Саков, вы б описали того шофера, а? — попросил Костенко.

— Такой, знаете ли, кряжистый, с очень сильными руками,— начал Саков.— В кожанке, фуражка на нем форменная, широкоплечий.

Директор парка усмехнулся:

— Так это, мил человек, я. Тоже перед тем, как сюда сесть, на рейсы выходил в кожанке и в плечах не хил. Приметы, скажу сразу, не ахти...

Пришла Варвара Дмитриевна, положила на стол карточки учета.

— Вот, пожалуйста, тут все, кого вы записали.

Костенко подвинул Сакову карточки:

— Поглядите, может, здесь.

Саков быстро просмотрел, но ни на одной фотографии взглядом не задержался.

— Нет его здесь.

И на следующий день Саков на молчаливый вопрос Костенко ответил отрицательно. Он просмотрел карточки учета двадцати трех шоферов, которые на лекцию не пришли.

— Нет его здесь, товарищи, это я категорически утверждаю.

— Ну что ж, спасибо,— сказал Костенко.— Видимо, я вас вечером навещу, ежели какие новости появятся. Вы никуда не собираетесь?

— Это неважно, я буду ждать вас,— ответил Саков.

Когда он ушел, Костенко попросил:

— Давайте еще раз Варвару Дмитриевну потревожим: поднимем карточки на тех, кто уволился, начиная с октября прошлого года. Это — первое. И второе: надо поглядеть все путевые листы за пятнадцатое, шестнадцатое и семнадцатое октября.

...Через два часа Варвара Дмитриевна принесла справки на уволившихся.

На третьей фамилии Костенко споткнулся: Милинко Григорий Васильевич, 1925 года рождения, из деревни Крюково, Осташковского района, Тверской губернии.

— А где милинковское фото? — спросил он рассеянно.— Во всех карточках учета есть фото, а у него содрано...

— Да я и сама удивилась,— ответила Варвара Дмитриевна.— Вообще-то Милинко очень аккуратный был шофер, дисциплинированный... Может, отклеилось фото? Я схожу поищу в шкафу.

— Да уж не сочтите за труд...

— Погодите,— задумчиво сказал директор,— мы его часто на Доску почета вывешивали, значит, фото найдем...

...Пришла женщина из отдела труда и зарплаты, положила на стол путевые листы:

— Вот, Геннадий Иванович, за те три дня.

— Вы ищите Милинко,— попросил Костенко.— Он должен был ездить вечером, скорее всего шестнадцатого.

Милинко действительно выехал на линию шестнадцатого в два часа, а вернулся, судя по путевому листу, в час ночи. Без происшествий. Уехал в отпуск двадцатого октября. С тех пор не возвращался. А фотографию его нашли в архиве профкома — снимался, правда, Милинко в форменной фуражке, низко надвинутой на глаза, лицо было видно не все, однако, когда Костенко приехал к Сакову, тот, поглядев на фото одно лишь мгновение, ответил убежденно:

— Это он.

17

...Вечером того же дня Костенко собрал совещание в кабинете Жукова.

— Подведем первые итоги, товарищи. Отработанные версии по Загибалову и Дерябину доказали их невиновность и вывели нас на некоего человека, который был мал ростом, имел на руке наколку «ДСК» и гулял с Загибаловым в ресторане аэропорта в тот день, когда был отменен вылет на Москву по погодным условиям. Он же, по мнению Дерябина, купил у него самородок золота, весом до ста семидесяти пяти граммов. Дерябин прямо не обвиняет «Миню», который — как блистательно выявили ваши эксперты и наш Тадава — оказался Михаилом Минчаковым, но тем не менее и не исключает того, что «Миня» обобрал его во время пьянки. Опрос, проведенный бригадой лейтенанта Васина, как сообщил товарищ Жуков, пока что не подтверждает этой версии, ибо выводили из ресторана Деря-

бина два других человека, личности которых устанавливаются. Они-то и могли обобрать, потому что Минчаков уехал значительно раньше, до того, как Дерябин расплачивался в третий уже раз,— хорошо, надо сказать, гулял... Во время осмотра квартиры...— Костенко чему-то усмехнулся, поправился,— точнее говоря, помещения, где жил Минчаков, был обнаружен конверт с адресом Журавлевых здесь, в Магаране. Журавлевы вывели нас на Дору, любовницу Минчакова, а та — на Григорьевых и Сакова. Несмотря на особые отношения, которые, как мне сдается, имели место быть между Диной Журавлевой и Минчаковым, начиная еще с Весьегонска, обе эти семьи да и Саков не очень-то укладывались в схему подозрения, ибо все показали одинаковое время отъезда Минчакова на такси в аэропорт. Шофера, который мог везти в аэропорт Минчакова, зовут Милинко Григорий Васильевич, двадцать пятого года рождения, из деревни Крюково, Осташковского района, однако Григорий Милинко, родом из деревни Крюково Осташковского района, двадцать пятого года рождения, был убит, затем расчленен, как и в нашем эпизоде, в лесу под Бреслау весною сорок пятого, как и в нашем эпизоде, рядом валялись флотский бушлат и бескозырка. Только что я говорил с Москвою. Попросил дать мне описание Милинко. Худенький, веснушчатый, голубоглазый, выше среднего роста, блондин. Здешний же Милинко кряжист, роста невысокого, глаза карие, волосы темные, без седины еще. Тем не менее фотография здешнего Милинко, уехавшего в отпуск через несколько дней после гибели Минчакова, отправлена в Москву. Оттуда идет к нам фотография Милинко, который пропал без вести — ушел в отпуск с фронта, домой не пришел и в часть не вернулся более. Деньги Минчакова — пятнадцать тысяч рублей — получены по аккредитивам в Сочи и Адлере Минчаковым же. Из Сочи сообщили: подпись выполнена хорошо, но с уверенностью сказать, что принадлежит Минчакову, возможности не представляется. И то слава богу. Следовательно, нам нужны письма и фотографии здешнего Милинко, если мы начнем разрабатывать именно его версию, как возможного убийцы Минчакова. Но писем и фото мало. Мы должны знать о шофере Милинко все, абсолютно все. Прошу высказать соображения.

— Разрешите! — Жуков поднялся.

— Давайте сидя, Алексей Иванович...

— Как-то я привык стоя, товарищ полковник. Если разрешите, я кое-что доложу.

— Если вам так удобнее.

— Так удобнее молодым сотрудникам,— скрипуче сказал Жуков.— Итак, первое. Бригада лейтенанта Васина отлично поработала в аэропорту, выношу благодарность Жарову, Элькину и Борину. По корешкам билетов они установили, что Минчаков один раз перенес вылет — в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое. Там его стоит подпись, это установлено точно, все по форме. Семнадцатого утром его билет был сдан, предъявлен его паспорт, есть подпись, документ приобщен к делу, к тем материалам, которые пойдут на почерковедческую экспертизу,— мы нашли несколько подписей Милинко: в жэке, бухгалтерии и библиотеке. Он был постоянным читателем библиотеки имени Добролюбова. Книги, которые он брал на дом, меня заинтересовали: ни одного романа или повести; в основном учебники немецкого языка, начиная с пятого класса спецшкол, учебники по географии, справочники по ФРГ, США, Скандинавии...

— Надо бы все книги, эти учебники и справочники из библиотеки изъять, глядишь, там его карандаш остался. Это очень важно. Простите, что перебил, продолжайте, пожалуйста.

— Жаров и его люди обнаружили билет, взятый на московский рейс двадцатого октября. Куплено было семь билетов. Пять человек мы установили — они вернулись обратно к месту работы. Не вернулись двое — Милинко и Петрова Анна Кузьминична, 1947 года рождения, бухгалтер «Центроприиска», незамужняя. Версию связи Милинко с Петровой еще не прорабатывали, данные пришли только что.

— А что такое «Центроприиск»? — спросил Костенко.— Через них золото идет?

— Мы этим объектом пока еще не занимались, товарищ полковник. Такого рода дела чаще всего проходят через ОБХСС, или, когда крупная афера, чекисты включаются,— была попытка вывезти за границу два самородка.

— Сколько весили? Больше дерябинского?

— Один — сто двенадцать граммов, второй — поменьше.

— Перехватили?

— Да.

— Где?

— На таможне, в Бресте. Теперь по поводу Милинко. Мы начали опрашивать всех, кто знал его по работе. В доме он жил замкнуто, не пил, был вежлив, предупредителен, отзывы самые хорошие.

— Петрову там не видели?

— Никто.

— Надо бы с ОБХСС связаться,— повторил Костенко,— что-то меня этот «Центроприиск» заинтересовал.

— Хорошо, товарищ полковник,— ответил Жуков.— К утру мы подготовим справку.

— Можно и к вечеру, чего спешку пороть? Завтра, видимо, весь день придется провести с теми, кто летел в одном самолете с Милинко и Петровой, сейчас надо ехать к ней на квартиру, его обитель посмотреть, порасспросить соседей. И еще одно,— заключил Костенко, поднимаясь,— надо бы выяснить, где, как и когда проводил свои отпуска Милинко.

...Комната в доме коридорного типа, которую занимал Милинко, была аккуратной: одна лишь мебель, не дорогая, но со вкусом расставленная. Ни в шкафу, ни в ящике, на ко-

тором стоял телевизор, ни в маленькой кухоньке, оборудованной, по-видимому, самим Милинко, не было ни писем, ни фотокарточек — тряпок не было даже. Костенко долго сидел посреди комнаты, наблюдая за работой экспертов, потом утверждающе спросил:

— Видимо, перед тем как уйти отсюда, Милинко протер все, что можно протереть — только б не остались пальчики?

— Именно так, товарищ полковник,— откликнулся старший эксперт.— Причем протирал не обычной тряпкой, а вымоченной лакирующим мебель составом — на спирте...

Костенко поглядел на Жукова:

— Пусть ваши попробуют еще раз с соседями поговорить, хотя ничего существенного от этого разговора я не жду: сычом жил, «я не трогаю, и меня не троньте». Едем к Петровой...

По поводу отпусков Милинко ответ пришел через полчаса, когда Костенко с Жуковым и следователь прокуратуры Кондаков вместе с понятыми вошли в однокомнатную квартиру Петровой.

Костенко только-только присел на подоконник и начал осмотр помещения, как приехал лейтенант Жаров.

— Он, товарищ Костенко, впервые на Большую землю уехал, он каждый отпуск в тайге проводил или в тундре, на своей лодке уходил рыбачить...

— Вот ведь какой патриот родного края,— откликнулся Костенко задумчиво и попросил: — Товарищи понятые, вы, пожалуйста, ни к чему не прикасайтесь.

Жуков поглядел на Костенко вопрошающе.

— Именно,— ответил тот,— пусть эксперты отпечатки поищут, глядишь, на наше счастье, обнаружат.

Отпечатки обнаружили на зеркале шкафа и на бутылке, покрытой пылью, что стояла на кухне.

В отличие от комнаты Милинко здесь, у Петровой, не создавалось впечатления, что женщина покидала квартиру навсегда. В шкафу остались платья и пальто, две пары обуви — старые босоножки и лакировки-лодочки, новые, пойди такие достань, японские, чудо что за туфли; в углу — телевизор, стол накрыт красивой скатертью; одного только не хватало — двух снимков, которые были сняты со стены: белели серые пятна; альбома с фотографиями тоже не было, а одинокие женщины всегда держат дома такие альбомы, это противоестественно, коли нет его, забрала с собою, значит. А откуда забирала? Из ящика комода? Или с верхней полки шкафа?

— Вы посмотрите пальчики на комоде,— попросил Костенко,— и внимательно поищите в шкафу. Меня интересуют пальцы того человека, который взял альбом с фотографиями, он наверняка был здесь. Не нравится мне это желание уехавших лишить нас возможности вглядеться в их лица, а еще больше в лица их знакомых.

— Вроде бы есть пальцы,— сказал эксперт, взобравшийся на стул,— правда, сильно припыленные.

— Это очень замечательно,— протянул Костенко,— просто даже прекрасно. А теперь товарищ Жуков попросит наших коллег простучать пол и стены — нет ли тайничка. Скорее всего, мне сдается, под тахтой может кое-что быть, если, конечно, моя догадка правильна.

— Какая ж это догадка? — не выдержал Жуков.— Это не догадка, вы по жесткой логике идете, тянете свою версию: прииск — Петрова — Милинко.

— Все кончено для вас, майор,— вздохнул Костенко,— только в Москву, забираю завтра же...

Как только тахту отодвинули, Костенко проворно спрыгнул с подоконника, указал носком на паркетину, чуть отличающуюся от других.

— Только, пожалуйста,— обратился он к эксперту,— в перчатках, тут тоже могут быть отпечатки.

Тайник был сделан мастерски: дерево аккуратно выбрано изнутри; по краям, однако, чтоб не горбило, был сохранен один уровень — ступи ногой, не пошевелится.

Внутри тайника все было выложено пластиком — углубление вполне достаточное для того, чтобы уложить и прикрыть паркетиной увесистый сверток.

— На пальцы и на золотую пыль,— повторил Костенко и, чуть кивнув головой Жукову, вышел с ним на площадку.

— Пошли к соседям, что ль? Ваши ребята, думаю, посмотрят все остальное путем?

— Все ж глаз нужен,— ответил Жуков.— Начинайте вы, а я еще маленько погляжу.

18

Соседка по этажу, Щукина Вера Даниловна, говорила очень медленно, хотя весь ее облик — поджарость, некоторая угловатость,— предполагал, наоборот, стремительность и резкость в оценках.

— Мне кажется, Петрова чем-то изнутри необыкновенно замученная женщина. Вы намерены спросить — чем. Не знаю. Быть может, мечтами, она производит впечатление мечтательницы. В ней причем странно сочетались мечтательность и невероятная жестокость — она могла ответить, как отбрить, какое-то мужское начало. Странно, да? Она очень медлительна в движении, по лестнице поднимается долго, но не из-за одышки, а потому что может подолгу смотреть в окно; я замечала — остановится и смотрит, особенно ранней осенью...

— Это было постоянно? Или до того времени, пока она не встретила Милинко?

— Милинко? Кто это? — удивилась Щукина.

— Ее приятель.

— А разве он Милинко? Впрочем, я как-то не интересовалась.— Женщина засмеялась чему-то, потом заключила: — Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей врагу не отдадим... Пусть ко мне только не лезут, я...

— Напрасно объясняете, я вас понял, вы будто читаете чужие мысли. Но вас не удивило, что соседки уж как полгода нет дома?

— А меня это не занимает... Однажды она мне сказала: «Мечтаю уехать из этого холода на море, к теплу». Я ответила, что на море в декабре начинается дождь, промозглый ветер, это еще хуже, чем мороз.

— Ну, все-таки ощущение того, что поблизости есть теплое море и оно не замерзает, как-то обнадеживает,— заметил Костенко.

— Не знаю... Лучше мечтать о прекрасном долго и потом получить, чем быть все время подле и не видеть толком... Люди черноморского побережья не знают моря и не понимают тепла — для них это быт.

— Простите, вы кто по профессии?

— Странно, я ждала именно этого вопроса... Я биолог. А вы — следователь?

— Сыщик.

— Есть разница?

— Не притворяйтесь, не надо, тоже, верно, смотрите «Следствие ведут знатоки», разницу знаете...

— У меня нет телевизора, я продала его три года назад,— снова засмеялась Щукина, и Костенко только сейчас до конца понял, как она красива.

— Давайте вернемся к моему вопросу,— не выдержав взгляда женщины, сказал Костенко, чувствуя, что говорить с нею ему приятно, но трудно.— Что вы знаете о ее приятеле?

— Ничего. Безлик, вполне надежен, хваткая походка, идет, как загребает, ногу ставит, будто на параде... Но, по-моему, его иначе звали... Я, однако же, лишь раз слыхала, как она к нему обратилась... По-моему, Гришин, почему вы назвали фамилию Милинко?

— Его звали Гриша...

— Да? Но мне показалось, что она называла его по фамилии, очень почтительно, на «вы».

— Он часто бывал у нее?

— Нет. Я его видела раза четыре, один раз рано утром; обычно он приходил к ней поздно, ночью уже.

— Тихо у них было?

— Как на кладбище.

— Гости?

— Очень редко.

— А кто?

— Мужчины, чем-то похожие на Гришу.

— Чем именно?

— Тоже деловиты. И тихи.

— А когда приходили?

— Вечером.

— А середина октября, прошлого октября? Шестнадцатое или семнадцатое...

— А что должно было случиться в эти дни?

— Шум у Петровой.

— Не помню. А почему именно в эти дни там должен быть шум?

— Потому что в один из этих дней убили человека.

Щукина съежилась, отодвинулась в глубину кресла, зрачки ее расширились, глаза потемнели.

— Однажды, только я не помню когда, у них вдруг запели, я это вспомнила только сейчас, я не помню когда, не помню что, но пел мужчина.

— А что пел тот мужчина? Вы же запомнили песню, вы ее наверняка запомнили...

— Да, я ее запомнила, только сейчас вылетело из головы, но я припомню, погодите... «Я спросил у ясеня» — вот что запел мужчина...

19

В коридоре угрозыска Костенко ждала молоденькая, большеглазая, с пепельными волосами девушка. «Чудо что за девушка,— подумал Костенко.— Если б я был несчастным человеком в браке, и если бы Маня хоть в малости меня когда-нибудь ущемила, сразу бы на ней женился, ей-богу, такая прелестная дюймовочка, просто сил нет...»

— Что у вас, красивая? — спросил Костенко.— Коньки похитили? Соперники тополь под вашим окном сломали?

— Я из газеты,— ответила девушка; голос у нее был хрипловатый, низкий, что делало ее еще более нежной какой-то.

— Ах, вы из газеты?! Ну, тогда на ходу неловко разговаривать, зайдем в буфет.

— Я у вас много времени не отниму...

— Жаль. Как всякий лентяй, я обожаю, когда мне мешают работать и отнимают много времени. Особенно такая прекрасная дюймовочка, как вы.

— Дюймовочками бывают до шести лет,— ответила девушка,— а мне двадцать четыре, и зовут меня Кира Королёва.

— Красивое созвучие. Костенко Владислав... Увы, вынужден добавить — Романович. Седины обязывают.

— Седина — лучшее украшение мужчины... Мы тоже стали торопиться с сединой. Видите? — Она склонила голову, и тяжелая грива волос шипуче обвалилась на ее маленькое плечо.— Как будто от страданий,— засмеялась девушка.— Ранняя седина — это очень достойно.

— Ну-ну,— согласился Костенко, пропуская Киру в буфет.

Заметив его, молодые сотрудники — видимо, раньше служили на флоте,— поднялись; Костенко несколько растерялся от эдакого чисто морского фасона, пожал плечами, не решился сказать «садитесь, пожалуйста», сделал руками какой-то странный жест — так на улицах драчунов разводят, — его, однако, поняли, сели.

— Ох, какой вы большой начальник,— сказала Кира,— а я и не знала.

— Да уж такой начальник, что дальше некуда, вот-вот голову свернут...

Костенко подвел девушку к буфету:

— Выбирайте.

— Было б что.— Она улыбнулась.— Сыр и кофе.

— Тут пирожные очень вкусны, хотите?

— А фигура?

— Завтра попьете чай без сахара.

— Ладно, уговорили,— сказала девушка,— долго ли нас уговаривать? — И снова засмеялась грудным смехом, который так понравился Костенко, и она, конечно же, заметила, что это ему понравилось.

Продолжение следует.

КУБИНСКИЕ НАДЕЖДЫ

Сергей МАРКОВ

РЫВОК РОБЕРТО

Как-то не вяжется его мальчишеская беззаботная улыбка с этим тяжелейшим в буквальном смысле спортом — штангой. Он улыбается всегда — и дома, и на тренировках, и на чемпионатах мира, и, конечно, на фотографиях. Улыбка Роберто Урутия как бы представляет Кубу, которая невозможна без солнечной улыбки.

Но когда я впервые встретился с Роберто в кубинском Олимпийском центре неподалеку от Гаваны, он был сосредоточен и молчалив. Предстояло выступление на чемпионате мира в Греции, на последних крупных состязаниях перед московской Олимпиадой, а уверенности в победе не было ни у тренера, ни у самого Урутии. Первые месяцы 1979 года были для него неудачными: проиграл ответственные соревнования «Голубые мечи» в ГДР и международные — в Сантьяго-де-Куба...

— Вел себя, как мальчишка,— поясняет сам штангист.— Заказывал с самого начала рекордные веса, недооценил соперников... В общем, сам виноват!

— Потянутые несколько лет назад мышцы тоже помешали,— перебивает его тренер Луис Мадригал.— Но он у нас такой: больше шести лет вместе работаем, и ни разу я не слышал жалоб или каких-нибудь оправданий. Но на Грецию мы надеемся...

— Трудно будет,— задумчиво произносит Роберто.— И у вас в стране есть сильные парни и в ГДР... Не говорю уж о Болгарии... Много неизвестной пока молодежи. Но постараемся...

Он встает, выщелкивая косточками пальцев известный кубинский мотив, и, тихонько посвистывая, не спеша, идет к своей штанге, которая лежит на стойках в углу длинного тренировочного зала. Старательно натирает ладони, чтобы не скользил гриф. Подходит к штанге. Поворачивается к нам, задорно подмигивает:

— Работать надо, тогда никаких проблем! — и широченно улыбается.

Рывок — 130 килограммов! Грохочет штанга. Рывок...

Ворвался Роберто в тяжелую атлетику сразу, без раскачки и предупреждений. На гаванском чемпионате мира в 1973 году кубинская команда вообще не была представлена в весе 67,5 килограмма. Эта категория издавна считалась слабым местом кубинской тяжелой атлетики. Но после чемпионата 1974-го, на котором впервые выступил семнадцатилетний Урутия, все специалисты сошлись на том, что его весовая категория теперь сильнейшая в сборной.

...В секцию тяжелой атлетики его привел отец, в прошлом — бегун и пылкий болельщик. Роберто было тринадцать лет. В первый же день он поразил всех своей неистовостью. Странно было говорить о каком-то трудолюбии, настойчивости... Он не трудился, нет. Этот самый маленький в секции по росту паренек с огромным удовольствием играл. Так играют, к примеру, кубинские мальчишки в бейсбол.

— Удивительный парень,— рассказывал мне председатель Федерации тяжелой атлетики Андрес Гутиэррес.— Фанатик, каким и должен быть идеальный спортсмен. Роберто — капитан сборной, и нет веселей капитана в команде. Он и рассказчик прекрасный, и музыку великолепно знает, и играет на гитаре, и актер... Но потому он и выдающийся спортсмен, что умеет мгновенно собраться. Высока его требовательность к себе. Однажды опоздал на тренировку. Никто, разумеется, не сделал ему замечания, потому что если Роберто опоздал, стало быть, есть уважительная причина, даже сверхуважительная. Он же, в наказание самому себе, недели две приходил за час до начала тренировок и домой уходил позже всех.

На чемпионате страны 1975 года Урутия устанавливает мировой рекорд в рывке — 138,5 килограмма. Это был второй мировой рекорд за всю историю тяжелой атлетики Кубы. Со стороны могло показаться, что сделал он это без усилий, как-то... само собой. Просто переиграл маститых соперников, вскинул руки, с наслаждением вдохнул воздух и улыбнулся. Но давно уже известно, чего стоит легкость истинного мастера, легкость чемпиона.

Перед монреальской Олимпиадой Урутия был в прекрасной форме. И за два месяца до отъезда в Канаду сильно потянул мышцы.

— Вы ему не вспоминайте об этом,— просит Сурайя, жена Роберто.— На Олимпиаде хоть и не ахти как, но все-таки выступил. А потом плакал дома...

Греческий ноябрь встретил кубинцев навязчивым мелким дождем и холодным, порывистым ветром. В первый вечер мирового чемпионата все казалось серым и печальным. И настроение под стать погоде. Что будет? Ведь среди соперников болгарин Неделька Колев, которого на гаванском чемпионате мира признали лучшим, Петер Гуэнсель из ГДР, могучий земляк Хулио Эрченики... Трудно будет!

И вот первая попытка. Рывок. Неудача. Друзья говорят, что никогда не видели таким весельчака Роберто. Он был словно где-то далеко, ничего вокруг себя не замечал, крепко сцеплял пальцы над головой, ходил из угла в угол...

Попытка вторая. Он вышел быстро и решительно. Потом вдруг резко остановился, шага четыре не доходя до штанги, склонив голову, долго смотрел на край помоста, на бессчетные блестящие «блины». Оглянулся на табло — 155. Его личный рекорд. Медленно подошел к штанге, наклонился, слегка погладил гриф ладонями, намертво его зажал — и-и-и! — по-каратистски высоко и пронзительно вскрикнул. Все произошло в секунду. Штанга в воздухе, но тело пробила раскаленная боль. Спина онемела. Он даже забыл на какое-то мгновение о штанге. В руках она или уже на помосте. Здесь! Держать, держать — стучало в висках. Вес зафиксировать. Грудные и спинные мышцы вот-вот взорвутся. Держать, держать!.. Целая вечность... Перед глазами сплошная черная стена.

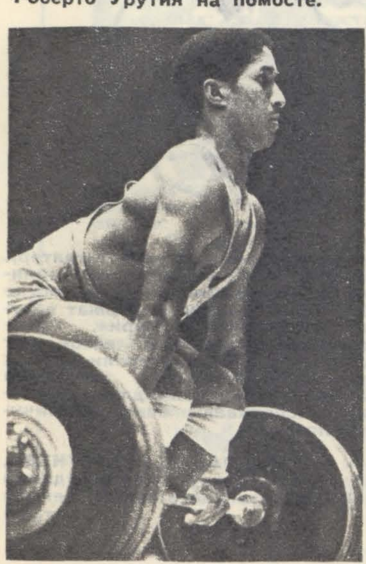
Ушел он с помоста смертельно бледный. Врачи оказали необходимую помощь. Продолжить соревнования, выйти на толчок после такого обострения травмы казалось невозможным.

— Я должен,— слабо, осторожно, чтобы не дернуло плечо, улыбнулся Роберто.— Или я не спортсмен?

Толчок — 190. Победа. И родились новые силы, и хотелось идти на рекорд. А потом, уже на Кубе, не то что тренироваться, смотреть на штангу не мог. Сидел дома, готовился к сессии в институте физкультуры (он готовится стать тренером, мечтает научно доказать безграничность человеческих возможностей!).

— Получил первое «отлично», и травму мою как рукой сняло,— смеялся Роберто, когда перед самым Новым годом мы снова встретились с ним в Центре.

По специальному, уже олимпий-



Роберто Урутия на помосте.

Теофило Стивенсон (слева) атакует.

Сильвио Леонард принимает поздравления.

скому графику день был посвящен общефизической подготовке. Минут сорок я наблюдал, как бурлила прозрачная зеленоватая вода на третьей дорожке бассейна, которую «кипятил» Урутия. Подошел, оставляя на горячем кафеле широкие мокрые следы, упал в кресло, тяжело дыша.

— Времени осталось в обрез, а мне бы очень хотелось поехать в твою страну. У меня там много друзей. Не слышал, как Юрик Варданян поживает? Мы с ним в Армении вместе тренировались и сдружились. Замечательный парень, веселый, заводной... В Москве трудно будет, как никогда еще не было. Жарко будет. Может быть, даже жарче, чем у нас в июле. Ну да ладно, не унывать же! Как ты считаешь?..

ЗАЙЧОНОК

И это февраль! Солнце разлито по всему тяжело дышащему, горячему небу. Убогие острые тени от пальм не спасают размякший кардан беговых дорожек. Воздух в чаше стадиона, в которую не прорываются океанские ветры, словно жар от костра.

На дорожке двое. Широкоплечий что-то энергично объясняет юноше в красном тренировочном костюме.

Спустившись с трибуны, я подошел поближе.

— Тренер сборной Кубы Иролан Эчеварияя,— представился тот, что постарше.— А это Сильвио Леонард. Слыхали? У нас сегодня длинные дистанции. Посидите со мной, пока Сильвио выполнит норму.

Никто в сборной столько не бегает, сколько Леонард. Удивительно трудолюбивый и трудоспособный парень. Знаете, сейчас многие прикрываются «индивидуальными» планами, отказываются даже от участия в соревнованиях, которые, на их взгляд, недостаточно высоки рангом. А для Сильвио понятия этих самых рангов не существует. Он любит бег, любит побеждать. Поэтому в год у него, как правило, десять и больше состязаний. А это дает и опыт и уверенность. Но особенно он неистов на тренировках. Что касается их продолжительности, от меня требуется лишь одно: останавливать Сильвио...

— Зайчонок! Быстрей! За-яц! Заяц! — кричали взрослые и дети из окон домов худощавому, жилистому пареньку, сразу вырвавшемуся из группы школьников, несущихся за автобусом.

Он обижается на это прозвище, надувается, подолгу молчит... Но что поделаешь, если действительно похож на зайчонка: широко расставленные внимательные глаза, большие уши... И, главное, не было в Сьенфуэгосе мальчишки, который был бы быстрее его...

— Школа была далеко,— вспоминает Сильвио.— Пешком не дойдешь. Так что каждый день приходилось по нескольку раз бегать за автобусом-гуагуа. Однажды такой забег наблюдал школьный учитель. Через несколько дней он привел меня в спортивную секцию...

На Олимпиаде 1968 года в Мексике кубинские спортсмены завоевали серебряную медаль в эстафетном беге четыре по сто метров. Это была первая победа кубинских бегунов на мировой арене. А к началу семидесятых годов в республике было уже не меньше десяти спринтеров мирового уровня.

Сильвио Леонард буквально за два года стал сильнейшим. Ему не исполнилось и пятнадцати, когда он выиграл национальные соревнования школьников. А очень скоро неожиданно для всех победил и всех взрослых спринтеров. За два года!

— Каждый день был для меня открытием,— рассказывает о себе Сильвио.— Ведь я же не имел представления о том, что такое скоростная выносливость, расчет сил, внутренний и внешний ритм... Бегал как бегается! А знаешь, ритм, мне думается, самое главное в беге, как и в жизни человека вообще! Необходимо найти свой ритм, единственный, не похожий ни на какой другой. Ну, и, конечно, выдержке научиться, понять, что бег не просто праздник мышц, а упорный, порой изматывающий своим однообразием труд. Сколько тренеры — и Бойтисоло и ваши, советские специалисты — отдали времени моему старту! Каждый день по нескольку часов — центр тяжести, постановка ступни, толчок... И научную литературу мы изучали и учебные спортивные фильмы смотрели. И все же старт до сей поры — слабое мое место.

О нем заговорили после Московской Универсиады 1973 года. Москва запомнилась теплым дождем, огромным сахарным арбузом, который съел с друзьями из советской и болгарской команд, и захватывающей дух панорамой с Ленинских гор.

А потом был забег в Лужниках, выстрел пистолета, старт, финиш, вторая ступень пьедестала, рекордное в то время для Леонарда время — 10,24.

Два года спустя с Валерием Борзовым, победителем Универсиады, восстановили этот забег в памяти, вспомнили, как встретились глазами перед стартом... Или Сильвио только показалось? Ведь Борзов был к тому времени уже известным всему миру олимпийским чемпионом.

Но в 1975-м в Остраве в забеге на 200 метров победил Леонард. И стометровки той в Чехословакии ему не забыть: 9,9 — трижды объявили по стадиону. Сильвио все равно не поверил. Круги перед глазами, и никак не хватало легким воздуха. Не может быть... Вырваться из заветной для спринтеров всех времен десятки. Неизвестно, что было бы с мировым рекордом — 9,95, будь тогда на стадионе электронный секундомер!

Через два месяца после Чехословакии — Панамериканские игры в Мексике... Финальный забег. На старт, внимание... К этим секундам готовятся годами. В них — квинтэссенция тысяч стартов и тысяч метров. Выдержать, не взорваться мгновением раньше... Фальстартов было достаточно в жизни Сильвио.

Тогда в Мехико Сильвио прозевал старт. Он опоздал, но, несмотря на огромный разрыв, догнал и обошел всех. И вдруг перед финишем с ним что-то произошло! Он потерял центр тяжести, утратил координацию движений и, первым разорвав ленточку, уже не смог за ней остановиться. На скорости 36 километров в час он, Сильвио, вылетел за ограду и упал на дно бетонированного тоннеля, отделявшего беговые дорожки от трибун. Кто-то из фотокорреспондентов успел поймать этот драматический момент, не имеющий аналогов в истории спорта. Стометровке было отдано все.

ОТЕЦ И СЫН

— Компаньеро Андрей, он же трус! Баскетболист классный, бейсбол понимает, бегает неплохо. Но бокс не для него, поверьте. Как огня боится удара. Видите, второй раунд уже кончается, а Теофило все только уходит...

Испанского языка только что приехавший на Кубу советский тренер Андрей Кондратьевич Червоненко не понимал и переводчика слушал краем уха. «А мне,— думал он,— этот высокий парень подходит. Хоть и не умеет ничего, а умный».

— Ты переведи им,— попросил Червоненко переводчика,— мол, и трус один в команде нужен. Для разнообразия. А то все как на подбор герои-гладиаторы! Скучно. Короче, я с ним поработаю.

Через несколько месяцев Червоненко назначили тренером сборной Кубы, и неожиданно для всех он пригласил в команду восемнадцатилетнего Теофило Стивенсона, двухметрового, худого, голенастого паренька.

— Не выйдет из меня боксера,— после очередного неудачного спарринга бубнил, насупившись, Стивенсон. — Надо было мне в баскетболе остаться.

— Знаешь, мне как-то скучно от твоих этих речей,— отвечал неумолимый компаньеро Андрей.— Не помню, говорил я тебе или нет: ты будешь чемпионом.

— Ну, говорили...

— Тогда повторяю: если захочешь — будешь. Надевай-ка перчатки.

— Руки болят.

— Ничего, не отсохнут. Мужик ты или нет?

И снова в опустевшем зале высоченный Теофило яростно обрабатывал тренировочные «лапы» Червоненко.

И так изо дня в день. Конечно, не только со Стивенсоном занимался советский тренер. За три года он много сделал для кубинского бокса, и сейчас на острове сильнейшая в мире команда. Пожалуй, ни у одной нет стольких шансов на победу в Москве.

Сохранилась трогательная фотография, на которой Червоненко дарит Теофило за первую победу на международных соревнованиях «Дружба», проходивших в 1970 году в Болгарии, свою шерстяную рубашку. Она широка и коротковата гиганту, но победитель улыбается счастливо.

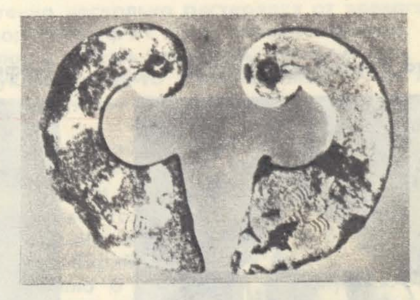
Состязания эти были трудными, хоть и проходили по юношескому разряду. Меньше чем через два года Теофило был награжден высшей боксерской наградой за победу на Кубке Баркера. А когда кубинская команда победила на Олимпиаде в Мюнхене, завоевав три золотые, одну серебряную и одну бронзовую медали, то Стивенсон, бесспорно, был в команде лучшим.

— Если б не Андрей, — говорил мне Теофило,— я бы никогда не выиграл. Всем я обязан ему. То время, что он жил у нас, было самым трудным и самым счастливым в моей жизни.

Гавана — Москва.

ИЗ ИСТОРИИ ОЛИМПИАД

ПОМОГАЛИ ФЛЕЙТА И ГАНТЕЛИ



Древнегреческий художник-вазописец живо отобразил момент состязания: атлет выполняет прыжок в длину, судья внимательно следит за правильностью движений выступающего, второй атлет готовится к старту. Глядя на центральную фигуру, исполненную экспрессии, вспоминаем слова античного автора Феофраста: «Он пролетел над скамьей от начала до конца».

Борьба, метания копья и диска, прыжки в длину, бег входили в олимпийскую программу и нередко восхищали зрителей древних Олимпийских игр. В частности, при прыжках высоко оценивались красота и ритмичность движений, а если у приземлившегося спортсмена одна нога оказывалась дальше другой, публика и судьи были единодушны: прыжок не засчитывался.

Итак, несколько быстрых пружинящих шагов по небольшому возвышению, деревянному или каменному, взмах руками, толчок — и вот уже атлет прыгнул в скамму (углубление в земле, заполненное мягким песком). Длину прыжка обычно отмечали чертой, и показанные здесь результаты порой бывали удивительны: пятиборец Фаилл прыгнул однажды на 16,31 метра, перескочив скамму более чем на метр и сломав при этом ногу, а спортсмен по имени Эхион — на 16,66 метра.

Подобные результаты не могут не вызывать удивления. Не стали ли они возможными благодаря музыкальному сопровождению на флейте? Древние греки были убеждены, что ритмы флейты придают движениям атлетов нужный ритм.

В те далекие времена при прыжке использовались каменные или металлические гантели (галтер). Атлеты, изображенные на глиняном краснофигурном сосуде 2500-летней давности, держат в руках «прыжковые гири». Такие спортивные снаряды весом от 1,5 кг и выше направляли размах рук состязавшегося, усиливали толчок, увеличивали длину прыжка, обеспечивали более устойчивую посадку.

В. БРАБИЧ, Г. ПЛЕТНЕВА,
старшие научные сотрудники
Государственного ордена Ленина
Эрмитажа

Сцена из «Маскарада». Фото В. Заболотских

СЕМЬ ЛЕТ И ПОЛГОДА В ЖИЗНИ ТЕАТРА

Вот уже несколько лет в Крыму о театральной жизни говорят на том уровне заинтересованности, на каком обычно обсуждаются события близкие, семейные: «Заметили: как-то вдруг театр стал центром духовной жизни города!» Или так: «До сих пор билеты доставали, а теперь... Театр-то академический!»

Однако к этому «вдруг» театр шел семь лет, упорно завоевывая внимание зрителя. Правда, Симферополь издавна считался городом театральным, но были и проходные постановки. Были — до «Царя Федора Иоанновича». Местный авторитетный критик поехал в Москву: сравнивать. Вернулся довольный: «У нас не хуже». Честно говоря, он даже сказал: «У нас лучше»... За «Федором Иоанновичем» последовал спектакль о симферопольских подпольщиках; за эту постановку коллектив получил Государственную премию СССР...

Уже эти два спектакля показали, что театр совершил поворот к проблемам большим, серьезным. Художественный руководитель коллектива Анатолий Григорьевич Новиков увидел в пьесе о земляках-актерах, которая успела пропылиться, валяясь без движения, свою задачу: творческую и жизненную. Он прочел и продумал пьесу за одну ночь. Наутро сказал: «Будем ставить!..» Так ведь это само собой разумелось: театр должен был иметь спектакль о своем городе, о людях, отдавших жизнь за Родину...

По мере того, как складывался репертуар, становилось ясно: дело не в счастливых случайностях. Театр стал серьезно относиться к своим возможностям и с уважением — к зрителю. Началась работа и с актерами и с теми, кто приходит слушать и смотреть,— сверять с театром свой эталон счастья, свое понятие долга... Не глазеть, а переживать и спрашивать.

Высоким должно быть мастерство актера, чтоб его ответам поверили! Но есть объективная и справедливая закономерность: стоит театру напрячься над трудным репертуаром, как появляются силы... Серьезная работа с актерами привела театр к довольно решительному эксперименту. Помимо основной, «привычной» сцены, театр открыл еще две: Малую и Студийную. На Малой сцене решаются те же большие, вечные вопросы: идея, честь, долг, расплата, служение Родине... Спектакли идут такие же значительные по нравственной нагрузке, как и на основной сцене, только зритель подвинут к сцене вплотную...

Театр-студия открылся в самые последние дни прошлого года. Пришел Новиков и в своей манере, как бы между прочим, сказал: «Разрешили. И ассигнования есть и право набирать учеников. Мы ведь — академические».

Трудно сказать, как сложится лицо Студии. Пока что здесь красиво, серьезно прошел «Маскарад» Лермонтова. Ожидаются новые встречи с классикой — с чеховским «Дядей Ваней»...

Из современных пьес взяли «Элегию» о поздней, грустно-бескорыстной любви Ивана Сергеевича Тургенева...

В чем же суть этих находок? Хотя бы в том, что до сих пор в Крыму почему-то мимо них проходили. А теперь жизнь театра определяется заинтересованностью того зрителя, который еще в утреннем троллейбусе говорит товарищу по работе: «Если в театре за месяц не побываешь, уже вроде и жизнь не полна!»

Е. КРИШТОФ

КРОССВОРД

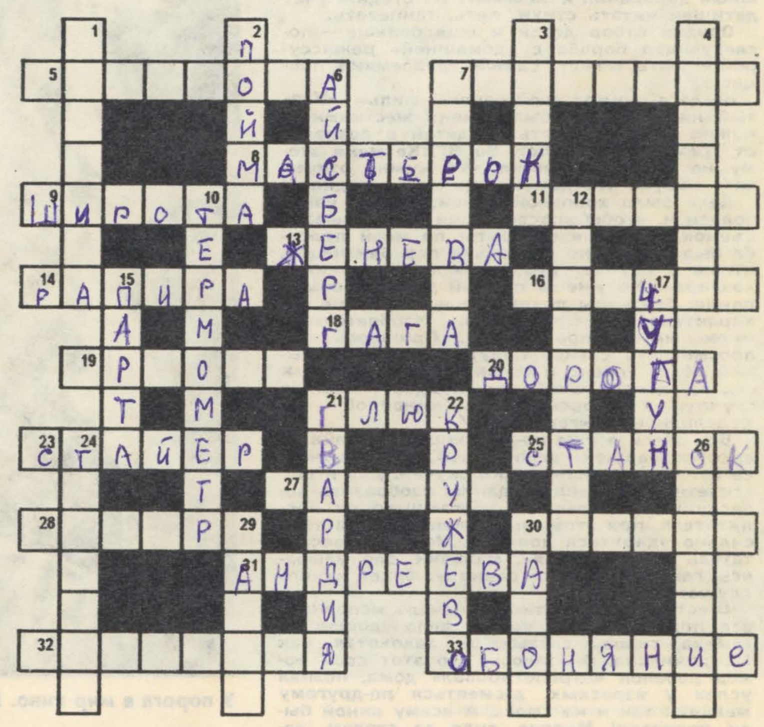
По горизонтали: 5. Декоративное травянистое растение, цветок. 7. Союзная советская республика. 8. Инструмент живописца. 9. Одна из географических координат. 11. Разновидность плотвы. 13. Город в Швейцарии. 14. Спортивное оружие. 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 18. Полярная утка. 19. Ритмическая фигура в музыке. 20. Путь. 21. Композитор, автор оперы «Орфей и Эвридика». 23. Спортсмен, бегун на длинные дистанции. 25. Машина для обработки металла, дерева. 27. Басня И. А. Крылова. 28. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Иоланта». 30. Скульптурное изображение. 31. Актриса, выступавшая на сцене МХАТа. 32. Остров в Канадском Арктическом архипелаге. 33. Одно из пяти внешних чувств.

По вертикали: 1. Работница текстильной промышленности. 2. Речная долина, затопляемая в половодье. 3. Почва. 4. Луговое растение, медонос. 6. Плавучая ледяная гора. 7. Город на Украине. 10. Прибор для измерения степени нагрева или охлаждения. 12. Заслуженное доверие. 15. Школьный стол. 17. Сплав железа с углеродом. 21. Советские воинские части и соединения, отличившиеся в боях. 22. Узорчатое текстильное изделие для украшения. 24. Персонаж пьесы В. В. Маяковского «Баня». 26. Сельскохозяйственное орудие по уходу за растениями. 29. Горный массив в Западных Карпатах. 30. Приток Тисы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 1. Беллинсгаузен. 5. Отара. 6. Поле. 9. Танк. 11. Чебоксары. 12. Галоп. 14. Кросс. 15. Спиноза. 17. Парайба. 18. Секатор. 19. «Ледоход». 20. Дебюсси. 21. Ежевика. 23. Ротор. 25. Анапа. 27. Дендрарий. 30. Реле. 31. Трос. 32. «Узник». 33. Консерватория.

По вертикали: 1. Болеро. 2. Нетто. 3. Гарус. 4. Нектар. 6. Пегас. 7. Несчастливцев. 8. Юриспруденция. 10. Каска. 13. Профессор. 14. Картотека. 16. Бажов. 20. Дюрер. 22. Аракс. 24. Оселок. 26. Нутрия. 28. Дозор. 29. Анива.



НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Павел Михайлович Третьяков. Скульптура народного художника СССР А. П. Кибальникова (см. в номере материал «Основателю Третьяковки»).

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На олимпийском велотреке.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

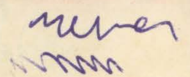
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.06.80. Подписано к печати 24.06.80. А 06595. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1512. Заказ № 2426.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.



В. ГРАММАТИКОВ,
кинорежиссер

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Тишина в студии! Приготовились!

Так обычно начинается съемка фильма на всех киностудиях мира. Но прежде чем режиссер даст актерам эту команду, иногда проходит несколько месяцев. В это время выясняется, кому именно будет адресована команда... Бывает так и в тех случаях, когда актерами оказываются дети. Они всегда приходят в студию с большим желанием сниматься, но еще больше хотят увидеть их на экране папы и мамы, бабушки и дедушки, которые настойчиво готовят юные дарования к экзамену на студии: учат детишек читать стихи, петь, танцевать.

Однако отбор детей и еще больше — последующая борьба с «домашней» режиссурой,— быть может, самый трудоемкий процесс.

Когда я снимал свой первый фильм «Усатый нянь», сроки были очень жесткими, а нужно было отобрать 18 детей в возрасте от трех до шести лет. Во ВГИКе меня этому не учили. Я решил, что нужно открывать новую, неведомую еще мне методику...

Дело было холодной зимой; ребята часто болели и, чтобы впоследствии не прерывать съемок, я решил схитрить: по моей просьбе было отобрано несколько пар близнецов, чтобы в случае необходимости заменить «актера». Но уже в первый день работы я понял: близнецы похожи только внешне, по характеру они различны. Изобретенный мною метод провалился!.. Пришлось нам просмотреть свыше полутора тысяч малышей. И не только в студии, но и в детских садах, яслях... Отобрали предварительную группу, из которой — после кинопроб — определились бы «герои».

Вот здесь я уже по-настоящему столкнулся с «домашней» режиссурой. Чтобы лучше ее понять, расскажу один случай. Дал я шестилетнему малышу задание: изобразить непослушного мальчика, убегающего от воспитателя, при этом он должен был упасть и сильно удариться коленом. Но когда воспитатель ловит «героя», мальчик, зло улыбаясь, говорит, что все равно не будет никого слушаться...

Шестилетний артист сначала исполняет все правильно, но, когда дело дошло до «смеха сквозь слезы», он захохотал, как Маврикиевна. Оказалось, что этот свой номер ребенок «отрепетировал» дома, познал успех у взрослых, засмеяться по-другому мальчик так и не смог... А всему виной были родители! Многие, сидя за столом, демонстрируют гостям таланты своего чада: Петя, сыграй Маврикиевну! Расскажи про кулинарный техникум! И Петя «изображает». Все довольны, все смеются, а родителям невдомек, что они убивают в своем ребенке самое главное — индивидуальность. Зато не обремененные домашним «успехом» дети ведут себя на удивление изобретательно, даже талантливо, что наталкивает порой режиссера на совершенно новое, более оригинальное решение той или иной сцены. Такой оказалась, например, Даша Мальчевская, когда снималась в фильме «Шла собака по роялю». На международном кинофестивале в Москве она получила приз детского жюри за лучшее исполнение роли. Тогда ей было десять лет. Очень хочется, чтобы редкое дарование маленькой актрисы успешно развивалось.

Картина, которую я сейчас снимаю, имеет длинное название: «Руки вверх, или враг номер один». Это фильм о борьбе с ленью, которая и есть главный ребячий враг. В конце нашего фильма он должен быть побежден пробудившимся сознанием детей и мудростью взрослых...

Идет отбор исполнителей. На сей раз нам нужны дети не просто способные, но умеющие быть эксцентричными. Мы посмотрели около двух тысяч ребят, но окончательного выбора еще не сделали.

Помню, когда закончил свой первый фильм, я был так вымотан, что решил больше не работать с детьми. Но изменил свое решение уже на следующий день, когда на студии состоялся специальный просмотр для подшефной школы. Ее ученики — всегда первые зрители наших детских фильмов. И когда я услышал искренний смех, увидел эту непосредственную, шумную, живую реакцию, то решил, что буду работать над детскими фильмами обязательно. Ради заразительного, искреннего ребячьего смеха...

У порога в мир кино. Режиссер будущего фильма В. А. Грамматиков.

ХОЧУ СНИ

Не прошла!

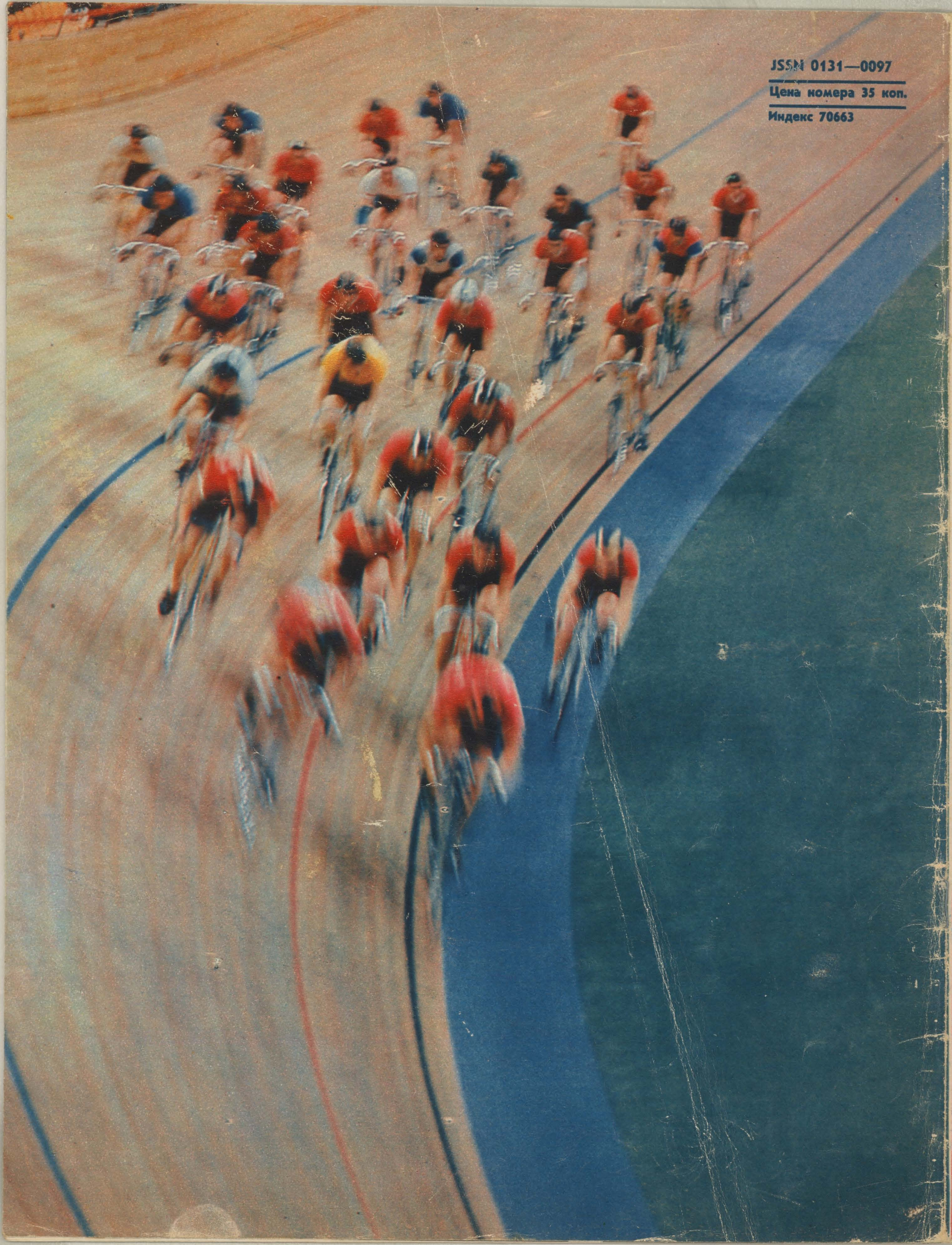
Первая проба. «Забудь про аппарат, держись свободнее».

Леша Калинин — киногерой!

МАТЬСЯ В КИНО...

Родители волнуются больше детей.

Попробуй распознай в нем актера!



ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663